

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙ ТРАДИЦИИ ЭТНИЧНОСТЬ

№ 1 (5)

Санкт-Петербург
2014

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Музей. Традиции. Этничность
Научный журнал. Издаётся с 2012 г.
Выходит два раза в год.
2014, № 1 (5)

Учредитель:
Российский этнографический музей

Главный редактор:
д.и.н. проф. Д.Г. Савинов

Редакционная коллегия:
к.и.н. Д.А. Баранов, к. культурологии Е.Е. Герасименко, д.пед.н. проф. В.М. Грусман,
д.и.н. В.А. Дмитриев, д. культурологии проф. Н.М. Калашникова, к.и.н. доцент
Е.Н. Мастеница, д.и.н. А.Б. Островский

Адрес редакции:
191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1
e-mail: journal@ethnomuseum.ru

ISSN 2304-9928
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51222 от 20 сентября 2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс 70735

Содержание

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Грусман В.М., Дмитриев В.А.**
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ:
К 80-ЛЕТИЮ ОБРЕТЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
6

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

- Островский А.Б.**
25 АКСИОЛОГИЯ БОГАТСТВА В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ
КОНЦА XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮРО КН. В.Н. ТЕНИШЕВА)
- Баранова О.Г., Седых В.Н.**
32 О ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ТРАДИЦИИ ХРАНЕНИЯ ДЕНЕГ В РОССИИ
- Калюта А.В.**
44 IN TONALLI IN TLĀCATL: СУДЬБА, ИМЯ И БОГАТСТВО
В ДОИСПАНСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ НАУА

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

- Фишман О.М.**
53 ЭЛЕКТРОННЫЙ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
«СОБИРАТЕЛИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ»:
ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

- Прокопьева Н.Н.**
72 ОБЗОР НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В СОБРАНИЕ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА
- Соловьева К.Ю.**
88 ПО СЛЕДАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА:
ОПЫТ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ
КОЛЛЕКЦИЙ

ПЕРСОНАЛИИ

- 101 **Баранова И.И.**
ДИРЕКТОР (ПАМЯТИ ДОРИАНА АНДРЕЕВИЧА СЕРГЕЕВА)
- 105 **Корсун С.А.**
Д.А. СЕРГЕЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ ЭСКИМОСОВ
- 110 **Арутюнов С.А.**
ПАМЯТИ ДОРИАНА СЕРГЕЕВА

РЕЦЕНЗИИ

- 115 **Крылов П.В.**
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПУТЬ ВЕРЫ ДЛИНОЮ В СТОЛЕТИЯ. ЦЕРКОВЬ
ИНГРИИ: 400 ЛЕТ ИСТОРИИ, 40 ЛЕТ БЕЗ ХРАМОВ, 4 ВЕХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ»
/ Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугаппи. СПб.: 2012. – 296 с., с илл.

Contents

GLIMPSES OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

- 6 **Grusman V.M., Dmitriyev V.A.**
GLIMPSES OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY:
THE 80TH ANNIVERSARY OF GAINING INDEPENDENCE

ETHNIC TRADITIONS IN CULTURE

- 25 **Ostrovski A.B.**
AXIOLOGY OF WEALTH IN THE RUSSIAN PEASANT COMMUNITY
IN THE LATE NINETEENTH CENTURY (FOLLOWING THE MATERIALS BUREAU
V.N. TENISHEV)
- 32 **Baranova O.G., Sedykh V.N.**
ON A THOUSAND YEAR OLD TRADITION OF MONEY PRESERVATION
IN RUSSIA IN THE EARLY 2ND MILLENNIUM AD
- 44 **Kalyuta A.V.**
IN TŌNALLI IN TLĀCATL: FORTUNE, NAME AND WEALTH
IN THE NAHUA PREHISPANIC WORLDVIEW

FORMS OF THE MUSEUM'S TRANSLATION OF ETHNICITY

- 53 **Fishman O.M.**
ELECTRONIC BIOBIBLIOGRAPHICAL DICTIONARY “THE COLLECTORS
OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY”: A NEW GENERATION
INFORMATION RESOURCE

ETHNOGRAPHIC FIELD, MUSEUM'S COLLECTIONS AND ARCHIVES

- 72 **Prokopieva N.N.**
AN OVERVIEW OF THE NEW ACQUISITIONS BY THE RUSSIAN MUSEUM
OF ETHNOGRAPHY
- 88 **Solovyeva K.Yu.**
IN THE WAKE OF ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS OF THE 20 – BEGINNING
OF 21 CENTURY: EXPERIENCE OF RECRUITMENT AND PROMOTION
OF PHOTOGRAPHIC COLLECTIONS

PERSONALIA

- 101 **Baranova I.I.**
DIRECTOR (IN MEMORY OF DORIAN ANDREEVICH SERGEEV)
- 105 **Korsun S.A.**
D.A. SERGEEV, A RESEARCHER OF THE ANCIENT CULTURES OF THE ESKIMOS
- 110 **Arutyunov S.A.**
IN MEMORY OF DORIAN SERGEEV

BOOK REVIEWS

- 115 **Krylov P.V.**
BOOK REVIEW: “FAITHFULL ROAD THROU CENTURIES. CHURCH OF INGRIA:
400 YEARS OF HISTORY, 40 YEARS WITHOUT TEMPLES, 4 BENCHMARKS
OF REVIVAL”. Ed by Rev. Bishof Aarre Kuukauppi. Saint-Petersburg, 2012. – 296 pp.,
with IIs.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 39:069

Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности

ВЛАДИМИР МОИСЕВИЧ ГРУСМАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор педагогических наук, директор музея
e-mail: 5705768@mail.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

Российский этнографический музей (РЭМ) является наследником Этнографического отдела Русского музея (ЭОРМ), учреждения, продолжавшего традиции музейного дела России XVIII – начала XX в. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в стране были пересмотрены фундаментальные позиции гуманитарной науки и музейного дела. Следствием этого стало изменение в 1934 г. статуса ЭОРМ и превращения его в самостоятельный музей, получивший тогда название Государственный музей этнографии (ГМЭ). Эти перемены особо сказались на судьбах сотрудников музея, а также привели к тому, что музей в Ленинграде (название Санкт-Петербурга в 1924–1991 гг.) стал основным центром хранения и изучения фактов отечественной этнографии.

Ключевые слова: музей, этнография, палеоэтнология, идеология, культурная революция, Государственный музей этнографии.

UDC 39:069

Glimpses of the History of the Russian Museum of Ethnography: the 80th Anniversary of Gaining Independence

Professor VLADIMIR M. GRUSMAN, D.Sc. (Education)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
The Director of the Museum
e-mail: 5705768@mail.ru

VLADIMIR A. DMITRIYEV, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Top-grade Researcher, Department of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

The Russian Museum of Ethnography (RME) is the successor of the Ethnographic Department of the Russian Museum (EORM), the institution that continues the traditions of the Russian museum affairs of the 18th-early 20th centuries. In the 1920s-1930s the fundamental principles underlying the humanities and museology in our state were revised. This resulted in a change in the status of the EORM and its transformation in 1934 into an independent museum, which received the name of the State Museum of Ethnography (GME). These changes had a major impact on the museum staff's destiny and were an influential factor for the museum in Leningrad (St. Petersburg in 1924–1991) becoming the main storage centre for the study of national ethnographic facts.

Keywords: museum, ethnography, paleoethnology, ideology, the Cultural Revolution, the State Museum of Ethnography.

В настоящий момент Российский этнографический музей в С.-Петербурге является учреждением, представляющим отечественную этнографическую науку, отражающим традиционную культуру народов России и сопредельных стран и формирующим собрание источников, сохраняющих свойства объективности факта действительности (вещевые предметы и фотографии). Данные цели определяют основы самостоятельности научной линии музея и помогли ему сохраниться в XX в., когда потрясения в музейном мире России были таковы, что редко какой музей не оказывался перед угрозой закрытия и внезапной реконструкции.

В двух ранее опубликованных статьях мы старались показать, что в России этнографический музей берет на себя функции Национального музея (в советское и постсоветское время). Эта роль имеет свое политическое измерение, каждая административная единица располагает в меру возможностей своим «национальным» музеем, но можно сказать, что эти функции более свойственны столичным музеям, представляющим культуру всех народов страны. Не вызывает сомнения, что Национальный музей формируют и диктуемые государством политические установки, и характер научной деятельности музейного коллектива.

В истории Российского этнографического музея фактор государственного воздействия был исключительно велик, музей создавался дважды в результате правительственных распоряжений. Первым актом рождения музея было создание в 1895 г. Русского музея императора Александра III, включившего Этнографический отдел (далее ЭОРМ), который начал свою работу в 1902 г. Музей не только создавался по императорскому указу, но и соответствовал официальному консервативному пониманию просвещения в России в период великих перемен, за что музейщиками советского времени не без основания трактовался как шовинистический проект¹, хотя, как ясно теперь, его создание было глубже верхушечного решения.

Позиция уже других властей проявилась в том, что после революции музей был сохранен и получил возможность в 1917–1934 гг. существовать как активно функционирующее ведущее учреждение отечественной этнографии, соответствующее всем мировым стандартам того времени.

В 1934 г. был резко поднят административный статус музея, который был преобразован в самостоятельное учреждение – Государственный музей этнографии (ГМЭ), с 1948 г. – Госу-

дарственный музей этнографии народов СССР – ГМЭН СССР), что совпало с коренной ломкой всего общественного быта в стране и ужесточением идеологических установок и, конечно, затронуло устои той этнографии, которая считается позитивным наследием науки XIX в., века торжества эволюционного прогресса и выхода на мировую арену форм национальной организации массового сознания. В музейном деле со второй половины 1920-х гг. демонстрируется отказ от форм деятельности и организации предшествующих лет и особо – от комплексной формы музея в пользу отраслевой.

Отметим, что ГМЭ не был ликвидирован в 1937 г., как могло ожидать после резкой критики его деятельности в ленинградской партийной прессе, и даже после его временного закрытия сохранил в деталях интерьера парадных залов прямые отсылки к императорской символике. В 1948 г. ГМЭ получил почти все этнографическое собрание Музея народов СССР в Москве, не только имевшего более давние традиции деятельности, но и имевшего, судя по его последнему названию, больше шансов считаться национальным музеем сталинского времени. В 1992 г. изменение названия музея на Российский этнографический подчеркнуло, что музею необходимо менять целеполагание своей работы в соответствии с изменением парадигмы государственной власти в России.

Сейчас, когда потенциал РЭМ в исполнении функций Национального музея получили развитие, важно обратиться к тому историческому периоду, когда партнерство музея и государства было сведено к преобразованию музея сверху в ходе революционного перелома общественного строя СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В истории ЭОРМ–ГМЭ этот период занял отрезок между 1929 и 1938 гг., что относится и ко всей отечественной этнографии. Кульминационными точками в этом процессе были совещания 1929 и 1939 гг., когда были преобразованы наука и ее дисциплины, а также время после 1932 и до 1937/38 гг., когда критике подверглись уже те, кто проводил перелом 1929–1932 гг. Для истории РЭМ особенно важны: 1931 – начало 1932 г., когда музей собственно и пережил коренную ломку как деятельности, так и научного коллектива; март 1934 г. – дата приказа о выделении музея; начало 1938 г., когда закончился период реконструкции и музей вернулся к выработке собственных позиций в науке.

В отрезке времени между 1929 и 1938 гг. вся советская этнографическая наука подверглась таким преобразованиям, что была, по опреде-

лению Ю. Слезкина, «в нокдауне»². Специфику периода и процессов, происходивших в его продолжении в советской этнографии, Ю.Н. Слезкин объясняет рядом обстоятельств:

1. Общим переустройством в годы двух первых пятилеток советского общества, когда в СССР были атакованы все общественные группы и слои общественной мысли;

2. Установлением со второй половины 1920-х гг. тотального идеологического контроля государства над процессами, происходившими в науке;

3. Появлением в этнографии, как и в других отраслях науки и общественного производства группы социально активных выдвиженцев, воспитанных и обученных в новой советской высшей школе, недовольных рамками прежнего «буржуазного» мировоззрения и господством в соответствующей отрасли знания представителей старых школ, невозможностью выдвинуться в научно-производственной среде без воздействия на нее извне.

Ю.Н. Слезкин выделил то обстоятельство, что почти все молодые советские этнографы обучались в Москве и Ленинграде на географических и этнологических факультетах, которые, являясь формой университетского образования, отрицали традиции дореволюционных университетов. В 1918–1927 гг. этнология преподавалась как часть географического знания, но при этом именно географические подходы, по крайней мере, в этнологической теории все более становились объектом марксистской критики до сосредоточения всего полемического пафоса на школе культурных кругов. Немаловажным обстоятельством было, что к моменту экстремума культурной революции в СССР (официальный термин, обозначающий тотальное повышение грамотности и быстрое создание советской интеллигенции, противопоставленной всей буржуазной науке) этнологическая высшая школа была закрыта. До 1927–1929 гг. какие-либо изменения в науке сдерживались необыкновенно высоким авторитетом В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга, но уже в 1929–1932 гг. атаке были подвергнуты не только авторитетные личности, но и вся парадигма этнографии в целом.

Характеризуя роль активных участников идеологического перелома в науке, следует отметить два обстоятельства:

1. Делегирование идеологическим аппаратом государства функции критики основ науки и занимавших в ней видные позиции ученых недавно пришедшим в науку представителям научного сообщества: в этнографии С.Н. Бы-

ковский, Н.М. Маторин (в ЭОРМ/ГМЭ – Н.Г. Таланов и А.К. Супинский. – В.Д.);

2. Возложение впоследствии на этих же лиц вины за допущенные перегибы и вульгаризацию науки в период 1932–1937 гг.

В российской истории конец 1920 – начало 1930-х гг. вошли как время советского модернизационного перелома и подавления в стране всех реальных и предполагаемых оппозиционных общественных слоев и групп. Быстро обратили внимание на такие науки, как археология и этнография, что проявилось в материалах совещания этнографов Ленинграда и Москвы (1929), когда проблема существовании этих наук была обозначена в форме вопроса о возможности марксистской археологии и этнографии, достойного мифического Сфинкса. В апреле 1929 г. в выступлении застрельщика этой дискуссии сотрудника ГАИМК В.Б. Аптекаря этнология называлась «буржуазным суррогатом обществоведения», которое не могло быть марксистским, а практическая этнография не признавалась отличной от марксистской социологии. Тезис был озвучен и стал развиваться дальше³. В этой связи не только дореволюционная и зарубежная этнография признавались чуждыми, но и заканчивалась история ленинградской этнографической школы Л.Я. Штернберга, построенной на основе эволюционизма и географического подхода. Согласно общему определению главы школы этнография должна была изучать огромную часть человечества, не имеющую никаких памятников письменности, остающуюся на низших ступенях культуры: все туземное население Африки, Австралии, Океании и Индонезии, обеих Америк, народы Северной Азии, множество народов Индии. Цель этнографии – воссоздать картину распространения и взаимодействия культур даже самых отделенных друг от друга народов, классифицировать явления и вывести законы их развития. Этнография имеет близкую дисциплину – этнологию, которая занимается изучением генезиса культуры с включением данных о доисторическом человеке, добытых палеоэтнологией⁴. Все это весьма походило на заявление о возможности самостоятельного предмета науки, но как раз в резолюциях совещаний 1929 и 1939 гг. категорически отрицалась возможность «самодвижения материи» в объектных зонах этнографии и археологии. В школе Штернберга этнографии придавалось отнюдь не вспомогательное значение. Характеризуя ее положение в дореволюционной России, он говорил, что этнографию при царизме либо считали «хрестоматией с описанием курьезов из жизни дикарей», либо

относили к ней как к политически неблагонадежной науке вследствие ее эволюционного характера⁵. Развивая советскую науку, Л.Я. Штернберг исходил из того, что в СССР этнография должна была стать важной для общества научной дисциплиной с очень широкими возможностями. Дальнейшая эволюция этнографии могла бы сделать ее вполне конкурентной с историческим материализмом.

Между тем идеология совещания 1929 г. и его резолюции не допускали подобной гордыни. Отвергнув возможность существования самостоятельного предмета этнографии, подвергли критике качество ее эмпирических методов. В январе 1930 г. на секции Общества историков-марксистов от уже поверженного кумира, представителя старой школы этнографов В.Г. Богораза, добились призыва вести «внутреннюю борьбу с грузом этнографических сведений, которые есть у каждого этнографа за плечами»⁶. В 1931 г. Н.М. Маторин еще раз ударил по фундаменту этнографической науки: «Рано или поздно и “полевая этнография”, <...> отдающая сильным душком старомодного народничества, должна уступить свои позиции <...> всюду побеждающему, действительному марксизму»⁷.

В тот период при ликвидации университетского отряда этнографии и отсутствии форм академической советской этнографии, появившихся позднее, реконструкция должна была затронуть то, что существовало, и в первую очередь – этнографические музеи и, особенно, крупные. Первый сигнал о реконструкции музейной сети СССР прозвучал еще в 1925 г., когда в целом вся имевшаяся музейная сеть была объявлена наследием прошлого.

В 1928 г. со стороны государственного руководства сферой культуры поступает четкая формула реорганизации музейного дела. Подчеркивалось, что прошел этап сохранения культурных ценностей, наступил период использования музейных собраний в деле перевоспитания масс; на первом месте в деятельности музеев должна находиться просветительная работа; музеи должны быть превращены из кунсткамер, которыми они являются в настоящий момент (В тексте названы конкретно Исторический, Политехнический, Народоведения, Русский музеи, т.е. имевшие давнюю дореволюционную традицию деятельности и длительную предысторию возникновения. – В.Д.), в живые музеи; необходимо проверить научный аппарат музеев под углом зрения пригодности этого аппарата в идеологическом отношении⁸.

Определение ЭОРМ как кунсткамерного на 1928–1929 гг., скорее, уже было ярлыком, хотя по сравнению с экспозициями 1970–1980 гг., выдержанными в русле концепции этноса по Ю.В. Бромлею, их, конечно, отличала некоторая статичность. Причиной был этногеографический подход, остававшийся актуальным в отечественной науке. Нельзя не отметить, что географическая доминанта вряд ли полностью может быть удалена из этнографического музея: даже в эпоху разделения экспозиций в пространстве музея на посвященные народам СССР и народам РСФСР географизм продолжал играть свою роль.

В конце 1920-х гг. в музее этногеографический подход соседствовал с социологическим: культуры и народы ранжировались по эволюционистской шкале. В ЭОРМ сложился комплекс экспозиции, изменение которого в ближайшей перспективе не предполагалось. В 1929 г. экспозиции были расположены следующим образом: 1-й этаж левого крыла – объединенная экспозиция по этнографии русских и финнов, над ними – залы украинцев и белорусов, в зале 2-го этажа, соединяющем оба крыла музея, где в 1929 г. размещалась выставка по народам Саяно-Алтая, предполагалось экспонирование культуры народов Балканского полуострова и Крыма, в правом крыле на 2-м этаже демонстрировалась культура т.н. яфетических народов (народы Кавказа), оседлых турецких (тюркоязычных) народов Средней Азии и Кавказа), под ними на 1-м этаже правого крыла – экспозиции по культуре кочевых тюркоязычных народов и народов Сибири и Дальнего Востока. Предполагалась последовательность движения (в обратном порядке) как бы по линии увеличения социальной сложности от народов-охотников и кочевников к государствообразующему русскому этносу⁹. Разнородность исходного материала вызвала внутреннюю дискуссию о единстве экспозиционных принципов, обязательных для каждого из залов, которая увлекла все сотрудников музея¹⁰. Д.А. Золотаревым в ходе обсуждения была высказана весьма смелая мысль о гетерогенности факторов течения этнической истории: разные условия являются формирующими культурный облик народа: например, у украинцев – природно-географические, у русских – социально-экономические¹¹.

В дальнейшем планировалось усложнение упомянутых больших экспозиционных комплексов: так, экспозиционное пространство русско-финского комплекса разрабатывалось с тем, чтобы в центральном зале представлялась культура русской деревни, а в периферий-

ных – культура этнических и сословных групп и народное искусство русских, культура финских этносов представлялась по хозяйственно-культурной типологии также в периферийных залах¹². Готовился план общего подхода к экспонированию предметов культуры славянских народов.

Частью разработки важных проблем этнографии была подготовка под руководством А.А. Миллера выставок «Горное земледелие» и «Водопользование в Туркестане». Первую мы уже характеризовали как попытку новаторского соединения принципов экономического детерминизма с выявлением архаических черт культуры в целях построения моделей базиса этногенетических процессов¹³. Выставка «Водопользование в Туркестане» также решала сходные проблемы. Начиналась работа над выставкой по украинскому гончарству, где предполагалось разработать методику соединения вещевое материала с документальным. А.А. Миллера просили разработать для этой выставки конструкции на окна для демонстрации диапозитивов¹⁴.

Интересно могла развиваться выставочная работа музея на внешних площадках. А.А. Миллером было сделано предложение разработать для экспонирования на разных площадках в Ленинграде нескольких антирелигиозных выставок, и среди них в ЭОРМ могла бы быть подготовлена выставка, посвященная эволюции культовых мест в различных этноконфессиональных средах¹⁵. Была подготовлена выставка по народным куклам, экспонировавшаяся в Институте Массарика в Праге, что, с одной стороны, говорит о раннем опыте Международной выставочной деятельности РЭМ, а с другой – указывает на опасные для того времени связи со славяноведческими организациями¹⁶, в контактах с которыми власти подозревали центры враждебной СССР эмигрантской деятельности. Музей вел работы по уточнению своего основного фонда, было принято решение о передаче МАЭ коллекций по североамериканским индейцам, а музею Еврейского историко-этнографического общества – части мемориальных и культовых предметов из коллекции Ан-ского¹⁷. При этом не было речи о передаче археологического фонда.

В ЭОРМ продолжалась экспедиционно-собираетельская работа по типу комплексных экспедиций, проходивших в 1920-х гг. В 1929 г. действовали Западно-финская, Северо-Кавказская и Алтайская комплексные экспедиции. Северо-Кавказская экспедиция работала в Дагестане, а предполагаемое обследование украинцев Кубани не удалось, по косвенным данным,

из-за позиции местных властей, что было уже тревожным признаком административного вмешательства в выбор этнических общностей для изучения этнографами, что означало бы признание этих групп существующими. На 1930 г. планировались Русско-финская, Смоленская, Хорезмская, Уссурийская, Таймырская экспедиции. Не все они состоялись, но были организованы и другие.

Деятельность музея к 1930-му г. имела почти двадцатилетнюю историю. Большинство сотрудников, внесших заметный вклад в музейную работу и полевую этнографию и археологию, начинали свой путь в науку еще в дореволюционное время. ЭОРМ как общественный институт и хранилище исторических ценностей пережил революцию 1917 г. и разруху 1918–1919 гг., разного рода передвижения его коллекций, среди которых были не только поступления; много времени заняла ликвидация последствий наводнения 1924 г. Была продолжена практика сотрудничества, в т.ч. через личное участие ученых ЭОРМ, с разными учреждениями Петрограда-Ленинграда. Все это позволяет говорить о наличии своей авторитетной позиции ЭОРМ – как музея и как научного коллектива.

Документация конца 1920-х гг. не содержит информации о проблемах с кадровым пополнением музея. Предполагалось наладить прием новых сотрудников через практикантов, приходивших в музей из различных учреждений. В 1928–1932 гг. в ЭОРМ пришло много новых сотрудников, позднее, после 1933 г., составивших костяк научной части музея: С.Г. Гринина, Т.А. Крюкова, А.С. Морозова, Г.А. Никитин, Л.П. Потапов, Н.Ф. Прыткова, И.М. Пульнер, М.В. Сазонова, А.К. Строева, Е.Н. Студенецкая, А.К. Супинский, Н.А. Федорова¹⁸.

Работа ЭОРМ в 1929 г. была частью выполнения Первого пятилетнего плана и вполне соответствовала грандиозности тех задач, которые были поставлены перед всем советским народом.

В экспедиционно-собираетельской работе был отдан приоритет изучению русско-финской культуры, с этой целью были организованы Русско-финская экспедиция с охватом Ленинградской области, Автономной Карельской ССР и Автономной области Коми, а также Сибирская, Забайкальская и Южнорусская экспедиции с производением археологических работ на славяно-финских археологических памятниках. Планировалось изучение славянской этнографии в Западной Украине и в Белоруссии с охватом мест расселения евреев Правобережья и нижнего Поднепровья. Пред-

полагалось изучение культуры украинцев на Кубани (1929–1930), а на левобережье Днепра – изучение славян, как определялось, южного типа. Для изучения Кавказа ставилась задача возобновления после многолетнего перерыва обследования всего региона, в первую очередь – Горного Дагестана, аваро-андо-цезских народов, горных тюрков Северного Кавказа. По Туркестану внимание концентрировалось на Хорезме и туркменском этносе. По Сибири готовилось окончание работ в Саяно-Алтайском регионе и в ближайшей перспективе – переключение внимания на изучение культуры угросамодийских народов и тунгусо-манчжур, а также исследования шаманизма и ламаизма¹⁹. В планировании по годам встречаются задумки Цыганской, Греческой, Восточно-финской, Северо-Азербайджанской, Таджикской, Амурской и др. экспедиций²⁰. На 1 января 1928 г. основной фонд музея составлял 236 216 предметов музейного хранения²¹.

В области экспозиционного строительства предполагалось провести переустройство экспозиции по Северо-Западу, частичное изменение экспозиции по украинцам, реконструкцию разделов экспозиции по народам Горного Кавказа с добавлением комплексов по культурам «мелких народностей» региона и созданию экспозиции отдельных элементов культуры кавказских народов; предполагались экспозиции культуры народов «Палеоарктики» («показ примитивных культур»), северных тунгусов, Саяно-Алтайского нагорья (с целью отметить в прошлом напластование разных культур). В 1930–1932 гг. планировались подготовка экспозиции «Русские», в 1930–1931 гг. – завершение создания экспозиций по народам Закавказья и по южным тунгусам, в 1932 г. – подбор материалов экспозиций по национальным меньшинствам Белоруссии и Украины, «Кочевые тюркские народы Средней Азии», по оседлой культуре Средней Азии и тунгусо-манчжурских народов (с отделом по ламаизму). Среди выставочных проектов могли быть осуществлены выставки «Места проявления сверхъестественной силы» (1930–1931), «Прикладное искусство Средней Азии» (1931–1932), «Древние кочевнические культуры» (1931–1932)²².

Особой задачей была подготовка строительства комплексов украинской усадьбы (1931), севернорусской усадьбы (1932), финской избы (1933), кочевнического жилища (1933). Для этого предполагалось освоить территорию, примыкающую к Михайловскому саду. Развитием данной темы были размышления о структуре предполагаемого Этнопарка, очевидно, где-то за пределами собственно территории

Русского музея. В 1931 г. шли разговоры о выделении площади под Этнопарк на Крестовском острове у 2-го Елагина моста²³.

Планировалось строительство двух флигелей вокруг Мраморного зала с одновременной ликвидацией опасных галерей вокруг него, ставилась задача подготовки нового хранилища резерва и усовершенствование хранилища оборудования. Считали необходимым продолжить публикацию «Материалов по этнографии России», «Музейного дела» и начать новое издание под названием «Записки этнографического отдела».

Учитывая, что некоторые из заявленных задач – строительство новых помещений, получение новых площадей, создание усадеб под открытым небом и др. – так и не получили воплощения, нельзя не удивиться и восхищаться широте планирования в ЭОРМ работ периода Первой пятилетки, одновременно предполагая, что только тогда они могли реализоваться.

Наблюдается разделение задач комплектования фондов и экспонирования этнографических предметов с одной стороны и просветительской работы с другой. Если первое направление имело объективистскую направленность, то просветительская работа была вполне приспособлена к задачам пропаганды социалистических преобразований. Примером последнего можно считать перечень тем проводившихся экскурсий: «Украина и ее значение в хозяйстве СССР», «Рост культуры и хозяйства Белоруссии в 5-летнем плане», «Народы Кавказа в прошлом и настоящем», «Страна хлопка и ее будущее (Узбекистан в 5-летнем плане)», «Экономическое и культурное развитие Сибири», «Финно-угры на путях нового строительства», «Сельское хозяйство СССР в 5-летнем плане», «Народы СССР на путях строительства социализма», «Язычество и православие в сельскохозяйственном быту», «Шаманство и ламаизм (религия и хозяйство)», «Социальные корни религии», «Происхождение и классовый смысл буддизма», «Кто больше поможет крестьянину – поп с кадилом или коммунист с трактором», «Шаманство и его параллели в христианстве», «От мотыги к трактору»²⁴. В 1928–1929 гг. Этнографический отдел Русского музея посетили 71 673 чел., в т.ч. в составе экскурсий – 51 722 чел.²⁵.

В контексте произошедших позднее событий гораздо больший интерес представляют программные заявления, предпосланные планированию работ. Так было написано, что по плану работы «Этнографического отдела РМ, ведущего этнографическое изучение всех наро-

дов, населяющих Советский Союз, в период резкого изменения производственных условий, быстрого развития новых хозяйственных форм и приобщения народностей к новой культурной жизни все усилия будут направлены на изучение хозяйственного быта, фиксацию уходящих культурных форм и изучение процесса внедрения новых элементов в старые культурные формы». Также заявлялось, что усилия, в частности, будут направлены на изучение народных способов использования производственных сил²⁶. И далее среди направлений научно-исследовательской работы выдвигались:

1. Влияние природных условий;
2. Преемственность современных этнических культур с прежними культурами;
3. Перерождение старого быта;
4. Динамика изменений народной культуры;
5. Превращение слабых полуколониальных окраин в советские республики;
6. Локальные культуры и рядом с ними возникающие общесоветские культуры;
7. Подготовка рекомендаций промышленности в производстве вещей с учетом вкусов и традиций населения;
8. Оценка результатов рациональной политики советской власти²⁷.

Нельзя не отметить, что последний пункт находится в прямом противоречии с установками совещания 1929 г., т.к. придавал музею функции эксперта в области национальной политики. В целом же перечень тем совершенно не был связан с идеями революционного переустройства общества, исходящими от властей. Скорее, демонстрировалась солидарность с обреченным политически курсом (на то время) на реформистское бесконфликтное вхождение докапиталистической России в социализм. В верхах этот подход отстаивался Н.И. Бухариным, в 1929 г. выведенным за это из высшего партийного руководства и позднее репрессированным. Он предлагал эволюционный путь развития экономики, когда кооперация и общественный сектор, сосуществуя с индивидуальным хозяйством, будут постепенно вытеснять его, не взрывая реальность, а опираясь на нее²⁸.

Такой подход как фундированная научная теория развивался школой А.В. Чаянова, которому принадлежит заслуга разработки концепции трудового хозяйства отдельной крестьянской семьи, теории крестьянской кооперации и теории организации аграрного сектора в целом. Теория А.В. Чаянова предполагала сохранение бытующего крестьянского хозяйства при социализме, использование его трудо-

вого потенциала в кооперации и, в конечном счете, сохранение крестьянской культуры с вытеснением из нее элементов частнособственнического хищничества; чаяновская концепция была объявлена не только антинаучной, но и вредительской. В 1930 г. Чаянов был арестован по обвинению в создании антисоветской Трудовой крестьянской партии, а в 1937 г. расстрелян²⁹.

Если раньше принципы, присутствующие в программных установках ЭОРМ, не вызвали официального раздражения, то теперь они были подвергнуты критике в стиле персонализации идейных установок. Научная позиция ЭОРМ ставилась в вину его руководителю, которым в это время был С.Н. Руденко. Поскольку проведение совещания 1929 г. и выработка перспектив работы Этнографического отдела на пятилетний срок проходили в одно время, фраза из выступления на совещании В.Б. Аптекаря выглядела как реплика в прямой полемике: «Во главе одного из крупнейших ленинградских музеев стоит ученый, <...> который является одним из знамен реакции <...> первый шаг для того, чтобы действительно в эту самую атмосферу внести новый элемент советской жизни, состоит в том, чтобы эти люди с чуждым нам идеологическим влиянием, с чуждыми методами были убраны»³⁰.

Почти немедленно после совещания 1929 г. учреждениям археологической и этнографической науки была предложена борьба с «руденковщиной», видный российский и советский ученый С.Н. Руденко был арестован, но, как некоторые особо крупные личности в российской науке, позднее был возвращен к активному труду и даже возведен советской властью. Всех же, кого «прорабатывали» в ходе таких кампаний, ждала более печальная судьба.

В ЭОРМ борьба с «руденковщиной» была, главным образом, проведена в рамках работы т.н. методологического совещания – постоянно действующего семинара, призванного воспитывать в духе марксизма-ленинизма новых сотрудников и перевоспитывать старые кадры, которые к тому времени считались «буржуазными специалистами». Семинар явно был полем раздуваемого группового конфликта накануне реформы музея. Современники так оценивали это предгрозовое состояние: «Несмотря на известное расслоение, обнаружившееся в составе научного персонала после Октябрьской революции, марксистско-ленинская методология не проникла в отдел»³¹.

Одновременно с критикой научных взглядов и деятельности С.И. Руденко шла критика его учителя Ф.К. Волкова, работавшего в музее

в конце императорского периода и в первые советские годы, да и в целом критика палеоэтнографии и этнологии. Руденко и Волкова обвиняли в попытках оправдать капиталистическую эксплуатацию колониальных и полуколониальных народов. Нападающей стороной выступали новые в музее люди – заведующий отделом народов Средней Азии с 1928 г. и ставший позднее директором ЭОРМ «коммунист Таланов» (так он определен в работе Т.А. Крюковой и Е.Н. Студенецкой по истории ГМЭ³²), старший научный сотрудник, быстро ставший заведующим отдела Белоруссии А.К. Супинский. Активность критики «руденковщины» на методологическом совещании и отношении к итоговой резолюции от 19 февраля 1932 г., предпринятой на методологическом совещании Этнографического отдела ГРМ совместно с бригадой критики ИПИИ, в конечном счете, стали фактором для определения дальнейшей судьбы сотрудников музея. Большая группа была обвинена в пассивности: в основном это были люди, пришедшие в ЭОРМ в годы перелома и затем составившие костяк коллектива работников ГМЭ. Ф.А. Фиельструп и Е.Э. Бломквист трактовались как защитники Руденко, а Б.Г. Крыжановский, Б.А. Бонч-Осмоловский, С.А. Теплоухов выделялись как его активные защитники. Дискуссия еще продолжалась, но уже в начале 1932 г. был арестован Б.Г. Крыжановский. Позиции А.А. Миллера и Д.А. Золотарева не обсуждались, так как всем было известно, что А.А. Миллер и Ф.К. Волков получали этнологическое образование в Париже и что следующей кампанией после осуждения Руденко должна была стать борьба с «золотаревщиной»³³.

1931 г. был переломным в работе учреждений гуманитарного профиля СССР и в судьбах их сотрудников. Вся ведомственная публицистика первой половины 1930-х гг. сообщает о тех позитивных переменах и сопровождающем их энтузиазме, которые стали происходить повсеместно в 1931 г. Их причиной называют Решение ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г., в котором содержалось требование изменения всего характера исследовательской работы. Такие решения следовало только исполнять и, чтобы найти нужную линию действия в каждой отрасли, проводились совещания, где получали необходимые инструкции. 7–11 мая 1932 г. ГАИМК снова собрал Всероссийское археолого-этнографическое совещание.

1931 г. отмечен двумя событиями в экспозиционной работе музея: была открыта выставка «От первобытно-коммунистической орды до соцстроительства» (обиходное название «Саяно-Алтайская выставка»), получившая одо-

бления наркома просвещения А.С. Бубнова, и раскритикована выставка «Украинское село». «Саяно-Алтайская выставка» была представлена журналом «Советская этнография» как новаторское творчество молодых сотрудников музея, в которой найден прием сочетания археологического и этнографического материала, а также впервые использован комплекс вещевых, фотографических и документальных источников. То, что эти методы уже имели место в практике ЭОРМ, в статье не говорилось, т.к. предлагалось данную выставку рассматривать как революционное событие в работе музея. Особо было отмечено, что авторами выставки были выявлены и показаны застои в культуре саяно-алтайских народов до 1917 г. и ее быстрое прогрессивное изменение за последующие 14 лет советской власти, показано классовое расслоение общества внутри самого туземного общества, отмечена классовая эксплуататорская роль шамана. В данной экспозиции предлагалось видеть рубежное событие, образец для обширного плана экспозиционного переустройства Этнографического отдела³⁴.

Проблема, внезапно возникшая с экспонированием предметов украинской культуры, получила оценку одного из наших современных сайтов, авторы которого предположили, что выставка «Украинское село» была закрыта по политическим мотивам, восходящим к мерам по прекращению украинизации части госаппарата на Кубани, что привлекло внимание спецслужб к работе в Краснодарском крае Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.А. Миллера и дало повод позднее (1932) предъявить ему обвинение по делу «славистов». По оценке партийных органов того времени выставка идеализировала жизнь сельских жителей, не отражала связь города и деревни и вообще ничего не говорила о «классовом расслоении крестьян». Специальным Постановлением Наркомпроса СССР выставка «Украинское село» была закрыта ввиду ее «политической неприемлемости», а все ее создатели были наказаны³⁵. Развертывание следствия по этому делу дало возможность применить репрессии к ряду сотрудников ЭОРМ. Фактически в 1932 г. по разным обвинениям были репрессированы практически все кадры ЭОРМ, занимавшие ведущие позиции в науке 1920-х гг. и сотрудничавшие в разных учреждениях истории, этнографии и археологии – весь цвет ЭОРМ.

Д.А. Золотарев (1885–1935), археолог и этнограф, специалист по славяно-финской этнографии, с 1911 г. – член Постоянной комиссии по составлению этнографических карт при

Русском географическом обществе (1916–1919 – секретарь); в 1920-е гг. – заведующий русско-финским отделением ЭОРМ и заведующий разрядами этнической антропологии и этнографии ГАИМК, председатель антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края, а также глава Европейского отдела Комиссии по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран при АН СССР (КИПС); в 1928–1930 гг. – секретарь отделения этнографии Всероссийского географического общества. 12 декабря 1930 г. арестован по «делу Центрального бюро краеведения».

Г.А. Бонч-Осмоловский (1890–1943), археолог и этнограф. В 1920–1921 гг. – заведующий Крымским комитетом по делам музеев. Совместно с Ф.А. Фиельструпом в 1923 г. собирал коллекции для ЭОРМ и Центрального музея Тавриды. С 1922 по 1933 г. – сотрудник ЭОРМ, старший помощник хранителя Русского музея по Этнографическому отделу. С 1924 по 1930 г. – ассистент кафедры антропологии Петроградского/Ленинградского университета, с 1930 по 1933 – старший научный сотрудник ГАИМК, старший специалист и заведующий Четвертичного отдела Геологического института АН СССР; член правления Ленинградского отделения Российского общества по изучению Крыма. Арестован 29 ноября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Б.Г. Крыжановский (1886–1937), этнограф-славист. В ЭОРМ работал с 1915 по 1932 (по другим сведениям – до 1933 г.) с перерывом в 1916–1918 гг., в последние годы – заведующий отделом Украины. Занимался активно преподавательской деятельностью. Арестован по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов») в 1932 г. в Смоленске во время командировки.

А.А. Миллер (1875–1935), крупнейший российский этнограф-кавказовед, археолог, лидер отечественной школы палеоэтнологии; создатель Северо-Кавказской комплексной экспедиции, воспитатель серии советских археологов-кавказоведов. Первые коллекции для ЭОРМ собрал в 1904 г. в Абхазии. С 1908 по 1932 г. – хранитель, руководитель направления востоковедения (Кавказ, Средняя и Центральная Азия, Поволжье, страны мусульманского Востока), в 1918–1921 гг. – заведующий ЭОРМ и директор Русского музея, возвращался к заведованию ЭОРМ, в т.ч. в 1929 г. Арестован по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов») в 1933 г.

С.И. Руденко (1885–1969), известный археолог и этнограф. С 1921 по 1928 г. – заведующий ЭОРМ и хранитель (заведующий) отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока в ЭОРМ, с 1921 по 1954 г. (с перерывом) – профессор Ленинградского университета. Всемирно известен открытием культуры Пазырыкских курганов, изучением культуры башкир. Арестован в 1930 г. по т.н. «Академическому делу».

А.Н. Самойлович (1880–1938), ученый-востоковед, в 1929 г. – сотрудник ЭОРМ (по архивным данным)³⁶. В 1920 г. – преподаватель восточного отделения Академии Генерального штаба РККА, позднее – ректор Центрального института живых восточных языков (1922–1925), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР (1929–1933), директор Института востоковедения АН СССР (1934–1937). Арестован 27 октября 1937 г. по сфабрикованному обвинению в шпионаже в пользу Японии, обвинялся также в распространении идей пантюркизма.

С.А. Теплоухов (1888–1934), российский историк, археолог, этнограф, сибириевед, востоковед. С 1922 г. работал в ГАИМК, ЭОРМ, Петроградском (позднее Ленинградском) университете. На основе собранного в Минусинской котловине материала С.А. Теплоуховым была создана классификационная система археологических культур Южной Сибири, сохранившая научное значение и в наши дни. Арестован 26 ноября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Ф.А. Фиельструп (1889–1933), крупный российский ученый-тюрколог. В 1916–1920 гг. работал в МАЭ; с 1918 г. – в качестве внештатного, а с 1921 г. – уже штатного сотрудника КИПС, с 1921 по 1933 г. – сотрудник ЭОРМ. Арестован 26 ноября 1933 г. по «делу Российской национальной партии» (т.н. «Делу славистов»).

Е.Р. Шнейдер (1897–1938), этнограф, сибириевед. В 1923 г. по рекомендации С.А. Теплоухова был зачислен научным сотрудником в отделение Сибири ЭОРМ; занимался тунгусо-маньчжурскими народностями и палеоэтнологией Приморья, уделяя особое внимание южным группам: удэгейцам, орочам, негидальцам, самагирам, принял участие во многих экспедициях (1923–1932); в 1929 г. подготовил большую временную выставку «Искусство народностей Сибири». Автор большого количества учебно-методической литературы для учителей, работающих среди народов Амура. В ходе борьбы с «руденковщиной» подвергался активной «проработке». ЭОРМ покинул не

позднее 1933 г. С 1932 г. – старший научный сотрудник лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера, где занимался созданием удэгейской письменности. Преподавал на географическом факультете ЛГУ. Арестован в 1937 г.

Таким образом, проведенная в ЭОРМ реконструкция перед преобразованием его в самостоятельный Государственный музей этнографии свелась в первую очередь к устранению большой группы именитых ученых. Еще раз напомним, что в начале 1930-х гг. все они были сотрудниками ЭОРМ.

7–11 мая 1932 г. состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание, его резолюция отсылает к итогам совещания этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г., требовавшим борьбы с либерально-примиренческим отношением к старой этнографии и устранения всех методов, которые могли бы демонстрировать самостоятельность этнографии. Однако у совещания была и собственная направленность, связанная скорее с характерной для весьма короткого периода установкой властей на сглаживание конфликтной ситуации в стране, следствием некоторого благодушия победителей, а также необходимости планировать не только репрессивные преобразования, но и созидательные процессы. Такая установка связана с решениями XVII съезда ВКП(б) (1932).

Считается, что в постановлении 1932 г. археология и этнография в равной мере объявлялись вспомогательными историческими дисциплинами, тем самым их значение в процессе познания умалялось. Очевидно, это было не совсем так, поскольку резолюция совещания 1929 г., начинавшего период изменений, и резолюция совещания 1932 г., завершавшего его, преследовали различные цели. Можно считать, что в 1932 г. наукам «указали» на предназначенное им место в советской системе организации научного знания, но лишая их такого места уже не предполагалось, напротив, давались конкретные регламентации научной деятельности для каждой дисциплины.

Теперь для археологии следовало вести «разработку вопросов методики и техники добывания и первичной обработки вещественного материала как источника исторического познания», затем археологам предлагалось, как и ранее («незакономерность археологии в качестве самостоятельной науки ни в какой мере не должна означать упразднения тех функций, которые выполнялись археологами»), проявлять бережное и внимательное отношение к археологическим памятникам, знать материал

и уметь работать с ним как с источником исторического исследования. Главным антиподом научной археологии объявлялись буржуазные методики, предполагавшие саморазвитие археологического объекта, источником которого выступал «народный дух», и обслуживавшие интересы империалистической буржуазии в области колониальной политики и эксплуатации т.н. «малых народностей», шовинистического разжигания национальной розни и территориальных захватов³⁷.

Относительно этнографии в тексте постановления совещания 1932 г. замечалось:

1. «Особая самостоятельная этнография» является результатом «гипостазирования материалов археологических, фольклорных, литературных (письменных вообще) и, наконец, добытых путем непосредственного наблюдения (так называемые описания “быта”)³⁸;

2. Результаты наблюдения как метода неизбежно трансформируются в литературные (письменные) источники и могут применяться в отношении общества любой формации. При этом этнография «имеет своей задачей полевое собирание и первичную обработку непосредственных наблюдений над жизнью и бытом ныне живущих народов»³⁹;

3. «Совершенно антинаучным и политически вредным является деление народов на исторические и неисторические» (в данном случае демонстрировалось предостережение от разделения предметной зоны еще не оформившихся этнографии современности и традиционной этнографии);

4. «Во всех областях, где могут и должны найти применение этнографические материалы, использовать их в максимальной мере для разрешения проблемы социалистической стройки, связанной с некапиталистическим путем развития для отсталых народов СССР»⁴⁰.

У этнографии в СССР обнаруживалось много врагов, больше, чем у археологии: врагами, с которыми предстояло бороться, были названы буржуазно-империалистическая и клерикальная этнология, фашистская и социал-фашистская этнология, но также обозначались все формы отечественной этнологии 1920-х гг., обретенные в ходе ее предшествовавшего развития: поиск самобытности (феодално-дворянское и буржуазно-демократическое направление), классическая школа Тейлора и Липперта, эволюционное направление, исследования «живой старины», буржуазный эмпиризм Моргана, «народолюбивая» и романтическая идеализация первобытности (мелкобуржуазное направление, не видевшее классовый дифференциации общества и возможностей

некапиталистического развития), мифологическая школа, краеведческое (родиеведческое) направление, славяноведение, финно-угорская этнография, народническая школа, избравшая объектом своего изучения преимущественно народы Севера, новые школы, как американская эмпирическая школа, школа культурно-исторических кругов, школа Фрейда и др., группа П.Ф. Преображенского, пытавшаяся соединить достижения буржуазной науки с марксизмом, и «все возможные школы и группы буржуазной и мелкобуржуазной этнографии как в СССР, так и за рубежом»⁴¹.

В постановлении ясно сказано, что речь идет не столько о том, что археология и этнография являются науками второго плана, как можно было бы трактовать термин «вспомогательная историческая наука», сколько о политической важности этих научных дисциплин в обществе после «второй социалистической революции». При этом если от археологии требовали быть марксистской, что позволяло иметь долю преэминентности с прежней наукой, то этнография мыслилась только «советской», выявляющей традиционными методами ресурсы для некапиталистического развития всего населения СССР⁴².

Следует отметить, что в постановлении совещания 1932 г. особо были указаны центры концентрации чуждой советской власти идеологии: Русское географическое общество и Русский музей, где, по мнению авторов постановления, изначально процветало краеведческое движение феодально-дворянской этнографии⁴³. Теперь, если появилась бы властная воля сохранить этнографический музей в Ленинграде, это можно было бы сделать только через ликвидацию прежнего Русского музея.

С критикой работы ЭОРМ согласовывался голос тех сотрудников музея, которые ждали его реконструкции. Так в статье, опубликованной в журнале «Советская этнография», рисовалось совершенно тревожное положение в ЭОРМ. Об истории музея было сказано: «В царское время экспозиции отдела представляли типичную *кунсткамеру*, выставлявшую *экзотические вещи*, подчеркивающие *дикость угнетенных народов* и, тем самым, *превосходство русской культуры и неизбежность вымирания инородцев*». Работа в музее в 1920-х гг., как полагалось ее критиками, была обусловлена «народническим» направлением в этнографии, содержащим желание сохранить *национальную живую старину*, стремлением к ее идеализации и к *первобытchine*. По их мнению, экспозиции показывали культуру кулацкой верхушки, термины «*народный быт, народное искусство*,

народное творчество являлись формулами народнической идеологии, призванными отвести внимание от классовых отношений в обществе». В настроении сотрудников отдела, пришедших в 1928–1932 гг., немарксистская методология экспозиционной работы ЭОРМ была результатом деятельности старых научных кадров. «Молодые» сотрудники писали, что в Этнографическом отделе процветает «руденковщина», «золотаревщина» и другие реакционные направления, смысл которых не допустить показа коренных изменений, произведенных у народов Советского Союза Октябрьской революцией, с этой целью используются все разновидности буржуазной музейной методологии (эволюционизм, технологизм, географизм, школа культурных кругов и т.д.)»⁴⁴.

Организационным результатом определения места этнографии в советской науке было формирование головных академических учреждений в Москве и Ленинграде. В 1933 г. (Постановление Президиума АН СССР от 15 февраля 1933 г.) на базе Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого был организован Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, (переименован в 1935 г. в Институт этнографии АН СССР), чем была определена ведущая форма организации этнографической науки в СССР.

С 1931 г. началась реорганизация другого музейного этнографического органа – Центрального музея народоведения в Москве, на то время старейшего центрального этнографического музея, коллекции которого собирались еще в середине XIX в., истоками музея были Румянцевский Публичный музей, открытый в 1830 г., и Этнографическая выставка 1867 г. 17 декабря 1931 г. было издано постановление Президиума ЦИК СССР о преобразовании Музея народоведения в Музей народов СССР при ЦИК СССР. Вся экспозиционная и собирательская деятельность Музея народоведения – Музея народов СССР прошла реорганизацию. Как и в ЭОРМ, в музее был практически удален весь старый кадровый состав, имевший большой опыт полевой и кабинетной работы, накопленный в 1920-е гг. В 1929–1931 гг. были уволены почти все старые сотрудники музея, в т.ч. его директор В.В. Богданов и его предшественник Б.М. Соколов – известные теоретики музейного дела первой трети XX в.⁴⁵. Кадровая реорганизация была столь значительной, что в одной из статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1934 г., говорилось о полном «вымирании» этнографов в Москве в 1934 г.⁴⁶. В дальнейшем (в 1936 г.) Музей народов СССР был доведен до полного советского

образца, когда в его составе были организованы Вводный отдел с основной темой «Царская Россия – тюрьма народов», 11 отделов по числу союзных республик и отдел Сталинской конституции⁴⁷. В конце 1930-х гг. стало ясно, что этнографический музей в Москве доведен до глубокого кризиса, после окончания Великой Отечественной войны возрождения данного музея не произошло, и он был окончательно ликвидирован в 1948 г.

В этой цепи событий следующим актом было образование Государственного музея этнографии Приказом Народного комиссара по просвещению РСФСР № 211 от 13 марта 1934 г. Отмечалось, что создание самостоятельного музея обуславливается его удельным весом в музейной сети СССР и международным авторитетом его коллекций⁴⁸.

8 апреля директором Музея живописи, скульптуры, графики и рисунка А.Г. Софроновым и директором Этнографического музея П.И. Воробьевым был подписан акт о разделе штата и имущества. В Государственный музей этнографии передавалось должностей: заведующих отделом – 8, старших научных сотрудников – 13, младших – 10, научно-технических сотрудников – 7, научно-квалифицированных работников – 9, ученый секретарь – 1, фотограф – 1, вводилась должность директора, замдиректора и заведующего АХЧ. Этнографическому музею передавались здание ЭОРМ, канцелярский флигель, дезокамера, ледник и две лошади (которых передали далеко не сразу). Самостоятельное финансирование ГМЭ должно было открыться с 1 мая 1934 г.⁴⁹. Все коллекции и фонды историко-бытового отдела следовало передать в Государственный музей Революции.

Сообщение об этом в «Советской этнографии» было напечатано в разделе «Научная жизнь» мелким шрифтом. Подготовивший его А.К. Супинский особо подчеркнул преодоление пагубности нахождения этнографического музея в составе Русского комплексного музея: «Русский музей, состоявший из трех самостоятельных, искусственно соединенных (Подчеркивание здесь и ниже наше. – В.Д.) музеев, реорганизован. В результате вместо учреждения, которое не могло найти свой профиль, созданы научно-исследовательские и политико-просветительские центры (Музей живописи, скульптуры, графики и рисунка и Этнографический музей) с ясно выраженными и конкретными целями. Реорганизация определила точно место этнографического музея в музейной сети, что обеспечило выявление его функций, ранее ограниченных условиями искусственной связи с другими отделами под знаком «единого» музея.

Искусственно созданное единство давило на профиль Этнографического отдела и в конце концов привело к тяжелым для него последствиям.

К таким последствиям А.К. Супинским было отнесено:

1. Изъятие из основного обращения археологических и этнографических фондов, которые в силу установки на показ капиталистической деревни и социалистических обществ оставались недоступными для пользования в экспозициях отделений;

2. Сокращение экспозиционных возможностей отдела вызвало и свертывание его научно-исследовательской деятельности;

3. Кадры отдела были обречены на деклассификацию по основной специальности – этнографии народов СССР – и переключались на разработку вопросов, стоящих вне их компетенции;

4. Передача археологических собраний – «Эрмитажу удалось добиться передачи ценных коллекций из Пазырыка и Ноин-Улы»;

5. Удачная по оценке наркома просвещения А.С. Бубнова экспозиция Саяно-Алтайского нагорья «От первобытно-коммунистической орды до соцстроительства» (обиходное название «Саяно-Алтайская выставка») была построена в противовес позиции руководства Русского музея⁵⁰.

В сообщении А.К. Супинского констатируется предшествовавшая акту отделения ЭО активизация научно-исследовательской работы этнографов в виде создания группы, членами которой было подготовлено девять докладов, однако, для этого потребовалась поддержка ГАИМК. Последнее замечание наводит на мысль, что руководством ЭОРМ в 1933–1934 гг. владели сомнения в способности сотрудников музея к самостоятельной научной работе.

В докладной записке нового директора ГМЭ П.И. Воробьева (был директором ЭОРМ и ГМЭ в 1933–1935 гг., ученый-китаист), поданной в Наркомат просвещения, напротив, отмечаются полный развал научно-исследовательской, экспозиционной и экспедиционной деятельности в бывшем ЭОРМ (есть только выставка «Белоруссия и БССР», «Саяно-Алтайская» выставка разрушена из-за передачи археологических коллекций Эрмитажу, отсутствие научно-исследовательской работы, прекращение работ реставрационной мастерской, прекращение издательского дела, ничтожная схема финансирования) и собственные усилия, которые пришлось приложить для подъема работы учреждения во второй половине 1934 г. (обеспечено продолжение строительства выставок «Ленинградская область и Карелия», «Феодальный

Узбекистан» – открытие намечено на 1 мая 1935, и «Ковры из собрания ГМЭ» – открыта 15 декабря 1934; проведено 8 экспедиций⁵¹). Отчет за 1934 г. подтверждает резкий спад производственной активности ЭОРМ в 1934 г.⁵². Самыми активными фигурами в период образования Государственного музея этнографии выступили А.К. Супинский и Н.Г. Таланов.

А.К. Супинский был направлен в 1928 г. в ГАИМК аспирантом, а в 1930 г. он уже заведует белорусскими отделами в ИПИИ и ЭОРЭМ, активен во всех идеологических кампаниях. Арестован во время работы в ГМЭ в 1937 г. После отбытия срока наказания работал в научных учреждениях Череповца, защитил кандидатскую диссертацию, но вернуться в столичные города уже не смог⁵³.

Н.Г. Таланов, специалист по истории Средней Азии, тюрколог. Во время обучения в Ленинградском институте живых восточных языков/Ленинградском Восточном институте, который он закончил в 1929 г., выдвинулся по партийно-административной линии. По устному сообщению Е.Н. Студенецкой, уже в 1928 г. возглавил отдел Средней Азии в ЭОРМ, до 20 июня 1930 г. работал директором Музея революции в Ташкенте. Затем был направлен в Азиатский музей, далее – в Институт Востоковедения АН СССР на должность ученого секретаря, где добивался «большевизации» учреждения. Окончательно поступил в ЭОРМ в 1931 г. (отмечен в списке директоров с 1930 г.⁵⁴), который возглавлял до 1933 г., активно включившись в борьбу с «руденковщиной». Одновременно оставался на преподавательской и административной должностях в Ленинградском Восточном институте, участвуя в «кировских чистках». В 1935–1937 гг. – директор ГМЭ. Был арестован 5 июля 1937 г. и впоследствии расстрелян⁵⁵.

Смена кадрового состава принимается без упоминания, как свершившийся факт. Однако по завершении года замечено, что «новые работники, пришедшие в 1931–1933 гг., методологически подготовлены, но языком народа, который они изучают, владеют 4 из 15 <...> Совместительства имеются у 50%, но не более одного ВУЗА или НИИ учреждения»⁵⁶.

С образованием ГМЭ были продекларированы следующие задачи:

1. Развертывание исследования и показа истории происхождения и развития этнических групп и национальностей, возникновения классов и истории классовой борьбы, форм государственного устройства, идеологии на различных этапах состояния общества, форм колониального состояния отдельных этнических

групп и национальностей бывшей царской России и конкретных результатов осуществления ленинской национальной политики в настоящее время;

2. Подготовка планов экспозиций в отделах Украины, Сибири, Ленинградской области и Карелии, выставок «Ленинградская область и Карелия», «Украина и УССР, «Народы Нижнего Амура»;

3. Ускорение темпов реконструкции экспозиции отдела народов Средней Азии (Казахстана и Узбекистана);

4. Проведение экспедиций в низовья Амура, Центрально-черноземную область, Северный Алтай, Северный Кавказ, Ленинградскую область и Карелию, в Узбекистан, Бурят-Монголию и Марийскую АО;

5. Укрепление научно-исследовательской работы, что требовало, по мнению руководства ГМЭ, решения в кадровом ракурсе: привлечения новых высококвалифицированных кадров и организации подготовки аспирантов и повышения квалификации младшего научного состава, т.е. продолжения курса на обновления контингента научных сотрудников;

6. Организация издательства и реорганизация подсобных служб⁵⁷.

Как можно видеть, в общем плане задачи музея сдвигались более в сторону работы с темами по гражданской истории, чем собственно этнографической тематики, что отчасти могло быть риторическим приемом. При планировании конкретной музейной работы задачи оставались прежними, но масштаб их уменьшался.

Нельзя сказать, что ранее музей не занимался историческими проблемами. В 1932 г. в ЭОРМ был выделен сектор национальной политики культур народов СССР с задачами показа достижений Советской власти: уничтожение неравенства национальностей, индустриализация отсталых районов, создание возможностей путей некапиталистического развития для наиболее отсталых народов; и критики великорусского шовинизма и местного национализма, а также полемики по вопросам расовой теории. Конечно, характер влияния работы сектора на музейные экспозиции оставался проблемой далекой от разрешения⁵⁸. В отчетах за несколько последующих лет этот сектор фигурирует как объединяющий все работы этнографического направления, позже, в 1937–1938 гг., музей на некоторое время обретает схожую структуру – наряду с региональными этнографическими отделами был организован сектор истории СССР XVII–XVIII вв.

После 1934 г. продолжается выполнение плана, принятого на Вторую пятилетку (1933–1938). В этот период научная часть музея состояла из 7 отделов: отдела народов РСФСР, Украины, Кавказа, Сибири, Средней Азии, Белоруссии, Ленинградской области и Карелии. Все экспозиции этого периода строятся, исходя из требований иметь два раздела: один отведен традиционной этнографии («как было»), второй – современному социалистическому быту народа («как стало»). По этому принципу работали и другие этнографические музеи, его используют в новых экспозициях МАЭ⁵⁹.

В 1935 г. в ГМЭ был закончен раздел экспозиции «Узбеки в феодальный период», была построена экспозиция «Ленинградская область (Мурманский округ) и Карелия», построена выставка «Ковровые изделия народов Средней Азии и Ирана по собраниям музея», реэкспозиции «Саяно-Алтайской выставки» и «Советской Белоруссии» не были сделаны, как сказано в отчете, за недостатком средств. Отмечалось, что принятое решение отразить промышленность Мурманского округа вызвало трудности и в сборе материала, и в его экспонировании: «показ социалистической техники в залах этнографического музея затруднителен», как и сопоставление «жалкой саамской вежи» с большим «каменным домом». Состоялись экспедиция «Алтайская» с выполнением археологических и этнографических работ, экспедиция в Северный край с задачей «изучения соцстроительства и добора материалов по состоянию дореволюционной деревни», экспедиция на Кольский полуостров для сбора материала по соцстроительству. В том же направлении работала Карельская экспедиция, но большая экспедиция, посетившая разные районы Узбекистана, занималась и проблемами быта прошлого. Научно-исследовательские работы оставались разнообразными, но стала более заметна их связь с задачами экспозиционной работы. Круг экскурсионных тем сократился по сравнению с 1929 г. («Национальная политика царизма и советской власти», «От первобытной орды до коммунистического строительства», «Положение женщины в условиях царизма и советской власти», «Религия как тормоз социалистического строительства», «История народов СССР», отдельные темы по физической и экономической географии). В 1935 г. ГМЭ посетило 77 067 чел.⁶⁰.

В первой половине 1936 г. были закончены разделы экспозиции «Узбекистан»: «Узбеки в период колонизации» и «Узбеки в борьбе за построение социализма». Второй экспозицией, выполненной по плану, была «Эвенки в про-

шлом и настоящем». О ней можно говорить как о типичной экспозиции ГМЭ середины 1930-х гг. Экспозиция состояла из разделов: природно-географические условия, колониальная политика царизма («зверства колонизаторов»), эвенки в эпоху царизма (родовой строй, «нищета, темнота и убожество жизни эвенков, отсталость техники и т.д.»), классовое расслоение и эксплуатация сородичей, маскировка родовыми отношениями классовой дифференциации и эксплуатации, угнетение российскими колонизаторами, социалистическое строительство (макет культуры и эвенкийского колхоза)⁶¹.

Были в 1936 г. реэкспонированы разделы экспозиций «Белоруссия и БССР», «Ленобласть и Карелия», построена экспозиция «Русское население Черноземных областей». В 1936 г. состоялись экспедиции (уже без археологических работ) на Алтай, в Воронежскую область, в северную Белоруссию, на Северный Кавказ, экспедиция в Узбекистан, Таджикистан и Туркмению, на Кольский полуостров, фольклорно-музыкальная экспедиция в Ойротскую Автономную область. В разработке сотрудниками находилось более 20 научных тем с преобладанием проблематики изучения бытовой культуры, однако были и такие темы, как «Отношение крестьян к произведениям А.С. Пушкина» и «Два письма академика Н.Я. Марра». В 1936 г. музей посетили 93 782 чел.⁶².

В 1937 г. были организованы только две экспедиции (в Туркменистан и Карелию) и 4 командировки (на Украину, Алтай, Северный Кавказ и в Вологду).

Главным событием 1937 г. была борьба с т.н. «вредителями», которыми были объявлены представители руководства музея. Кампания закончилась закрытием ГМЭ за «антисоветскую пропаганду», аресты в музее начались в 1936 г. и продолжались в 1937 г.; в 1937 г. руководство было обвинено в срыве всей работы музея. О том, что строительство экспозиций музея находится под угрозой срыва, было объявлено в газете «Ленинградская правда» от 17 июня 1937 г. Однако к ноябрю 1937 г. музей был открыт в составе экспозиций «Русское население черноземных областей РСФСР», «Узбеки в прошлом и настоящем», «Карелия и Карельский полуостров», «Саяно-Алтай и Ойротия», «Эвенки в прошлом и настоящем». Новым было начало работ над экспозицией отдела «История СССР. XVIII век». Были открыты выставки «Туркмения в прошлом и настоящем», «Чукчи и коряки в прошлом и настоящем»⁶³. Экспозиция по Северному Кавказу была закрыта до ее возрождения в 1939 г.

Сейчас трудно судить, насколько действительно была перестроена экспозиционная картина в ГМЭ до ноября 1934 г., несомненно, были введены нужные акценты, и изменения были признаны положительными руководством Наркомата и Ленинграда. Думается, что состояние музейной работы в данном случае не было решающим фактором, вокруг шли кампании по разоблачению вредителей, и в ГМЭ «чистка от вредителей» была проведена образцово: обнаружение корня зла – решительные меры. Полученный и, что важнее, признанный результат, положение дел при этом могло остаться прежним.

Известно, что одной из составляющей процесса репрессий 1936–1937 гг. была не только зачистка потенциального инакомыслия, но и ликвидация части руководства разных звеньев, критерии отбора «преступников» были достаточно расплывчатыми, но среди них присутствовали особо рьяные исполнители прежних решений верховного руководства. Повсеместно, в т.ч. и в науке, преследовались и оставшиеся «старые специалисты», и лица, активно сотрудничавшие со спецслужбами, и организаторы идеологических мероприятий на местах. В ГМЭ таким организаторам перед их устранением была предоставлена возможность провести кампанию по разоблачению группы Н.М. Маторина, одного из бывших вдохновителей их деятельности. Следует отметить, что в этой кампании значение изучения пережитков трактовалось не как тяга к любованию стариной, а как умение изучать социальную среду, обозначалась важность изучения быта как презентанта национального характера. Организаторы смогли поднять волну критики по поводу отказа изучать рудименты прошлого в целях социалистического строительства. В такой позиции, в какой-то мере, можно даже увидеть возврат к целям работы музея 1929 г., хотя его трудно заметить в повторяющихся лозунгах, требовавших изучать и отражать социалистическое строительство. Детальной критике подвергалось все, что было сделано в экспозиционной работе последних лет. Надо сказать, что такой стиль стал нормой дискуссий в музее на долгие годы. В данном случае, в основном, выискивались политические ошибки, преподносимые с позиции сегодняшнего времени, часто в гротескной форме («Показ одиночных интерьеров, показывающих улучшение жизни колхозников, пародировал тезис Сталина “Жить стало легче – стало веселее”»), но поднимались и серьезные проблемы строительства экспозиций⁶⁴.

Одной из постоянно обсуждаемых тем было соотношение вещевого и бумажно-схематического материала. «Бумажные экспозиции, т.е. такие, в которых тексты и графики преобладали над фактическим материалом, действительно были приметой музейных экспозиций данного времени. Проявление их на волне культурной революции, как одной из форм повышения грамотности населения, не случайно, в музеях зачастую они являлись тем материалом, который нес информацию, отсутствующую в предметных источниках и фотографиях. Нельзя не отметить, что в книгах отзывов посетителей ЭОРМ/ГМЭ есть записи с требованиями увеличения количества объяснительных текстов. Другое дело, что увеличение бумажного материала принижало значение основных источников, комплектовавшихся музеями, и сотрудники видели этот ущерб. Примечательно, что во всех дискуссиях, отмеченных в архивных источниках РЭМ, не было ни одного выступающего, который не считал бы преобладание текстов и графиков (а их количество иногда было просто угрожающим) дефектом работы музея, но при этом явственно присутствует мнение научного коллектива о неизбежности строительства «бумажных экспозиций». Другой темой, волновавшей сотрудников, была необходимость при строительстве экспозиций и выставок погружаться в смежные исторические темы, осваивать без времени на подготовку исторический материал, превращаться во «всезнаек» и самим же осуждать «всезнаество». Отчасти такой психотип можно считать признаком эпохи, когда каждого человека приучали к тому, что он брался за такое дело, которое непременно сулило опасность.

Собственно, период между 1934 и началом 1938 г. можно охарактеризовать в двух аккордах:

1. Коллектив музея продолжал выполнять функцию этнографического музея в той мере, в какой наследие 1920-х гг. могло быть реализовано в новых условиях, основной формой данной реализации было построение двухчастных экспозиций, представлявших две стадии социального бытия культуры этноса: до начала модернизации российского общества и в ее первых последствиях; в конечном итоге, появился и еще один «противовес» этнографическому подходу в экспозиционном комплексе – экспозиция по истории СССР; ее можно рассматривать как первый недолговременный опыт обобщающей экспозиции;

2. В «верхах» долго решалась судьба ГМЭ; отмечено, что в 1935 г. его даже было решено сделать единственным этнографическим музеем Ленинграда с расширением функций до

показа всей мировой этнографии⁶⁵, что зафиксировано в проекте; в 1937 г. музей был показательно закрыт, но менее чем через полгода открыт со статусом «советского этнографического музея», который позволял ему вести внутреннюю работу по законам этнографии и музеологии, внешне реализовать установки партийной идеологии; парадность его залов и готовность к выполнению заказов партии и правительства в дальнейшем сочетались с установкой на рутинность музейной работы и трудовую скромность научных кадров музея, занимающихся сугубо внутренними проблемами музейной деятельности.

Судьба учреждения складывается в какой-то мере из судеб людей, работавших в нем. Выше были упомянуты имена известных ученых, устраненных из науки и жизни в начале 1930-х гг. Были люди, пришедшие в музей накануне больших событий, ускорявшие ход этих событий, и этим оставившие по себе память. Часть из них сторела в том пламени, которое они сами помогали разжигать. У тех, кого упомянем сейчас, жизнь прошла по-разному, все они оставили свой след в науке, все они были связаны с ЭОРМ/ГМЭ в 1930-е гг. Назвать всех нет задачи, назовем нескольких, чтобы ощутить дыхание судьбы и времени.

Первую категорию составляют ученые, работавшие в ЭОРМ и ГМЭ, но покинувшие его стены и ставшие известными людьми уже благодаря работе в других местах. В эту группу включены известные ученые, являвшиеся консультантами ГМЭ.

С.М. Абрамзон (1905–1977), тюрколог, киргизовед, специалист по этнографии Средней Азии, с 1931 года после нескольких лет работы в Киргизии работал в ЭОРМ и МАЭ, затем сосредоточился на работе в МАЭ, где позднее состоял в секторе этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, с 1948 по 1968 г. возглавлял Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР.

Н.П. Гринкова (1895–1961), этнограф-славист. Работала с 1921 г. научным сотрудником, а с 1930 – заведующим отделом этнографии славян и финнов ЭОРМ, позднее руководила отделом восточных славян в ГМЭ. Также с 1920 по 1927 г. работала в ГАИМК, а с 1918 до конца жизни (в 1961 г.) – в Педагогическом институте (позднее ЛГПИ им. А.И. Герцена), где со временем возглавила кафедру русского языка. Постепенно отошла от этнографической тематики, перейдя в сферу восточнославян-

ской диалектологии; в 1948 г. ее работы по восточнославянской одежде были подвергнуты сильной критике во время кампании, разоблачавшей учение Н.Я. Марра, но это никак не сказалось на ее научной деятельности⁶⁶.

М.П. Грязнов (1902–1987), археолог, специалист по сибирской археологии. С 1925 г. работал в ГАИМК, в 1929 г., будучи также сотрудником ЭОРМ, исследовал Первый Пазырыкский курган. 29 ноября 1933 г. Грязнов был арестован по делу «Российской национальной партии». После возвращения в 1937 г. работал в Эрмитаже, а в послевоенные годы – в Эрмитаже и ЛОИА АН СССР. В 1971–1974 гг. вел раскопки раннескифского кургана Аржан (VIII–VII вв. до н.э.).

П.П. Ефименко (1884–1969), археолог, исследователь палеолита. В ЭОРМ – с 1929 г. В 1915–1923 гг. – научный сотрудник Исторического музея в Москве. В 1923 г. переехал в Петроград, работал в Эрмитаже, МАЭ, ГАИМК/ИА АН СССР (ЛО). Профессор ЛГУ. В 1945–1954 гг. – директор Института археологии АН УССР.

Л.П. Потапов (1905–2000), этнограф-сибиревед. Будучи в штате ЭОРМ, в 1930 г. поступил в аспирантуру Академии наук СССР, по окончании которой возглавлял отдел Сибири в ЭОРМ/ГМЭ и работал заместителем директора по науке, также занимался исследованиями в ГАИМК/ИА АН СССР (ЛО). Защитив докторскую диссертацию в 1939 г., Л.П. Потапов перешел в Институт этнографии сначала научным сотрудником, а с 1947 г. – заведующим сектором Сибири, оставаясь в ГМЭ до 1948 г. В годы Великой Отечественной войны выезжал с коллекциями ГМЭ в эвакуацию в Горький и Новосибирск. С 1948 по 1967 г. занимал должность заместителя директора Института этнографии, возглавлял отдел Сибири. Одновременно руководил Музеем антропологии и этнографии АН СССР⁶⁷.

Д.М. Позднеев (1865–1937), востоковед, языковед. В 1936–1937 гг. – консультант по научной работе ГМЭ. До 1898 г. – приват-доцент, затем профессор Петербургского университета. Действительный член Русского географического общества. В 1905–1906 гг. – директор Восточного института во Владивостоке. Находясь в 1906–1910 гг. в Японии, создал первый в России японско-русский иероглифический словарь. По возвращении участвовал в организации Практической восточной академии в Петербурге. Преподавал историю и экономику Японии и Китая в Ленинградском государственном университете, Ленинградском Восточном институте и в Военной академии РККА им. Фрунзе в Москве,

внештатный консультант 3-го отдела 4-го управления штаба РККА по дальневосточным вопросам. Известен также как прототип Воланда, персонажа романа Булгакова. Арестован 1 октября 1937 г.

П.И. Равдоникас (1894–1976), археолог, историк первобытного общества. В 1934–1936 гг. – консультант по научной работе ЭОРМ. С 1927 г. работал в ГАИМК, с 1929 г. – в Ленинградском государственном университете, в 1936–1948 гг. занимал должность заведующего кафедрой (отделением) археологии ЛГУ, в 1944–1945 и 1946–1949 гг. заведовал Ленинградским отделением Института истории материальной культуры.

Г.П. Сосновский (1899–1941), один из первооткрывателей палеолита Сибири. Сотрудник ЭОРМ/ГМЭ в начале 1930-х гг., в 1936 – заведующий отделом Украины. С 1927 г. – сотрудник ГАИМК, в 1928–1929 гг. – начальник Бурятской археологической экспедиции. В 1934 и 1937 гг. руководил Ангарской экспедицией, совместно с М.М. Герасимовым вел раскопки палеолитической стоянки Мальта.

А.К. Сержпутовский (1864–1940), этнограф-славист, исследователь этнографии белорусов. В 1906–1930 гг. – работник ЭОРМ.

Другую группу составляют сотрудники, оставшиеся работать в ГМЭ на всю жизнь, итог деятельности которых измерялся во множестве экспедиций ГМЭ, пополнении его фондов, создании ученой документации, строительстве его экспозиций.

Т.А. Крюкова (1904–1978), в ЭОРМ/ГМЭ с 1932 по 1977 г., с 1938 г. – заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья.

А.С. Морозова (1909–1999), в ГМЭ с 1934 по 1972 г., научный сотрудник отдела этнографии народов Средней Азии (1934–1937), заведующая тем же отделом (1937–1972), и.о. директора ГМЭ (1941–1944), главный хранитель ГМЭ (1948–1955).

Е.П. Орлова (1899–1976), этнограф, исследователь культуры народов Сибири и Дальнего Востока (иттельменов, коряков, эвенов, алеутов и др.), участник создания алфавитов. Принята в 1928 г. временным сотрудником ЭОРМ, в 1949–1961 гг. – заведующая отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока.

М.В. Сазонова (1906–1987), научный сотрудник отдела этнографии народов Средней

Азии (1931–1943), заведующая этим же отделом (1944–1949), директор филиала ГМЭ в Новосибирске (1943–1944), заместитель директора ГМЭ по научной части (1949–1957).

Е.Н. Студенецкая (1908–1984), специалист по этнографии народов Северного Кавказа. В ЭОРМ/ГМЭ с 1930 по 1981 г. Заведующая отделом Кавказа (1938–1981), и.о. заместителя директора ГМЭ по научной работе (1954, 1957–1959), директор филиала ГМЭ в Новосибирске (1944–1945).

Основным результатом возникновения Государственного музея этнографии на базе Этнографического отдела Русского музея было сохранение в Ленинграде-Петербурге крупного музейно-этнографического центра. Этим же наметился и баланс между требованиями, с одной стороны, предъявляемыми государством этнографии как общественной науке и музею как государственному институту, а с другой – функциями музея, производными от его научного базиса и практической деятельности. В дальнейшем этот баланс часто выглядел как диктат государственной идеологии и партийного руководства, при котором нелегко, но можно было сохранять поле профессиональной самостоятельности. Приходилось ценить юбилейные даты дня создания ГМЭ, когда были допустимы попытки отстоять это поле самостоятельности или даже расширить его. В этом отношении особо памятен 1984 г. – дата пятидесятилетия создания Государственного музея этнографии, когда музею удалось, используя проявленный в идеологической работе КПСС интерес к национальным проблемам, добиться большего признания его значения и в городе, и в стране.

Российский этнографический музей, тогда Государственный музей этнографии, обрел свою самостоятельность в трагический период истории страны. В середине 1930-х гг. закончилось время Этнографического отдела Русского музея. Впереди было время становления Государственного музея этнографии народов СССР, в основном пришедшееся на 1950–1980-е гг., период, когда было создано отечественное этнографическое музееведение, и ГМЭ подошел к тому, чтобы снова заявить о себе как о самостоятельном отряде российской и мировой этнографии.

¹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. – Л., 1978. – С. 136.

² Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–125.

³ Совещание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. – 1929. – № 2. – С. 115, 116; Аптекарь В.Б., Быковский С.Н. Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов // Известия ГАИМК. – 1931. – № 10. – С. 3–47; Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. – № 1–2. – С. 11; Быковский С.Н. Этнография на службе классового врага // Советская этнография. 1931. – № 3–4. С. 3–13.

⁴ Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа // Советская этнография. – 1935. – № 2. – С. 149.

⁵ Там же. – С. 136.

⁶ Совещание этнографов Москвы и Ленинграда. 05.04.1929 – 11.04.1929, стенограмма. Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7; Абрамзон С.М. «Советская этнография» в начале 30-х годов (из воспоминаний этнографа) // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 90–92; Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение – 2001. – № 3. – С. 113, 115, 119; Бертран Ф. Наука без объекта. Советская этнография 1920–1930 гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 3. – С. 98–113.

⁷ Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. – 1931. – № 1–2. – С. 12.

⁸ Тезисы доклада М.Н. Лядова (руководитель Главнауки Наркомпроса СССР в 1928 г.). Цит. по: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, приложение к журналу 473. Л. 9 а.

⁹ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, журнал 474. Л. 13.

¹⁰ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 281, журнал 474. Л. 14.

¹¹ Там же. – Л. 16 об.

¹² Там же. – Л. 14, 15.

¹³ Дмитриев В.А., Иванова В.И. А.А. Миллер – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). – СПб., 1992. – С. 25–40.

¹⁴ Протокол заседания Ученого совета ЭОРМ от 29 июня 1929 г. Указ. соч. Л. 10, 11 об.

¹⁵ Там же. – Л. 17.

¹⁶ Там же. – Л. 12.

¹⁷ Там же. – Л. 18.

¹⁸ Российский этнографический музей. 1902–2002 / Ред. Грусман В.М. и др. – СПб.: Славия, 2001. – С. 40.

¹⁹ Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Л. 1, 2.

²⁰ Там же. – Л. 20–22.

²¹ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 1.

²² Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Указ. соч.; Планы экспозиционной и экспедиционной работы. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

²³ Протоколы заседаний и записка об организации этнопарка от 13–18 января 1931 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–13.

²⁴ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Указ. соч. Л. 7; Политпросветработа ЭОРМ за 1929–30 гг. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 11.

²⁵ Отчетные сведения по отчету Государственного Русского музея с 1.Х.28 г. по 1.Х.29 г. Указ. соч. Л. 6.

²⁶ Пятилетний план работы ЭОРМ на 1928–1932 гг. Указ. соч. Л. 1, 2.

²⁷ Там же. – Л. 4–8.

²⁸ Горелов И.Е. Николай Бухарин. История Москвы: портреты и судьбы. – М.: Московский рабочий, 1988. – С. 100–145.

²⁹ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М., 1989.

³⁰ Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда с 5 по 11 апреля 1929 г. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7. Л. 411. Цит. по: Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 40.

³¹ Потапов Л.П. Саяно-Алтайская выставка (Ленинград) // Советская этнография. – 1932. – № 3. – С. 94.

³² Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1971. – Вып. VII. – С. 36.

³³ Резолюция по дискуссии «Руденковщина в Этнографическом отделе Г[осударственного] Р[усского] музея от 19.02.1932 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 361. Л. 68–70.

³⁴ Потапов Л.П. Указ. соч. – С. 93, 94.

³⁵ Донской временник // Миллер Александр Александрович, археолог, знаменитые люди Дона, ученые... donvrem.dspl.ru/Files/article... копия. Дата посещения 10.09.2014.

³⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 23.

³⁷ Советская этнография. – 1932. – № 4. – С. 6, 7.

³⁸ Там же. – С. 9–14.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 11.

⁴⁴ Потапов Л.П. Указ. соч. – С. 94, 95.

⁴⁵ Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 144–160.

⁴⁶ [А.З.] Этнография в Москве // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 118, 119.

⁴⁷ Кушнер П. Музей народов СССР // Советский музей. – 1938. – № 112. – С. 22–25.

⁴⁸ Постановление Наркомпроса о реорганизации Русского музея, выделении из его структуры в самостоятельный Этнографический музей и другие документы по этому поводу. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 435. Л. 8.

⁴⁹ Там же. – Л. 1–9 об.

⁵⁰ Супинский А.К. Государственный Этнографический музей // Советская этнография. – 1934. – № 3. – С. 105.

⁵¹ Постановление Наркомпроса о реорганизации Русского музея... Указ. соч. Л. 9, 9 об.

⁵² Отчет о работе Гос[ударственного] Этнографического музея в 1934 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 121.

⁵³ Там же. – Оп. 3. Д. 636. Л. 25.

⁵⁴ Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 4.

⁵⁵ Люди и судьбы. Биографический указатель востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Интернетресурс <http://pvost.org/publ/vneser/vassil.html>. Дата входа 13 июня 2014 г.

⁵⁶ Объяснительная записка к отчету музея о работе в течение Первой пятилетки. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 430 С. 17.

⁵⁷ Супинский А.К. Указ. соч. – С. 105, 106.

⁵⁸ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1932 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 410. Л. 5.

⁵⁹ Кондауров А. Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в музее антропологии и этнографии // Советская этнография. – 1934. – № 4. – С. 123, 124.

⁶⁰ Отчетные сведения о работе этнографического отдела музея в 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 129–147.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. – Л. 148–155.

⁶³ Там же. – Л. 156–168.

⁶⁴ Супинский А.К. (?) Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности этнографического музея. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Л. 22.

⁶⁵ Заключение комиссии по переводу Государственного музея этнографии в другое здание от 1 октября 1935 г. Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 502. Л. 1, 1 об.

⁶⁶ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 32. Л. 6–14; Чагишева В.И. Творческий путь Н.П. Гринковой // Учен. зап. ЛГПИ. – Л., 1963. – Т. 24; Алымов С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Советская этнография. – 2008. – № 6. – С. 79–84; Российский этнографический музей. 1902–2002. Указ. соч. – С. 71.

⁶⁷ Дьяконова В.П., Решетов А.М. О Леониде Павловиче Потапове // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 2. – С. 25–131.

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 398

Аксиология богатства в русской крестьянской общине конца XIX в. (по материалам Бюро князя В.Н. Тенишева)

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, научный сотрудник музея главной категории

e-mail: ost-alex@yandex.ru

Материалы опроса, проводившегося Бюро князя В.Н. Тенишева в конце 1890-х гг., дают возможность узнать о ценностных ориентирах крестьян Европейской России относительно обретения богатства, его предпочитаемых формах и конкретных чертах одобряемого либо порицаемого обществом поведения зажиточного человека. В статье рассматриваются опубликованные к настоящему времени результаты опроса по 11 губерниям – преимущественно, ответы на вопросы № 387 – Экономическое положение крестьянской семьи, а также № 106 – Стремление крестьян возвысить свое общественное положение и № 107 – Личные отношения крестьян. Анализ мнений сельских жителей позволяет выявить определенные тенденции, сформировавшиеся к концу XIX века: в этот период наряду с аксиологическим преобладанием такой формы богатства, как деньги, не меньшую ценность имели и традиционные формы достатка – владение хорошими постройками, скотом. По отношению разбогатевшему крестьянину проявлялись особые этикетные формы уважения, подлинного либо мнимого.

Ключевые слова: крестьянская община, аксиология богатства, формы богатства, крестьянский этикет, формы уважения.

UDC 398

Axiology of Wealth in the Russian Peasant Community in the Late Nineteenth Century (Following the Materials of the Bureau of Prince V.N. Tenishev)

ALEKSANDR B. OSTROVSKII, D.Sc. (Ethnology)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading researcher

e-mail: ost-alex@yandex.ru

The survey conducted by the Bureau of V.N. Tenishev in the late 1890s gives the opportunity to learn about value orientations of the peasants of European Russia on gaining wealth, its preferred forms and specific terms approved or censured by society of the behavior of a wealthy person. The article discusses the results of a survey conducted in 11 provinces published to date, by focusing on the answers to questions No. 387 “Economic situation of the peasant families”, No. 106 “The Desire of the peasants to elevate their social position” and No. 107 “Personal relations of the peasants”. The analysis of the rural residents’ opinions allows us to identify certain trends that emerged by the end of the 19th century. During this period, along with the axiological prevalence of such form of wealth as money, no less importance was attached to the traditional forms of wealth – the possession of good buildings and cattle. Special etiquette forms of respect, real or false, were established based on the behavior of wealthy farmers.

Key words: peasant community, axiology of wealth, forms of wealth, peasant etiquette, forms of respect.

Историками уделено немало внимания проблематике социального расслоения в русской деревне в пореформенный период, однако внутренняя субъективная сторона этого процесса остается все еще едва раскрытой. Отчасти это компенсируется литературными произведениями бытописательского характера, в которых в определенной мере отражены ценностные представления крестьян о богатых и бедных, в том числе о конкретных, соответствующих этому поведенческих моделях общения и, наконец, о том, каковы последствия имущественного размежевания для социальной жизни общины.

Так, в произведениях конца XIX – начала XX в. встречается понятие «мироеды», речь идет о тех крестьянах, которые наживаются на чужой бедности и обнищании, держат в экономической и нравственной зависимости многих других членов общины, но вместе с тем оказываются необходимыми для ее выживания. В очерке А.А. Потехина «Деревенские мироеды», впервые опубликованном в 1880 г., посвященном быту «одной из северных губерний средней полосы России», говорится, что среди обнищавшего населения «неизбежно должны были явиться и те счастливые, которые занимают в деревне особое положение, служат экономическим центром целого сельского общества, а иногда и целой волости, которым кланяются и выражают в глаза почтение и благодарность, хоть за глаза нередко бранят и проклинают, которых народ называет и благодетелями, и кровопийцами, на которых смотрит как на неизбежное, почти законное зло, как на результат, но не как на причину своей бедности, которых считает скорее полезными, чем вредными для себя людьми <...> Мироеды бывают разные. Есть такие, которые искренно, непритворно считают себя благодетелями своих односельчан, которые смотрят на свое дело как на христианский подвиг любви к ближнему; есть и такие, которые принимаются за ростовничество сознательно, как за самый выгодный промысел...»¹.

Психологические и нравственные аспекты социального расслоения еще более представлены Г.И. Успенским: «Мироед ест мир тем, что норовит его нравственно напугать, придавить. Ему мало того, чтобы на него работали за долг, мало запутать человека из-за нужды и нажиться его трудами: он еще желает держать в руках совесть деревенского человека <...> Мироед – это самозванный судья, грозный отец деревни (такова его цель), беспощадный каратель всякого дурного поступка <...> Мироед – мастер стыдить, услаивать, обличать; он постоянно стоит горой за мир, за мирской интерес, за боже-

скую правду и этим приемом затыкает миру рот. Всякий, на кого обрушился его гнев, нарушил именно мирской интерес и божескую правду...»².

Материалы опроса, проводившегося Бюро кн. В.Н. Тенишева среди русского сельского населения в конце 1890-х гг., дают возможность более конкретно и в различных локальных вариантах узнать о ценностных ориентирах крестьян европейской части России относительно обретения богатства, его предпочитаемых форм и одобряемого либо порицаемого обществом поведения богатого (зажиточного) человека. Этот аспект ценностных и нормативных представлений, сформировавшихся в пореформенной России за более чем тридцать лет, был сравнительно новым, однако – и в этом можно согласиться с процитированными писателями – в условиях еще не разрушенных общинных отношений он с необходимостью выражал не только экономические категории, утвердившиеся в повседневности, но также их связь с категориями общинными – этическими, социально-психологическими. Можно предположить, что новые ценностные ориентиры и нормы оказывались не привнесенными извне либо адаптированными, а сформировавшимися органично при происходящих социально-экономических изменениях, в силу чего высвечивавшими эволюцию взаимодействия русского крестьянского социума и личности.

О последней проблеме, возникшей в силу того, что сельская община в исторически короткие сроки переставала быть однородной, вскользь упомянуто в работе Б.Н. Миронова: «Долгое время существовавшая монополия сельской общины на формирование личности приводила к тому, что общинные ценности твердо усваивались крестьянами и становились их персональными ориентациями в жизни», отсюда – «однородность крестьян, их похожесть друг на друга с точки зрения ментальности, образа жизни и поведения»³. Феноменология конкретных первых ростков личностной неоднородности крестьян явственно предстает при обращении к результатам этносоциологического изучения 1890-х гг. (оставшегося в этом отношении еще не востребованным).

Нами был привлечен опубликованный в начале XXI в. Российским этнографическим музеем (РЭМ) материал по 11 губерниям (всего опрос, проведенный Бюро, охватывал 23 губернии). Для разработки обозначенной выше темы представлялось возможным, опираясь на результаты опроса 1890-х гг., решить следующие две задачи, обе описательного характера: 1) очертить, каким было у крестьян различных губерний содержательное наполнение категорий

«богатые» и «бедные» и какие формы богатства были для них наиболее предпочитаемыми; 2) была ли связь между разбогатением и социально-психологическим возвышением в сельском социуме и если да, то каковы формы уважения, почтения, проявляемые по отношению к богатому – в общении, в продвижении его на выборную должность. Для решения этих задач учитывалась вся информация, где встречались упоминания о богатых и бедных; она оказалась сосредоточенной, главным образом, в ответах на вопросы № 387 «Экономическое положение крестьянской семьи», а также №№ 106 и 107 – «Стремление крестьян возвысить свое общественное положение» и «Личные отношения крестьян».

Наиболее развернутые и отчетливые ответы респондентов (они же по социологической терминологии и эксперты, поскольку характеризовали не столько собственные предпочтения, сколько ценности и нормы среды) по экономическому положению семьи были получены в Костромской, Вологодской и Новгородской губ. Респонденты выделяют две (в Вологодской) либо три (в Костромской, Новгородской губ.) категории крестьян по их имущественному положению и дают для каждой категории конкретную характеристику наиболее значимых, с точки зрения населения их волости или уезда, компонентов – собственности и обстановки жилища, образа жизни семьи.

В Костромской губ., Солигаличском у. выделяли категории: бедные, среднего достатка, богатые; преобладали крестьяне со средним достатком. У многих семей, относимых к этой категории, имелось по две лошади, по три-четыре коровы, в хорошем состоянии постройки – жилой дом, овин, амбар или клеть; и общалось, что такие семьи обеспечены «своими хлебами большую часть года, подати уплачивают исправно, имеют по две перемены одежды – праздничную и будничную – и нет долгов»⁴. Именно эти экономические аспекты жизни семьи, конкретизированные количественно, – обладание собственностью, податная способность и устойчивый уровень потребления, включая обстановку в доме и пищу, – оказывались существенными также и для категориального разделения, сложившегося в других губерниях.

В Демянском у. Новгородской губ. «крестьяне делят себя на 3 разряда: бедных, или скудных, зажиточных («степенных») и богатых. Я не раз слышал выражение: «Он не то, что из богатей, а так – зажиточный, степенный». Скудным состоянием считают, когда у крестьянина только 1 изба, двор плох, скота не более 1 лошади и 1 коровы, 1–2 овцы, иногда 1–2 свиньи. <...>

Платье старо, выношено и почти одно и в будень, и в праздник, а если и «сбиваются» на хорошее «платеньшко», напр., новый полушубок, то его по надобности одевают все: хозяин, жена, сын, дочь. Обувь зимою и летом – лапти, валенки и редко кожаные сапоги и башмаки. Прокормиться семья своими запасами обыкновенно не может, и хозяин, а чаще сын, дочь принуждены бывают отправиться на заработки в города, преимущественно в Петербург, на заводы, фабрики, или же в работники и работницы к зажиточным крестьянам, а также в поденщики и поденщицы <...> Зажиточными, «степенными» считаются крестьяне, имеющие хорошую постройку: 2 избы, двор, 1–2 хлева, амбар, больше называемый «клетью», и сравнительно много скота: 2–4 лошади, 3–5 коров, 4–6 подростков, 3–5 овец, иногда 2–3 свиньи. Душевой надел земли зажиточного крестьянина обыкновенно довольно значителен: засевают от 20 до 30 мер ржи и от 50 до 70 мер овса. Случается, что эти семьи имеют и собственную покупную землю. Не хватает запасов у такой семьи разве только в неурожайные годы. Одета семья хорошо: у мужчин имеются свежие полушубки, нагольные и крытые нередко сукном, «тулупы» зимою, летом – пальто, пиджаки, у парней – карманные часы с длинными серебряными цепочками, кожаные сапоги с бураками, у женщин – пальто, несколько ситцевых платьев, 1–2 шерстяных или шелковых, жемчужные серьги, косынка. Богатыми, а чаще «богачами» слывут такие же зажиточные крестьяне, но которые имеют еще «лежалые» деньги. «Богачи» нередко дают из «лежалых» беднякам на «справку» за проценты, а чаще уговором за ссуду – поработать несколько дней. У богачей и внутреннее убранство избы бывает еще лучше; встречаются избы, оклеенные обоями, оштукатуренные...»⁵.

Весьма близкое описание «трех категорий» крестьян – бедных, «со средним достатком» и богатых – дал респондент из Череповецкого у. (той же губернии): в отличие от бедняка, у крестьян со средним достатком и богатого имеется не одна, а две избы, летняя и зимняя, больше земли и скота, хватает денег на подати, «хлеба хватает на целый год и даже с избытком», одежда хорошая, даже весной в состоянии покупать для своей семьи мясо и рыбу; богатый крестьянин и его семья нанимают работника, а в сенокос еще и поденщиков⁶.

Респондент из Тотемского у. Вологодской губ. противопоставляет два типа хозяйства – бедное и богатое, или «зажиточное»: первое характеризует, используя оборот «веретном трясти», а второе – «полная чаша»⁷. Аспекты сопоставления – все те же, что в уже упоминавшихся губер-

ниях; к этому добавляется, в числе преимуществ богатого хозяйства, разнообразие и «изобилие домашней утвари и посуды», пищевых продуктов и то, что «праздники справляют часто, зазывая всю родню, «богатых» знакомых и духовенство»⁸.

В других разделах опросника, впрямую не связанных с имущественным положением семьи, все же по инициативе самих респондентов ведется речь о двух различных вариантах того или иного явления культуры – для богатых и бедных. Это относится и к таким ситуациям, которые требуют материальных затрат, и к таким, где специальных материальных вложений не требуется, но сказывается своеобразный авторитет личности, проистекающий из обладания богатством. К ситуациям первого типа можно отнести, например, организацию крещения младенца и крестин, а также помочей. Так, «крещение совершается у бедных – в храме, а у достаточных – на дому, у таких бывают на крестинах и гости, причем ближние родные и восприемники. Восприемников у новорожденного бывает и двое (у богатых), и один»⁹ (Костромская губ.). В ситуации помочей различна мотивация как у их организаторов – богатых или бедных, так и участников: «Из крестьян чаще других устраивают помочи богатые мужики <...>. Для богатого кончить свою работу помочью очень выгодно – во-первых, это стоит значительно дешевле найма, а во-вторых, выгоднее и для самого дела <...>. Бедные крестьяне созывают соседей только в тех случаях, когда сами окончить работу не в силах, а нанять рабочих не в состоянии <...>. Крестьяне идут помогать бедному из жалости, а богатому – за выгон скота на его землю, за занятый у него хлеб или деньги, а иные – из-за угощения» (сведения из той же губернии)¹⁰. Таким образом, в традиционные для сельского быта формы общения – участие в крестинах, помочах – проникает фактор имущественного размежевания, приводя к двум различным вариантам поведенческих форм.

В ответах на вопрос № 108 о том, как проходят сельские сходы, у многих респондентов отмечено большее влияние богатых крестьян. Так, в Корчевском у. Тверской губ. «решающее значение, как замечается, принадлежит наиболее зажиточным крестьянам»¹¹. Чаще отмечается, что на сходах различного уровня определяющую роль играют два качества участников: красноречие и имущественная состоятельность: «Перевес на сходах обыкновенно берут люди богатые, если они совсем не потеряли уважения, и люди с широкою глоткою» (Новгородская губ., Тихвинский у.)¹². Об этом же сказано респондентами

из Костромской, Ярославской, Калужской и Вологодской губ.

Различие в формах поведения между крестьянами со средним достатком и богатыми отмечено и в их отношении к батракам. В семьях среднего достатка хозяин может и трудиться, и есть за одним столом с батраками, известны и случаи, когда наемный работник сходится с дочерью хозяев и женится на ней, но «совершенно иное мы видим в семьях крестьян богатых <...>. Если хозяин и идет поработать с работником, то только как «побаловаться», а главное – для того, чтобы посмотреть за работником. Хозяйка здесь не сядут обедать вместе с работниками, для них готовится отдельный обед и ужин, нечего и говорить, что этот обед и ужин бывает далеко похуже хозяйского. Об интимностях между хозяевами и работниками в таких семьях, конечно, не может быть и речи» (Ярославская губ., Пошехонский у.)¹³.

До сих пор речь шла о том, что именно подразумевается крестьянами под богатством, состоятельностью. Весьма важна и внутренняя аксиологическая характеристика богатства: каковы его предпочитаемые формы в той или иной местности, в какой мере достижение богатства становится личностной ориентацией. Относительно предпочитаемых форм богатства суждения весьма разнятся, демонстрируя, на наш взгляд, не столько регионально-локальные различия, сколько возможность сосуществования новых и традиционных ценностных ориентиров либо доминирование одного из этих типов.

Нередко о роли богатства и отношении к разбогатению говорится как раз в ответах на вопросы о стремлении крестьян к повышению своего психологического статуса в общине – в ответах на вопросы №№ 106, 107. Всего по 11 губерниям в связи с этими вопросами присутствуют 36 ответов, в которых фигурирует изучаемая тематика, в том числе 19 – совокупно по двум губерниям, Вологодской и Новгородской. Если по этим двум губерниям рассматриваемые результаты можно считать, с долей условности, репрезентативными в количественном отношении, то по остальным территориям и в целом они имеют значимость т.н. качественного исследования, способны высветить некоторые определяющие моменты в искомым представлениях крестьян.

Приводим противоположные суждения: «Все богатство наш мужичок почитает в деньгах. Денег много – значит, ты богат» (Костромская губ.)¹⁴; «Крестьянин гордится главным образом своим богатством: домом, хлебом, одеждой» (Тверская губ.)¹⁵. Респонденты признают, что

в отношении гордостью собой богатство может и отступать, в зависимости от возрастной группы: «Молодые более гордятся своей физической силой, а пожилые своей зажиточностью» (Вологодская губ.)¹⁶; «Гордится крестьянин главным образом нарядной одеждой», молодежь в нарядной одежде «ведет себя более высокомерно» (Новгородская губ.)¹⁷.

Хотя нет специальных вопросов о том, каковы предпочитаемые формы богатства, эта ценностная ориентация подвергается раскрытию, конкретизации по инициативе самих респондентов. Из числа традиционных для крестьянства ценностей наиболее надежной формой богатства некоторыми признаются «земля и постройки» (Ярославская губ.)¹⁸; «Деньги – все! Но если при этом плохая постройка, то не пользуется почетом» (Вологодская губ.)¹⁹. Ценится богатство высоко, если оно представлено в овеществленных формах: «Предпочитают богатство в деньгах; но не любят, если кто «жмется» с деньгами: “Что в богатстве, если его ни в чем

не видеть”» (Новгородская губ.)²⁰. Респондент из Калужской губ., отмечая, что к зажиточным (считая это качеством свидетельством хозяйственной распорядительности) относятся с уважением, так ранжирует формы богатства у того меньшинства, которое к богатству стремится: «Более всего богатство предпочитается в деньгах и земле, менее – в постройках, скотине; мало ценится богатство, состоящее из утвари, одежды и т.п.»²¹.

Используя это трехчленное деление: деньги – недвижимая собственность – предметы для благоустройства быта, для праздничного гуляния и приема гостей – покажем, как суммарно по 11-ти губерниям распределяются аксиологические оценки этих благ. Посредством контент-анализа выявим, во-первых, что именно ставят крестьяне на первое место (к чему стремятся более всего, по мнению респондентов-экспертов Бюро); во-вторых, чем именно гордятся более всего. Число выборов распределилось следующим образом:

Табл. 1. Аксиологические предпочтения материальных благ у русских крестьян в конце XIX в.

	Накопленные деньги	Постройки (хозяйственные, жилые)	Земля	Скот	Нарядная одежда; утварь, пища
Главный предмет устремлений	15	13	10	7	8
Главный предмет гордости	9	7	8	5	2

Итак, деньги и недвижимость, т.е. земля и постройки (во многих из 11-ти губерний эти ценности весьма сближены) заметно лидируют и в качестве предмета материальных устремлений, и в качестве предмета гордости. Интересно, что предметы, не определяющие возможность накопления, а лишь служащие благоустройству и знаковому выражению богатства (последний столбец справа), могут весьма цениться, но не они определяют главное условие обретения общественного признания.

Во многих губерниях полагают, что богатство, в особенности обретенное самим крестьянином (не унаследованное), – это путь к снисканию уважения, различных форм признания: «Зажиточные крестьяне свободнее ведут себя в суждениях, давая почувствовать бедным, что они нажили состояние благодаря уму и знанию хозяйства. Бедные сознают или верят этому, прислушиваются к богатым и уступают последним в разговорах больше, чем лицам одинакового состояния»²²; «Богатого все уважают и почи-

тают, а умрет он – и на том свете ему лучшее место»²³ (Новгородская губ.). В других губерниях – аналогичная связь между устремлением к богатству и желанием обрести уважение: «Зажиточный крестьянин гордится против бедного и среднего» (Костромская губ.)²⁴; наравне с физической силой и знаниями уважением пользуется «ум, который должен <...> выражаться, главным образом, в умении наживать деньги, в умении приобретать» (Ярославская губ.)²⁵; «Главная гордость крестьянина – его достаток» (Калужская губ.)²⁶; «Крестьянин уважение приобретает богатством» (Нижегородская губ.)²⁷. Не только уважение, но и слава приходит с богатством: «Всю свою славу крестьянин полагает в богатстве, т.е. у кого много хлеба, денег и дом хороший. Дети таких родителей называются славунами и славниками. Если к этому богатству присоединяется еще и честное имя (честь в том, что мужик ни у кого ничего не украл или никого не ограбил), то мужик и семейство его “на почете” и “на славе”. А мужик и семейство гордится этим» (Вологодская губ.)²⁸.

При этом различают подлинное и напускное уважение. Наиболее отчетливо требования к личности, обретшей богатство, чтобы оно могло стать основанием подлинного уважения, выражены респондентом из Новгородской губ.: право на «гордость своим состоянием» народ признает, лишь когда «принимаются во внимание три обстоятельства: а) сам ли нажил богатство или получил наследственным путем; б) как пользуется богатством и в) как ведет себя с соседями, односельчанами»²⁹. Собственно богатство, если зажиточный человек никак не благодетельствует своим односельчанам, способно вызвать зависть и недоброжелательное отношение (Вологодская губ.)³⁰. Гордость своим богатством, если богатый отказывается помочь своим попавшим в беду односельчанам, вызывает в обществе враждебное к нему отношение (Вологодская, Новгородская губ.)³¹. Не уважают тех, кто приобрел богатство нечестным путем (Тверская, Новгородская губ.)³².

Способы проявления уважения по отношению к богатым односельчанам, подлинного либо мнимого, составляют своеобразный этикет, схожий во многих местностях. В основании его лежит вполне конкретная идея о возникновении материальной зависимости от более зажиточного члена общины: «Не уважь богача, ну он и не даст ничего тебе не только в долг, но и за деньги. Некоторые в праздник водят к себе в гости богатых мужиков, угощают их как дорогих гостей, чтобы польстить им» (Вологодская губ.)³³. Во-первых, богатому родственнику или соседу, зашедшему в праздничный день в гости, оказывается особое почтение: «...на

богатом родственнике сосредоточено все внимание хозяев, сажают его под передний угол, первым угощают» (Тверская губ.)³⁴; «Разбогатевший мужик, если и позволяет себе быть в гостях у простого мужика <...>, то непременно в качестве почетного гостя, чтобы сидеть в переднем углу и пить и есть лучшее; иначе ему гордость не позволяет» (Новгородская губ.)³⁵. Иначе говоря, перед разбогатевшим родственником, односельчанином заискивают, ему угождают.

Во-вторых, имущественное размежевание сказывается и на форме обращения: «Богатых, зажиточных мужиков в глаза зовут по имени и отчеству, позаглазно по имени и фамилии: Иван Уткин, Игнатий Павловцев. Средних, степенных в глаза зовут просто Иван, Игнатий. Бедняков, особенно «непутевых» позаглазно всегда уничижительными именами – Сенька, Ванька, а в глаза уменьшительными: Сенюха, Ванюха» (Новгородская губ.)³⁶. И в Вологодской губ., отмечено респондентом, богатые редко обращаются к бедным по имени и отчеству³⁷; при встрече богатый «бедному не подает руки» (Нижегородская губ.)³⁸. Особенно надменно держится богатый мужик относительно своего должника: «...при встрече на низкий поклон едва кивает головой, руки не подает, называя его полуименем – Серега, Андрейко, Олеха» (Новгородская губ.)³⁹. И так, богатые и бедные обращаются друг к другу не на равных: бедные – подобострастно, а богатые – с пренебрежением.

В-третьих, богатые стремятся к образованию обособленного сообщества: «...богатые заискивают знакомства и дружбу только с богатыми» (Вологодская губ.)⁴⁰.

С богатым не только больше считаются на сельском сходе, для него также открываются большие возможности занять почетную общественную должность – церковного старосты, волостного старшины. Кроме используемого социально-психологического авторитета, богатые для получения общественной должности прибегают к подкупу: «еще за полгода до выбора старшины мужик, желающий стать старшиной, подпайвает односельчан и особенно лиц влиятельных» (Вологодская губ.)⁴¹; задумавший стать старшиной угощает в праздники выборщиков и старост в большей части волости (Новгородская губ.)⁴². Зафиксирован и прямой подкуп деньгами: на волостном сходе в Тихвинском у. Новгородской губ. крестьянин давал выборщикам «15 рублей, чтобы избрали его»⁴³.

Итак, в конце XIX в. наряду с аксиологическим преобладанием такой формы богатства, как деньги – всеми признаваемой, но не всегда конкретно овестьствованной для крестьянского быта, не меньшую ценность имели и традици-

онные формы достатка – владение землей, хорошими постройками, скотом. Богатство и достаток, наряду с тем, что они осознавались в качестве важнейшего устремления, служили для крестьянина и наиболее значимым инструментом в укреплении его социально-психологической позиции в сельском обществе (референциальными признаками этого были

оказываемые ему уважение, почет). Фактор имущественного размежевания еще не привел к созданию классового антагонизма: все три категории крестьян – бедные, среднего достатка и богатые – образовывали единую соседскую общину. Разбогатение личности влекло за собой проявление новых этикетных форм уважения, подлинного либо мнимого.

¹ Потехин А.А. Этнографические очерки: Деревенские мироеды // Его же. Сочинения. – Т. 12. – СПб., 1905. – С. 203–205.

² Успенский Г. Полн. собр. соч. – Т. 4. – СПб., 1908. – С. 215, 216.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. – Т. 1. – СПб., 2000. – С. 527.

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического Бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т. 1. СПб., 2004. – С. 343.

⁵ Там же. – Т. 7. 1. – СПб., 2011. – С. 402, 403.

⁶ Там же. – С. 567, 568.

⁷ Там же. – Т. 5. – Ч. 4. – СПб., 2008. – С. 194.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 251, 252.

¹⁰ Там же. – С. 384.

¹¹ Там же. – С. 508.

¹² Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 16.

¹³ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 360.

¹⁴ Там же. – Т. 1. – С. 129.

¹⁵ Там же. – Т. 1. – С. 427.

¹⁶ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 244.

¹⁷ Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – СПб., 2011. – С. 397.

¹⁸ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – СПб., 2006. – С. 154.

¹⁹ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 296.

²⁰ Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – СПб., 2011. – С. 397.

²¹ Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 231.

²² Там же. – Т. 7. – Ч. 1. – С. 398.

²³ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 61.

²⁴ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 81.

²⁵ Там же. – Т. 2. – Ч. 1. – СПб., 2006. – С. 154.

²⁶ Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 479.

²⁷ Там же. – С. 340.

²⁸ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 591.

²⁹ Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 82.

³⁰ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 592; Там же. – Т. 3. – СПб., 2005. – С. 380 (Калужская губ.).

³¹ Там же. – Т. 5. – Ч. 2. – СПб., 2007. – С. 191; Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 83.

³² Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 427; Там же. – Т. 7. – Ч. 4. – СПб., 2011. – С. 82.

³³ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 167.

³⁴ Там же. – Т. 1. – СПб., 2004. – С. 429.

³⁵ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – СПб., 2009. – С. 62.

³⁶ Там же. – Т. 7. – Ч. 2. – С. 318.

³⁷ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 167.

³⁸ Там же. – Т. 4. – СПб., 2006. – С. 340.

³⁹ Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 89.

⁴⁰ Там же. – Т. 5. – Ч. 1. – СПб., 2007. – С. 296.

⁴¹ Там же. – С. 297.

⁴² Там же. – Т. 7. – Ч. 3. – СПб., 2009. – С. 84.

⁴³ Там же. – Т. 7. – Ч. 4. – СПб., 2011. – С. 247.

О тысячелетней традиции сохранения денег в России

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА БАРАНОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Научный сотрудник высшей категории отдела этнографии русского народа
e-mail: BOG2866@narod.ru

ВАЛЕРИЙ НИКАНДРОВИЧ СЕДЫХ

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, заместитель заведующего
e-mail: valsedykh@yandex.ru

В статье рассматриваются традиции сохранения денег на протяжении тысячелетней истории – с IX по XX в. На основе археологических, исторических и этнографических данных анализируются способы помещения сокровищ и сбережений для длительного хранения и повседневной жизни. Наряду с упоминанием земли, как древнего «сейфа», которая обеспечивала сохранность денег во время частых в эпоху средневековья пожаров, керамики и других вместилищ, большое внимание уделено характеристике коллекции предметов для хранения денег из фондов Российского этнографического музея. Описано разнообразие форм, материалов, украшений, способов использования данной группы экспонатов.

Ключевые слова: деньги, традиции хранения денег, клад, кошелек, копилка, археологические раскопки.

UDC 903.25(391)

On A Thousand Year Old Tradition of Money Preservation in Russia

OLGA G. BARANOVA

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Leading researcher, Department of Ethnography of the Russian People
e-mail: BOG2866@narod.ru

VALERY N. SEDYKH, Ph.D. (History)

Institute of History of St Petersburg State University
Associate Professor, Department of Archaeology, Deputy Chair
e-mail: valsedykh@yandex.ru

The paper examines the thousand year old tradition of money preservation during the period of the 9th to the 20th centuries. Based upon archaeological, historical and ethnographic findings, it analyses the ways of keeping treasures and savings for long-term storage and daily life. Alongside the mentioning of the earth as an ancient “safe” to keep money intact during the fires that were frequent for the Middle Ages, ceramics and other receptacles, much attention is drawn to the characteristic features of the collection of objects for money keeping held in the reserves of the Russian Museum of Ethnography. The paper describes the variety of shapes, materials, decorations and ways of using this group of exhibits.

Key words: money, tradition of preservation, treasure, pouch, money-box, excavations.

«Деньги девать некуда, кошелька купить не на что...»
Русская пословица

Исторически мерилем богатства выступали скот и излишки произведенного продукта. С развитием товарно-денежных отношений таковым стали деньги – медные, серебряные, реже золотые, монеты, слитки благородных металлов. Естественным было желание владельца накопленного сохранить имеющиеся на настоящий момент «излишки» до «лучших времен». Для территории России IX–XX вв. мы располагаем данными письменных источников, археологии и этнографии, свидетельствующими о разнообразии предметов, используемых для сбережения нажитого.

Как свидетельствуют письменные источники, использование земли для хранения ценностей на Руси имеет многовековую историю. Помещение денег в землю было повседневным, обычным явлением, что было обусловлено отсутствием возможности организованного и надежного их хранения. Кроме того, земля, как древний «сейф», обеспечивала сохранность денег во время частых в эпоху средневековья пожаров. Письменные источники фиксируютклады как способ хранения ценностей уже со второй половины XI в. – «Повесть о крещении Владимира» (конец XI в., нравоучение заимствовано из Евангелия от Матфея: «Не скрывайте себе сокровищ на земли...»), «Чтение о Борисе и Глебе» (XI – начало XII в.), «Печерский патерик» (XII в.) и др.¹. Иноземцы, посетившие русские земли в XVI–XVII вв., отмечали в своих записках странный, по их мнению, русский обычай хранить деньги в земле, «...по обычаю, заимствованному от предков»². Путешественники подчеркивали распространенность на Руси сокрытия денег в обычной, мирной обстановке. Скрытые ценности в древних летописях назывались «поклажа» или «скровище» (сокровище). Слово «клад» (от «класть») начинает широко употребляться лишь с XVII в. Клады

возвратные (сокровища) или экономические, в отличие от культовых, должны были обеспечить сохранность сберегаемого и достаточную легкость доступа к нему для изъятия.

В раннем средневековье для территории Восточной Европы характерной упаковкой были ткань и береста. Ткани, как и береста, были наиболее доступны. Последняя, благодаря своим характеристикам – эластичность, водонепроницаемость, неподверженность гниению, – была незаменимым материалом для кладохранителя. Нередки находки сбережений в бересте (Гнездово, Смоленская обл.), в кубышке, сплетенной из бересты (Ивановская обл.), в «берестяной корзине» (Новгородская обл.), в глиняных горшках и металлических сосудах, изнутри обложенных берестой (например, огромный Вихмязьский клад, обнаруженный в Ленинградской обл., находки в Торопце, Рязани и др.)³. Так называемый 1-й Неревский клад, обнаруженный в 27-м ярусе древнего Новгорода (972–989) и содержащий 871 экз. куфических монет, набор разновесов, серебряную лунницу, гирьки и хрустальные бусы, был сокрыт в берестяном туесе⁴.

В грубую ткань был упакован самый крупный клад арабских монет IX в. в Восточной Европе. Он был найден в ходе археологических исследований поселения у дер. Большое Тимерево под Ярославлем⁵. Аналогичная упаковка зафиксирована для территории Скандинавии и южного побережья Балтийского моря⁶.

Раскопками погребальных памятников эпохи раннего средневековья открыты богатые захоронения X–XI вв., как правило, воинов-торговцев; неперенным атрибутом их являются кожаные кошельки с бронзовыми оковками округлой или грушевидной (лировидной) форм с расширяющимся верхом (рис. 1), внутри которых фиксируются монеты, веса

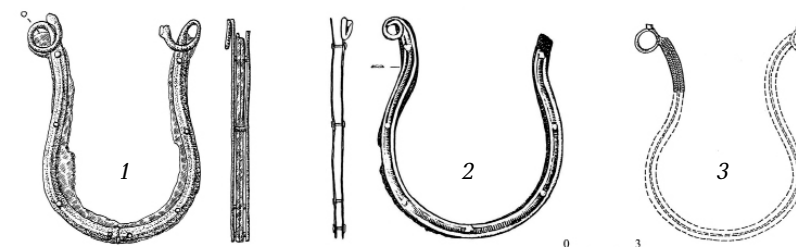

Рис. 1. Кошельки из погребений X–XI вв. 1 – Тимерево, Ярославская обл.; 2 – Саласпилс-Лаукскола, Латвия; 3 – Гнездово, Смоленская обл.

и гирьки. Такие погребения происходят из крупнейших могильников Древней Руси – Гнездовского⁷, Тимеревского⁸, некрополей Латвии (Саласпилс-Лаукскола, Тауренес-Лаздини)⁹, Татарстана (Балымеры)¹⁰, а также Швеции (например, Бирка)¹¹. Кожаные кошельки с монетами встречены и в погребениях рядовых могильников Руси X–XII вв.¹²

При раскопках Старой Ладogi в слоях 810–830 гг. был обнаружен кожаный кошелек – древнейший из известных на территории России (илл. 1). В древнем Новгороде в слоях XII–XIV вв. с хорошо сохранившимися предметами из органики найдены кожаные кошельки двух типов: круглые (или полукруглые) типа «кисет» (рис. 2) и плоские, прямоугольной или слегка трапецевидной формы с верхним закрываю-

Илл. 1. Кошелек. IX в. Из раскопок А.Н. Кирпичникова в Старой Ладoge

щимся клапаном (рис. 3)¹³. Первые не имеют орнамента или других украшений (аппликаций, накладок), вторые декорировались разнообразным тисненым или прорезным орнаментом. В книге Сигизмунда Герберштейна «Записки о московитских делах» имеется изображение русского купца XVI в., который держит в руках кошелек первого типа.

Всего в Новгороде зафиксировано более 200 экземпляров кошельков. Неоднократно в них находили монеты, весы и гирьки. Так, в слое XI в. в Кремле был обнаружен кошелек с весами, гирьками и дирхамом¹⁴. Два клада денариев в кошельках найдены в 22-м ярусе (1076–1096) Неревского раскопа¹⁵. Случайная находка в Новгороде – сумка-кошелек с монетами первой половины XVI в. и письменным прибором¹⁶.

Рис. 2. Кошелек на вздержке и номиналы русских монет XV–XVII вв. (По: Мельникова А.С. Булат и золото. М., 1990)

Рис. 3. Кошельки. XII–XIV вв. (По: Рыбина Е.А., 1997)

В XVIII–XIX вв. кошельки, бумажники, мошны или кисеты для денег отличались разнообразием форм и украшений. В фондах отдела этнографии русского народа РЭМ хранится коллекция (около 70 экспонатов) данных предметов¹⁷. В первую группу можно отнести мошны или кисеты и кошельки, закрывающиеся с помощью вздержки. Они изготовлялись из кожи, замши, ткани, бисера. Кожаные и замшевые кисеты овальной и полукруглой формы выполнялись из кожи различных цветов (черной, желтой, красной, коричневой, белой) и завязывались на ремешки и веревочные вздержки (илл. 2)¹⁸. Кисеты из Орловской губернии шились из лоскутов ситцевой и шерстяной ткани фабричного производства и украшались на концах кисточками (илл. 3)¹⁹.

Особо обращает на себя внимание мешочек из атласа, расшитый позолоченной нитью, с девятью кисточками, изготовленный в Арзамасском Новодевичьем Алексеевском монастыре (илл. 4)²⁰. Два женских монастыря Арзамасса – Николаевский (основанный в 1580 г.) и Алексеевский (образованный в 1634 г.) славились тем, что среди его послушниц было много мастериц-золотошвей. Сестры занимались шитьем не только церковного облачения, окладов к иконам, предметов церковного убранства, но и украшали вышивкой светскую одежду и предметы быта. Кроме того, монахини обучали

Илл. 2. Сверху вниз: Мошна для денег. XIX в. Смоленская губ., Рославльский у., с. Рогнедино. Собиратель А.И. Иванов. 1907. РЭМ, колл. 1243-47
Кошелек. XIX в. Европейская Россия. Собиратель Н.Н. Виноградов. 1909. РЭМ, колл. 1558-252
Кошелек. XIX в. Европейская Россия. Передан из Музея народов СССР. 1948. РЭМ, колл. 8762-9224. Фото и обработка авторов

Илл. 3. Кисет для денег или табака. XIX в. Орловская губ., Севский у. Собиратель Д.О. Святский. 1909. РЭМ, колл. 2012-278. Фото и обработка авторов

Илл. 4. Мешочек для мелких вещей и денег. Конец XIX – начало XX в. Нижегородская губ., Арзамасский Новодевичий Алексеевский монастырь. РЭМ, колл. 6121-2. Фото и обработка авторов

Илл. 5. Кошелек. XIX в. Европейская Россия. Передан Художественным отделом в Этнографический отдел. 1916. РЭМ, колл. 3655-31. Фото и обработка авторов

Илл. 6. Кошелек для ношения платка, денег и других мелких предметов; с помощью ленточки завязывался на поясе; получен в приданое матерью владелицы. 1867–1900. Ярославская губ., г. Рыбинск. Дар А.А. Соловьевой. РЭМ, колл. 11452-3. Фото и обработка авторов

Илл. 7. Кошелек для денег и кистей для табака, прикрепленные на поясе. XIX в. Орловская губ., Брянский у., с. Б. Полпина. Собиратель Н.М. Могиланский. 1903. РЭМ, колл. 337-37 а, б, с. Фото и обработка авторов

Илл. 8. Сумка-кошелек, в которой собиратели щетины хранили деньги и мелкий товар; носилась на ремне через плечо. XIX в. Черниговская губ., Стародубский у., пос. Елцонка. Старообрядцы. Собиратель И.С. Абрамов. 1908. РЭМ, колл. 1359-52. Фото и обработка авторов

Илл. 9. Слева направо: Бумажник. XIX в. Вятская губ., г. Вятка. Приобретен от А.С. Дмитриева. 1912. РЭМ, колл. 2752-2. Сумочка в форме конверта для ценных бумаг. XIX в. Передан из Музея народов СССР. 1948. РЭМ, колл. 8762-9225. Фото и обработка авторов

золотошвейной технике рукодельниц Арзамасса и Арзамасского уезда. Золотошвейные мастерские получали заказы из разных районов России, также их работы славились в Константинополе, Иерусалиме, Греции, Палестине, Молдавии²¹.

К этой же группе относится мешочек, связанный из белого и малинового шелка, и кошельки пятиугольной и овальной формы из розового и голубого штофа, украшенные растительным орнаментом, вышитым серебряными и золотой канителью (илл. 5)²². Тонкой работой отличались кошельки с растительным и геометрическим орнаментом, выполненные из бисера различных цветов (илл. 6)²³. В коллекции РЭМ имеются бисерные кошельки из Вологодской, Петербургской, Ярославской губерний и Области Войска Донского.

Ко второй группе относятся кошельки, закрывающиеся сверху клапаном. Кожаные кошельки прямоугольной и трапециевидной форм, без украшений, имеют кнопку или кожаную петлю для фиксации клапана. Часто такие кошельки прикреплялись на пояс (илл. 7) или карман, например, лузана²⁴. В сумке-кошельке из Стародубского у. Черниговской губ. собира-

тели щетины хранили деньги и мелкий товар (илл. 8)²⁵. Кошельки и бумажники, выполненные из ткани (шелка, бархата, холста, ситца), украшались чаще всего растительным или орнитоморфным орнаментом, вышитым шелковыми, золотыми и серебряными нитями (илл. 9)²⁶. Иногда подобный орнамент дополнялся стеклянными вставками или бисером. Таким образом оформлен прямоугольный бумажник, обшитый малиновым бархатом и украшенный растительным орнаментом, расшитым золотыми и серебряными нитями. На одной из сторон кошелек имеет монограмму: «Н.М.», внутри он обшит шелковой материей (илл.10)²⁷.

Некоторые предметы для помещения денег имели прорезь. К ним относится наружный карман с «гашенькой» (завязкой) из с. Русино Ковровского у. Владимирской губ., изготовленный в XIX в. (илл. 11). Он сшит из холста и украшен сверху ситцем и кумачом. Подобные карманы («гаманы», «лакомники») шили себе женщины из шелка, сукна, парчи, ситца, сатина и др. тканей, иногда такие карманы имели подкладку. Многие из них украшались вышивкой цветным шелком, гарусом, аппликацией из ярких лоскутов ткани, украшались бисером, пуговицами, лентами, позументом.

Илл. 11. Карман «с гашенькой» для ношения платка, денег и гостинцев. XIX в. Владимирская губ., Ковровский у., с. Русино. Собиратель Д.Т. Янович. 1903. РЭМ, колл. 383-35. Фото и обработка авторов

Илл. 10. Бумажник. XIX в. Европейская Россия. Передан Художественным отделом в Этнографический отдел. 1916. РЭМ, колл. 3655-52. Фото и обработка авторов

Илл. 12. Карман-«лакомник» на поясе, входящий в праздничный костюм женщины с Поморского берега. Конец XIX – начало XX в. Архангельская губ., Кемский у., Сумский посад. Собиратель В.Г. Бельтюков. 1911. РЭМ, колл. 1958-8. Илл. из каталога выставки «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы». 2004. С. 317

Они прикреплялись сбоку на пояс, завязывавшемся на талии, к праздничному сарафану, в котором раньше не было карманов, или подшивались с внутренней стороны юбки (илл. 12)²⁸. Женщина, идя в церковь, на гулянье или на ярмарку, помещала в такой карман платок, деньги и гостинцы. Вариантом кошелька с прорезью является прямоугольный мешочек из Тверской губ., связанный из зеленых шелковых нитей с геометрическим орнаментом на концах, выполненным золотыми, красными, желтыми и бежевыми нитями (илл.13)²⁹. Кошелек складывался пополам и привязывался к поясу.

В XIX в. широко распространились кошельки с металлическими ободками-запорами (илл. 14). Они изготовлялись из кожи, мелкого разноцветного бисера, вязались из шелка, шились из бархата и др. тканей, украшались золотыми нитями, канителью, блестками, золотой бахромой³⁰. Аналогичный кошелек любителя-нумизмата, потерянный не ранее 1880 г., сделанный из кожи с металлическим замком, был обнаружен при раскопках в 2012 г. на набережной р. Мойки, д. 102 (илл.15)³¹.

Илл. 13. Кошелек. XIX в. Тверская губ. Приобретен от А.С. Дмитриева. 1912. РЭМ, колл. 2771-1. Фото и обработка авторов

Илл. 14. Кошелек. XIX в. Европейская Россия. Из колл. Ф.М. Плюшкина. 1912. РЭМ, колл. 3447-12. Фото и обработка авторов

Илл. 15. Кошелек. XIX в. Обнаружен во время раскопок в Санкт-Петербурге на набережной р. Мойки, д. 102 в 2012 г.

При наличии характерных для раннего средневековья упаковок (ткань, береста, кожа), наиболее распространенной и хронологически, и территориально упаковкой сбережений была керамика. В фундаментальной сводке Г.Ф. Корзухиной, посвященной русским кладам IX–XIII вв., указано, что из 175 кладов этого периода 62 было помещено в глиняные сосуды, нередко залитые воском, завернутые в мешковину или парчу³². Лишь в 6-ти случаях упаковкой сокровищ служили металлические емкости³³. Массовый характер тезаврации сокровищ на Руси вызвал к жизни целую отрасль гончарного ремесла, специализировавшейся на изготовлении разнообразных сосудов для сокрытия кладов. В XVI–XVII вв. для этого использовались небольшие сосудики с раздутым туловом и высоким узким цилиндрическим горлом –

кубышки (илл. 16). Изготавливались они с применением ленточной техники, позволявшей делать шарообразные сосуды чрезвычайно малых размеров, расширяющиеся к середине и суживающиеся кверху. Очевидно, что они были изготовлены специально для индивидуального сохранения сбережений и не были предназначены для других бытовых нужд. Как правило, такие сосуды покрыты зеленой или желтой поливой. Судя по датировкам обнаруженных в них монет, сосуды-кубышки использовались вплоть до начала XIX в., сохраняя форму и отделку³⁴. На Северо-Западе кроме кубышек были также распространены фляги-пороховницы и копилки в виде бочонка³⁵. В центральных областях России XVII – начала XVIII в. для этих целей использовалась тонкостенная керамика с черным или серебристым лощением, во

Илл. 16. Кубышка. XVII в. Московская Русь

второй половине XVIII – начале XIX в. – грубая толстостенная керамика в форме корчаг³⁶. Если для периода раннего средневековья мы можем предполагать принадлежность скрытых сокровищ купцам, то клады развитого средневековья, очевидно, принадлежали представителям средних слоев населения – горожанам (посадским людям) и крестьянам (основная масса сокровищ найдена в сельской местности).

Кроме упомянутых выше материалов, из которых изготавливались предметы для накопления, сохранения и сбора денег и других ценных вещей, в XVII–XX вв. использовались дерево, металл и кость. Хорошо известны ларцы и подголовники, употребляемые в домах и в дороге для сбережения ценностей.

Ларцы-теремки представляли собой почти квадратные по форме ящики с откидной четырехскатной крышкой (отсюда происходит и название ларца), на плоском завершении которой находилось кольцо, служившее ручкой. Ларцы имели два отделения, каждое из которых закрывалось на внутренний замок, при повороте ключа оповещавший музыкальной фразой, что он открывается или закрывается.

Прямоугольные по форме подголовники имели покатую откидную крышку, которая состояла из двух частей: узкой, расположенной параллельно дну, и широкой, наклонной. Чаще всего у подголовника, как и у ларца, было внутри два отделения: одно из них, закрытое узкой частью крышки, состояло из выдвигаемых ящичков, в которых хранили мелкие вещи: ювелирные украшения, металлические деньги; под наклонной частью крышки, в отделение большего размера, помещали деловые бумаги, бумажные ассигнации, книги.

Ларцы и подголовники изготавливали из дерева (сосны, дуба, кипариса), оковывали металлическими полосами, которые часто имели ажурный просечной растительный орнамент, украшали резьбой и росписью. Металлические просечные полосы могли помещаться прямо на дерево, либо под них подкладывали различные материалы – кожу, ткань, слюду, цветную бумагу. Делали подобные предметы мастера северных городов России – Холмогор и Великого Устюга. Они производились в XVI – первой четверти XVIII в. и бытовали в домах зажиточных и богатых людей. В крестьянском быту для этих целей использовались более простые вещи, изготовленные местными столярами и кузнецами. В XVII–XVIII вв. были широко распространены и костяные ларцы, изготовлявшиеся в Холмогорах, Москве и Петербурге³⁷.

Если ларцы использовались чаще всего в домах, то дубовые подголовники, закрывающиеся на замок, были надежным местоположением для ценностей в пути, а покатая крышка позволяла ставить его в изголовье при ночевке в снях, на постоялом дворе или в чужом доме, поэтому часто подобные сундучки называли изголовниками. В фондах РЭМ хранится более 30 ларцов-теремков и около 25 подголовников³⁸. Помимо использования в дороге и дома, их применяли в церквях и часовнях. Таким предметом является сосновый подголовник, привезенный в музей А.А. Макаренко в 1904 г. из Енисейского у. Енисейской губ. В часовне в д. Сполошинская в нем хранили восковые свечи и деньги³⁹.

Для свечей, ладана и денег на их приобретение предназначались вытянутые прямоугольные ящички с одной или двумя выдвигаемыми крышками над двумя отделениями, иногда украшенные с внешней стороны искусной рельефной резьбой с растительным, геометрическим и орнитоморфным орнаментом (илл. 17)⁴⁰.

Илл. 17. Ящик для восковых свечей и денег для их приобретения. XIX в. Русский Север. Приобретен от А.Е. Ечкина. 1907. РЭМ, колл. 1198-19 а, б, с. Фото О.В. Ганичевой

В особую группу стоит включить ящики, кружки и тарелки для сбора пожертвований. В РЭМе имеется около 15 таких предметов, использовавшихся в русских деревнях. Ящики (часто их называли «денежные ящички» или «денежные сундучки») прямоугольной и квадратной форм чаще всего изготавливались из дерева, окрашивались краской, имели прорезь для опускания монет⁴¹. Кружки делали из металла или дерева, которое для прочности оббивали металлическими полосами. Они были цилиндрической или полуметаллической формы с плоской задней стенкой, так же, как и ящики имели прорезь для опускания монет, иногда снабжались надписями, говорящими об их назначении: «Помогите бесприютным детям» (илл. 18), «В пользу церковно-приходских школ» и др.⁴². Выделяется среди них массивная «кружка», выдолбленная из куска бревна и укрепленная четырьмя металлическими обручами. Она имеет откидную крышку с клепаными перекрещивающимися полосами, прорезь для монет и скобу для подвешивания замка. «Кружка» находилась в часовне Казанской Божьей Матери в д. Симонково Ново-

Ладожского у., Санкт-Петербургской губ. и была привезена в музей Н.И. Репниковым в 1912 г. (илл. 19)⁴³.

Деревянные и металлические (оловянные, медные, латунные) тарелки чаще всего использовались для сбора денег на различные нужды в церкви – на ремонт или строительство храма или часовни, на отливку нового колокола, поновление икон, содержание причта и др. Такие тарелки могли иметь гравированный рисунок и надписи религиозного содержания, как предмет из коллекции Ф.М. Плюшкина, поступивший в 1913 г. (илл. 20)⁴⁴, или обычными, как тарелка для «сбора грошиков» на часовню из коллекции, собранной А.А. Макаренко в 1904 г. в Енисейской губ. Деревянные тарелки из его же коллекции использовались «для сбора грошиков» в дни кануна («обычное подавание, пивших канун») (илл. 21)⁴⁵.

В сибирских деревнях долго сохранялся обычай, когда продавали пиво, сваренное из солода и хмеля, собранного со всех домохозяев. Желающие выпить канунного пива должны были положить монетки («грошики») на тарелку. Деньги, собранные таким образом, «предназна-

Илл. 18. Кружка для пожертвований с надписью: «Помогите бесприютным детям». Конец XIX – начало XX в. Передана из Государственного Эрмитажа. 1954. РЭМ, колл. 6896-208. Фото и обработка авторов

Илл. 19. Кружка для подаяний. XIX в. Петербургская губ., Ново-Ладожский у., г. Симонково, Часовня Казанской Божьей Матери. Собиратель Н.И. Репников. 1912. РЭМ, колл. 2414-1. Фото и обработка авторов

Илл. 20. Тарелочка для сбора денег в церкви. XIX в. Европейская Россия. Из колл. Ф.М. Плюшкина. 1913. РЭМ, колл. 6771-200. Фото и обработка авторов

Илл. 21. Тарелочка для сбора «грошиков» в дни «кануна». XIX в. Енисейская губ., Енисейский у., г. Сполошинская. Собиратель А.А. Макаренко. 1904. РЭМ, колл. 575-15. Фото и обработка авторов

Илл. 22. Свинья-копилка. XIX в. Европейская Россия. Дар княгини Оболенской. 1904. РЭМ, колл. 467-49. Фото и обработка авторов

Илл. 23. Копилка. XIX в. Европейская Россия. Поступила до 1917 г. РЭМ, колл. 5502-111. Фото и обработка авторов

чались святому», в честь которого устраивался «канун» – на ремонт часовни или храма его имени, обновление его иконы, покупку свечей или лампадного масла⁴⁶.

Д.Г. Мессершмидт наиболее точно описывает празднование кануна: «Когда выпадает день известного святого и церковь такого святого святит, то от его имени, как решает глава церкви или староста, варят пиво. Рано утром останавливают они в церкви свое обычное богослужение и звонят после этого в этой церкви во все колокола. Собираются те, кто приписан к этой церкви, и икону святого берут со своего обычного места, ставят на стул посередине церкви. Перед ним ставят несколько горящих свечей и маленькое блюдо, а недалеко от него – 1–2 или больше бочек пива. Кто только имеет желание и усмотрение пить за него или попробовать, тот кладет на маленькое блюдо, по возможности, 1–2 алтына, кто беден – только копейку, ибо это не такса, а для этого святого. Тогда может каждый пить в церкви по желанию и не выходить раньше, чем кончится пиво. При этом гости не обходятся без ссор и драк, а многие не идут домой, потому что их нужно тащить»⁴⁷.

Конечно, нельзя обойти вниманием такие предметы для сохранения денег, как копилки разнообразных форм, выполненные из глины, дерева, металла. Среди 23 русских копилки в собрании РЭМа шесть сделаны из глины и покрыты поливой желтого, зеленого, коричне-

вого цветов. Самая ранняя из них, подаренная музею княгиней Оболенской в 1904 г., имеет распространенную для копилки форму свиньи (илл. 22)⁴⁸, которая издавна символизировала рост благосостояния и ассоциировалась с богатством. Копилка в виде бутылки с узким горлом, заканчивающаяся фигуркой птицы и имеющая прорезь для монет сбоку на тулове, выполнена в начале 1960-х гг. гончаром С.М. Дербеневым из д. Филимоново Одоевского р-на Тульской обл.⁴⁹, известного гончарного центра по изготовлению керамической посуды и игрушек. Копилка сферической формы золотисто-коричневого цвета, сделанная мастером Е.Ф. Пашковым из д. Дроняево Львовского у. Курской губ. в 1975 г., имеет наверху собаку-сторожа, которая так же, как и птица символизировала сохранность сбережений⁵⁰. Две копилки конусообразной формы из д. Синий Колодезь Новозыбковского у. Брянской обл., изготовленные гончаром А.Т. Павленко в 1985 г., были привезены из экспедиции сотрудниками музея Н.Н. Сосниной и И.И. Шангиной. Подобные копилки в 1980-е гг. пользовались на рынке в деревне большим спросом⁵¹.

Из металлических копилки в собрании присутствует медная копилка XIX в. с прорезью в крышке, украшенная литым орнаментом – рядом ромбов с восьмилепестковыми розетками внутри (илл. 23)⁵².

В 1930-е гг. в Советском Союзе изготавливали металлические копилки в виде чехомдан-

Илл. 24. Копилка в форме чемоданчика. СССР. 1930-е гг. Собрание В.Н. Седых

Илл. 25. Слева направо: Бочонок для хранения денег, иглол и пуговиц, XIX в. Тульская губ., Богородицкий у., с. Ивлево. Собиранье Н.М. Могилянский. 1902. РЭМ, колл. 157-11 а, б

Бочонок-копилка. СССР. 1930-е гг. Собрание Е.Н. Метелкина

Копилка в форме бочонка. 1952 г. Новгородская обл., г. Боровичи. Автор-изготовитель А.Я. Шитиков. Собиранье В.И. Герасимова. 1955. РЭМ, колл. 6865-12. Фото и обработка авторов

чика с ручкой, замком и прорезью, с надписями: «государственная трудовая сберегательная касса – кошелек и кассир трудящихся» и «храни каждую свободную копейку на сберегательной книжке» (илл. 24)⁵³. Аналогичными надписями сопровождали и копилки в форме бочонка. Копилки-бочонки в более раннее время изготавливали из дерева и глины (илл. 25)⁵⁴.

В 1960–1970-е гг. широкое распространение получили деревянные, ярко расписанные копилки в виде бочонков, грибов, свиней, изготовленные кустарями-ремесленниками из с. Полхов-Майдан Вознесенского р-на и из г. Семенова Горьковской обл.⁵⁵. Их и сейчас еще можно встретить во многих домах.

Таким образом, различные источники свидетельствуют о традиции сохранения сбережений от эпохи средневековья до современности, показывают преимущество не только предметов и материалов, но и способов хранения денег.

¹ Рязцевич В.Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск, 1970. – С. 153–155.

² Флетчер Дж. О государстве Русском. – СПб., 1906. – С. 80; Мейерберг А. Путешествие в Московию // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – Кн. 1, разд. 4. – М., 1873. – С. 179.

³ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. – Л., 1968. – С. 16–19; Спаский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. – Л., 1970. – С. 55, 56.

⁴ Янина С.А. Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экспедиции. – Т. 1 / МИА. – № 55. – М., 1956. – С. 180–207.

⁵ Добровольский И.Г., Дубов И.В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка, литературы. – 1975. – № 2. – С. 65–70.

⁶ См., например: Corpus nummorum saeculorum IX–XI. Qui in Suecia reperti sunt. 3. SKÅNE 1. Åhus – Grönby. – Stockholm, 1985. – Pp. 15, 201. Pl. 15: 4, 155.

⁷ Гнездовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). – М., 1999 (Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI). – С. 100, 130. Рис. 16: I. 8, 4; С. 110, 134. Рис. 20: I. 79, 1.

⁸ Седых В.Н. Тимерево: итоги исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы: Пятая межрегиональная конференция: Сборник статей. – Ярославль, Рыбинск, 2012. – С. 166.

⁹ Берга Т.М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. – Рига, 1988. – С. 59. Рис. 25, 26.

¹⁰ Измайлов И. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. – Казань, 2000. – С. 204. Рис. 1, 1.

¹¹ Minaeva O., Holmquist L. Bulgarian Parallels to Oriental Finds of Metalwork from Birka. – Sofia, 2012. – P. 69. Pl. 40, 41.

¹² Потин В.М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды ГЭ. – Т. XII. – 1971. – С. 49–119; Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. – М.: Наука, 1988. – С. 5–132; Кочуркина С.И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками: Каталог. – Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2013. – С. 16–128.

¹³ Рыбина Е.А. Изделия из кожи // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 46; С. 282. Табл. 36, 1–8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Варфоломеева Т.С. Средневековые кожаные кошельки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. – Вып. 11. – Новгород, 1997. – С. 109.

¹⁶ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 92.

¹⁷ Основная группа предметов поступила в музей с 1903 по 1916 г. Несколько экспонатов приобретено в более позднее время. Среди собирателей – иеромонах Антоний, И.С. Абрамов, П.Н. Бекетов, Васильчикова, Н.Н. Виноградов, А.С. Дмитриев, А.И. Иванов, З. Малиновская, Н.М. Могилянский, Ф.М. Плюшкин, А.Л. Погоская, Д.О. Святский, А.В. Худорожева, В.П. Шнейдер, Д.Т. Янович. Кроме того, несколько вещей пополнили собрание в 1948 г. в связи с расформированием Музея народов в Москве. Территория изготовления и бытования данного собрания разнообразна: Брянская, Владимирская, Вологодская, Вятская, Енисейская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Санкт-Петербургская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Черниговская, Ярославская губернии, а также Область Войска Донского.

¹⁸ См. колл. РЭМ: 1243, 1558, 8762.

¹⁹ См. колл. РЭМ: 2012.

²⁰ См. колл. РЭМ: 6121.

²¹ Скрыбина С.А. Искусных рук чудесное творенье... Золотное шитье монахинь и послушниц арзамасских монастырей (см. сайт Арзамасского историко-художественного музея).

²² См. колл. РЭМ: 381, 3655.

²³ См. колл. РЭМ: 381, 688, 1040, 7558, 11452.

²⁴ См. колл. РЭМ: 337, 768.

²⁵ См. колл. РЭМ: 1359.

²⁶ См. колл. РЭМ: 113, 1558, 2073, 2752, 6754, 8762.

²⁷ См. колл. РЭМ: 3655.

²⁸ См. колл. РЭМ: 1958.

²⁹ См. колл. РЭМ: 383, 628, 649, 728, 831, 2771, 12829.

³⁰ См. колл. РЭМ: 381, 3447.

³¹ Седых В.Н. Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН 2010–2012 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН [№] 3 (Оранная археология). – СПб., 2013. – С. 280. Рис. 6.

³² Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л., 1954.

³³ Там же.

³⁴ Мец Н.Д. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. – Вып. 24. – М., 1949. – С. 108–115.

³⁵ Калинин В.А. Русская кладовая керамика в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. – Л., 1979. – С. 95, 96; С. 98. Табл. I, 1, 2.

³⁶ Там же. – Табл. II.

³⁷ Подробнее о ларцах и подголовниках см.: Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. Авторы: Баранов Д.А., Баранова О.Г., Мадлевская Е.Л., Соснина Н.Н., Фишман О.М., Шангина И.И. – СПб., 1999.

³⁸ См. колл. РЭМ: 165, 386, 575, 738, 1375, 1703, 2114, 2144, 2476, 3277, 3413, 3642, 4844, 5502, 6771, 8761.

³⁹ См. колл. РЭМ: 575–18.

⁴⁰ См. колл. РЭМ: 1200, 1703, 1198, 2012.

⁴¹ См. колл. РЭМ: 383, 3413, 12758.

⁴² См. колл. РЭМ: 2414, 3413, 6896.

⁴³ См. колл. РЭМ: 2414.

⁴⁴ См. колл. РЭМ: 6771.

⁴⁵ См. колл. РЭМ: 575.

⁴⁶ Шангина И.И. Братчина // Русский праздник. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2001. С. 39.

⁴⁷ Мессершмидт Д.Г. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. – Красноярск, 1981. Цит. по: Санников А.П. Церковные кануны: утраченная традиция // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – № 2(3). – Ч. 1. – Иркутск, 2012. – С. 186.

⁴⁸ См. колл. РЭМ: 467–49.

⁴⁹ См. колл. РЭМ: 7571–42.

⁵⁰ См. колл. РЭМ: 8501–83.

⁵¹ См. колл. РЭМ: 10723–151.152.

⁵² См. колл. РЭМ: 5502–111.

⁵³ Собрание В.Н. Седых.

⁵⁴ См. колл. РЭМ: 157, 6865.

⁵⁵ См. колл. РЭМ: 6533, 7530, 8010, 8060, 8714, 11231.

In Tōnalli in Tlācatl: Судьба, имя и богатство в доиспанском мировоззрении науа

АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА КАЛЮТА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внешних связей

e-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

В статье рассматриваются представления о богатстве, его происхождении и внешних признаках, существовавшие в обществе науа – крупнейшей этнической общности Мезоамерики к моменту прихода испанских завоевателей в начале XVI века. Основное внимание уделяется представлению науа о богатстве как выражении жизненной силы каждого человека и материальном проявлении его судьбы, предопределенной уже при рождении и наречении именем в соответствии с общим для всех коренных народов Мезоамерики 260-дневным гадательным циклом.

Ключевые слова: судьба, имя, наречение именем, богатство, внешние признаки богатства, регистривация богатства.

UDC 391.7

In Tōnalli in Tlācatl: Fortune, Name and Wealth in the Nahuatl Prehispanic Worldview

ANASTASIA V. KALYUTA, Ph.D. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Leading researcher, Department of Foreign Relations

e-mail: anastasiakalyuta@mail.ru

The article examines the notions of wealth, its origin and explicit characteristics among the Nahuas (Aztecs), the largest ethnic group of Mesoamerica, by the Spanish arrival in the early sixteenth century. Special emphasis is placed on the Nahuatl belief that wealth is an explicit expression of an individual's life force and a material manifestation of one's destiny predetermined already by one's birth and name-giving in accordance with the 260-day Divinatory Circle common for all the Mesoamerican indigenous peoples.

Key words: fortune, name, name-giving, wealth, explicit markers of wealth, redistribution of wealth.

В настоящей статье рассматриваются традиционные представления науа о богатстве как выражении личностной ценности любого индивида. Науа, в отечественной традиции часто и ошибочно именуемые «ацтеки», являются создателями одной из крупнейших цивилизаций доколумбовой Америки, которой европейцы обязаны целым рядом элементов

своей современной материальной культуры. К моменту прихода испанцев в первой четверти XVI в. центр этой цивилизации находился на территории современного мегаполиса Мехико-Сити, столицы Мексики и его окрестностей, а политическое и культурное влияние распространялось примерно на треть современной территории страны¹.

Что же такое богатство с точки зрения науа в период их первых контактов с испанскими завоевателями? Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что богатство или его отсутствие воспринималось как одно из наиболее наглядных проявлений судьбы человека, которая была предопределена еще при его рождении и на языке науатль обозначалась словом *tōnalli*. Это существительное, образованное от глагола *tōna* – «создавать жар», «светить», «палить», применительно к солнцу в своей изначальной абсолютной форме имело следующие значения: «солнечное тепло», «светлое время суток», «календарный знак», обозначающий определенный день 260-дневного календарного цикла *tōnalpohualli*².

В посессивной форме с добавлением безличного местоименного префикса «te-» – «чей-то» – это слово в зависимости от контекста могло означать: 1) предназначение, жребий; 2) право или привилегия; 3) душа; 4) участок земли кого-либо³. В одном из источников колониального периода личные земли правителя обозначаются с помощью бинomialной конструкции *in tōnal in tlācatl*, дословно – «тональ этого человека»⁴. В качестве его синонима в том же источнике приводится термин *icosauh* – «его богатство»⁵. Тем не менее, исходя из вышеперечисленных значений термина *tōnalli* и грамматических особенностей языка науатль, *in tōnal in tlācatl* точнее было перевести как «доля человека», «судьба человека».

Все эти значения отражают различные аспекты представлений науа о природе человека и тех факторах, которые определяют психологические черты каждого индивида и его существование на земле. Свою жизненную силу каждый человек получал от Солнца в ходе специально проводимого повитухой ритуала омовения и наречения именем новорожденного ребенка, совершавшегося обычно в течение первых 13 дней со времени его появления на свет. Стоит также отметить, что это имя выбирали на основе гадательного календаря *tōnalpohualli*, который науа восприняли от более древних обитателей Мезоамерики⁶. *Tōnalpohualli* состоял из комбинации 13 чисел и 20 знаков, представлявших собой стилизованные изображения животных, птиц, растений, предметов (например, кремня или дом) и природных стихий (илл. 1). Вместе множество 13 x 20 давало число 260, соответствовавшее полному циклу *tōnalpohualli*. Каждый из 20 знаков имел также свой числовой коэффициент от 1 до 13, указывавший на его положение в 13-дневном пери-

оде. Например, дни первого 13-дневного периода 260-дневного цикла именовались: Один Крокодил, Два Ветер, Три Дом, Четыре Ящерица и т. д.⁷. По истечении одного 13-дневного периода, начинался другой, и отсчет при этом велся заново с 1 до 13, так что 20 знаков *tōnalpohualli* постоянно чередовались. Согласно испанскому хронисту Торрибио де Бенавенте Мотолонии, каждый человек первоначально получал так называемое календарное имя – название того из 260 дней, в который он родился⁸. Источники пестрят такими именами, как: Два Кролик, Четыре Кремень, Пять Трава. Каждый из дней *tōnalpohualli* принадлежал определенному божеству, равно как и весь 13-дневный период. Характер божества-покровителя 13-дневного периода, вместе со знаком и числовым коэффициентом каждого из входивших в него дней, определял, является ли данный день счастливым, нейтральным или несчастливым, а соответственно и какова будет судьба человека, появившегося на свет в этот момент, суждено ли ему богатство или бедность. Так человеку, родившемуся в течение 13-дневного периода, посвященного богу-творцу Тонакатекутли (буквально «господин

Илл. 1. Знаки *tōnalpohualli* в Кодексе Борджиа. Серегина XV в. *Códice Borjia. Edición facsimilar 1963. Vol. 2. México, Buenos Aires: Fondo de la Cultura Económica, Lám. 5*

нашего пропитания») успех сопутствовал во всех делах, а богатство само шло к нему в руки⁹. Напротив, люди, родившиеся в 13-дневный период, который находился под властью богини воды Чальчиутликуэ, даже будучи трудолюбивыми и рожденными в богатстве, были обречены на разорение и бедность в силу переменчивого характера водной стихии¹⁰ (илл. 2). Нищета и даже рабство были уготованы и тем несчастливцам, которые родились в день Два Кролик (Ome Tochtlī), посвященный богам *ocltli* – алкогольного напитка из сердцевины агавы, т.к. этот знак предопределял их неодолимое пристрастие к этому напитку, ради удовлетворения которого они тратили все свое имущество¹¹. Кроме того, родившиеся под знаком Два Кролик в силу своего пагубного пристрастия отличались антисоциальным поведе-

нием, ленью, полным пренебрежением к своим семейным обязанностям и имуществу, а также готовностью на любые преступления: от воровства до изнасилований и убийств¹². В доиспанском обществе науа эти противоправные действия карались либо смертной казнью, либо обращением преступника в рабство. Тяжелей всего, по представлениям науа, было положение тех, кто родился в *nēmōntēni* (букв. – «пустые дни», «лишние дни»), – в те пять дней, которые добавлялись к основному 360-дневному циклу, чтобы уравнивать его со средней продолжительностью солнечного астрономического года. Ни один из *nēmōntēni* не входил в 260-дневный *tōnalpohualli* и не имел знака *tōnalli*, поэтому те, кто имели несчастье родиться в этот период, были вообще изначально лишены доли-судьбы, а соответственно и будущего. Показательно, что мужчину, родившегося в один из этих пяти дней, называли *nēmoquichtli* – «никчемный мужчина, неудачник», а женщину – *nēncihuātl*, «беспользная, несчастливая женщина»¹³.

Итак, понятие *tōnalli* объединяло в общий космологический комплекс день рождения человека, его имя, судьбу и психологические особенности с такими природными явлениями, как солнечный свет и тепло. В этом отношении оно сходно с аналогичными понятиями некоторых индоевропейских народов, прежде всего иранских. В иранской мифологии ключевым понятием является *фарн* – сверхъестественная энергия или сущность, приносящая богатство, власть и могущество. Как и в случае с *tōnalli*, значение термина восходит к древнеиранскому *хварна* – «солнечный свет, божественный огонь»¹⁴. Согласно Авесте, священной книге зороастрийцев, *фарн* человека воплощается обычно в богатстве, здоровье и семье¹⁵. Также имелось представление и о нехорошем, неудачливом *фарне*. В целом ряде современных европейских языков, в первую очередь, западно-романских, а также в английском языке, испытавшем сильное влияние старофранцузского, имя древнеримской богини плодородия и удачи *Fortuna* стало обозначать такие понятия, как «судьба», «богатство», «удачное или неудачное стечение обстоятельств» (илл. 3). Стоит отметить, что в популярном словаре современного английского языка Лонгмана именно «богатство» приводится в качестве первого, основного значения¹⁶.

Что касается представления о зависимости судьбы/богатства человека от дня его появления на свет, оно зафиксировано в фольклоре романских, германских и славянских народов Европы,

а также тюркских и монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, исповедующих ламаизм (северный вариант буддизма) и пользующихся тибетским календарем или испытавших влияние ламаизма¹⁷.

Примечательно, что, как и в случае с аналогичными представлениями у индоевропейских народов Старого Света *tōnalli* любого человека не являлся чем-то стабильным, неизменным. Его можно было улучшить и увеличить или, наоборот, испортить или утратить совсем, что уже было чревато не только крайней нуждой, но и тяжелыми болезнями и даже смертью. На этом представлении были основаны уловки тех родителей, чьи дети появились на свет в несчастливые дни, т.е. изначально имели плохой *tōnalli*¹⁸. Если ребенок родился в какой-нибудь из несчастливых дней, наречение именем могли отложить до наступления следующего более благоприятного дня. Поскольку науа носили обычно несколько имен, *tōnalli* новорожденного можно было улучшить, дав ему имя какого-нибудь преуспевающего в жизни предка¹⁹.

Кроме того, в течение всей своей жизни каждый человек должен был вести себя так, чтобы не испортить и не потерять свой *tōnalli*, иначе его начинали преследовать всевозможные несчастья. Прежде всего, он должен был не забывать совершать регулярные жертвоприношения божееству-покровителю того 13-дневного периода, в который он родился. В эти дни он был обязан также выполнять целый комплекс ритуальных действий, которые науа называли *macēhualiztli* – «покаяние, очищение»²⁰. Они включали: пост, сексуальное воздержание, постоянные кровопускания из мочеушей, нижних конечностей и половых органов и запрет совершать любые гигиенические процедуры – от мытья и расчесывания волос до пользования косметическими средствами. Кроме того, человек должен был несколько раз в день совершать возкурения копалом (благоуханной смолой) в честь божеества-покровителя своего знака, распорядившегося его судьбой. Люди, пренебрегавшие этим периодическим очищением и не воздававшие должных почестей божееству своего знака, теряли свой *tōnalli*, а вместе с ним и удачу. Также они лишались способностей, которыми наделял их при рождении тот или иной знак.

Так, например, девочка, родившаяся под знаком Семь Цветок (*Chicome Xochitl*), принадлежавшем богине Шочикецаль, покровительнице ремесел, в том числе ткацкого ремесла, повзрослев, становилась искусной ткачихой²¹.

Илл. 3. Богиня Фортуна

Римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э. [https://simple.wikipedia.org/wiki/Fortuna_\(mythology\)](https://simple.wikipedia.org/wiki/Fortuna_(mythology)) gama обращения 12.07.2016

Благодаря своему мастерству она могла обеспечить себе безбедное существование и рассчитывать на удачный брак. Тем не менее, если она регулярно не выполняла положенных обетов очищения и не приносила жертвы в дни, посвященные Шочикецаль, разгневанная богиня лишала ее способностей к ткачеству. Не имея другого источника дохода, ткачиха, разучившаяся ткать, была вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией и могла стать жертвой такой грозной болезни, как сифилис, поскольку Шочикецаль была одновременно богиней плотской любви и венерических болезней²².

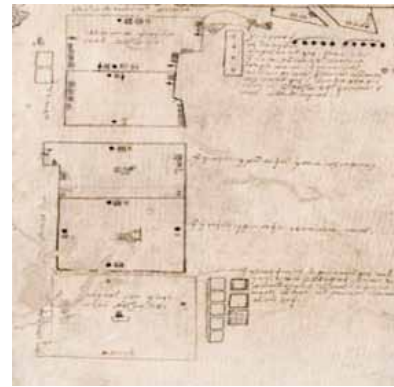
Также любой человек вне зависимости от социального статуса всегда должен был быть трудолюбивым и прилежным, смиренным и почтительным по отношению к старшим и вышестоящим, а по отношению к младшим и неимущим – доброжелательным и щедрым. Кроме того, он должен был избегать любых излишеств и праздности. Даже счастливы, родившиеся под знаком Крокодил (*Cipactli*), могли лишиться своего благоприятного *tōnalli* удачи и превратиться в нищих изгоев, если не следовали этим этическим нормам²³. Наконец, лишить человека его *tōnalli* могли враги и недоброжелатели²⁴.

Илл. 2. Несчастливая судьба родившихся под знаком воды. Codex Telleriano-Remensis, 1995, f. 11 г.

Илл. 4. Рынок науа. Codice florentino, vol. 2, Lib. 9, 1980, f. 2 г.

Илл. 5. Купленные земли и накидки, уплаченные за них. Oztoticpac Lands Map. 1540. Library of Congress, Washington D.C., USA <https://www.wdl.org/en/item/106/gama> обращения 12.07.2016

Илл. 7. Шуты, музыканты и акробаты правителя. Codice florentino, vol. 2, Lib. 8, 1980, f. 16

Илл. 6. Воины и пленники. Codex Mendoza, 1542, facsimile 1992, Los Angeles: University of California Press, vol. 1, f. 41 f.

Илл. 8. Раздача проговольствия и одежды нуждающимся Мотекусомой Первым. Илуикаминой, Атлас Дурана, 1588? Duran D. Historia de las Indias. Mexico: UNAM, 2 vols. Vol. 1. 1967

По представлениям науа похитить чужой *tōnalli* можно было с помощью колдовства. Человек, лишенный *tōnalli* подобным путем, тяжело заболел и обычно умирал, если только целитель или целительница своевременно не возвращали его пациенту с помощью заклинаний и особых магических действий. Эти действия – гадания на воде или кукурузных зернах, прием галлюциногенов и погружение в состояние транса – были направлены на поиски *tōnalli* пациента. Считалось, что в состоянии транса целительница может общаться с богами и духами и попасть в потусторонние миры, чтобы найти и вернуть больному человеку его *tōnalli*. Подробное описание поиска *tōnalli* в потусторонних мирах и возвращения его больному вместе с записанными заклинаниями, произносившимися в этом случае, содержится в сочинении католического священника Эрнандо Руиса де Аларкона под названием «Трактат о суевериях и языческих обычаях, которые поныне существуют среди индейцев, уроженцев Новой Испании» (1629)²⁵.

Что касается материальных проявлений богатства и обладания сильным благоприятным *tōnalli* среди науа, то, как и в древних обществах Старого Света, таковыми являлись: 1) обладание престижными и дорогими вещами; 2) возможность содержать лиц, находящихся в социальной зависимости от хозяина: рабов, кабанчиков, наложниц; 3) возможность осуществлять редистрибуцию материальных благ, устраивая периодические празднества для большого количества людей, во время которых демонстрировались богатство и щедрость хозяина. Остановимся более подробно на каждом из этих аспектов богатства с точки зрения науа.

В отношении роли престижных предметов как показателей богатства прежде всего нужно отметить, что доиспанское общество науа, при наличии весьма развитой торговли, хорошо организованных рынков и профессиональных торговцев *pōchtēcah*, не знало денег в современном понимании этого слова. Очень часто торговля на рынках осуществлялась путем бартера, т.е. простого обмена одних предметов на другие. Тем не менее, существовали категории предметов, являвшихся сами по себе ценностями, которые служили «деньгами», точнее меновыми единицами: бобы какао, стержни птичьих перьев, наполненных золотым песком, большие полотнища ткани, однотонные и украшенные рисунками или вышивками, а также одежда (илл. 4). Особенно часто при совершении сделок с недвижимостью, например,

куплей-продажей земель или строений, упоминаются *quachtli* – большие полотнища хлопчатобумажной материи, которые испанцы называли *mantas* – «одеяла» или *toldillos* – «занавеси». Например, в раннеколониальном источнике, известном как «Карта земель Остотикпака» (около 1540 г.), представляющем собой кадастр земель данной местности, напротив планов полей, купленных доном Карлосом Ометочтли, одним из младших сыновей последнего доиспанского правителя Тескоко Несауальпили, указано количество полотнищ, уплаченных за каждое из полей²⁶ (илл. 5). *Quachtli* широко использовались также при купле-продаже рабов. Например, на крупнейшем в Центральной Мексике рынке рабов в г. Аскопоалько за 40 *quachtli* можно было купить раба или рабыню без телесных изъянов, к тому же обученных пению и танцам²⁷. *Quachtli* ссужали в долг и оставляли в залог. Во время брачной церемонии невесте, как новой хозяйке дома, вручали 5 *quachtli*, поясняя, что с ними она должна отправиться на рынок и купить на них соль, красной перец, использовавшийся в качестве универсальной приправы к пище, и дрова²⁸. По этой причине ткацкое ремесло пользовалось у науа особым престижем. Каждая женщина, даже самая знатная, с детства училась ткать, чтобы обеспечить семье дополнительный доход²⁹.

Обладание такими престижными, дорогими и экзотическими вещами, как перья тропических птиц, драгоценные металлы (золото и серебро), полудрагоценные и поделочные камни (аметист, опал, бирюза, жадеит, янтарь, обсидиан) также было тесно связано с понятием *tōnalli*. Все эти предметы рассматривались науа как «горячие», т.е. наделенные той же исходящей от Солнца энергией, которая одушевляла людей при появлении на свет и определяла их характер и судьбу. Поэтому владеть и пользоваться ими могли только люди с хорошим *tōnalli*, прежде всего правители и знать, а также заслуженные воины, захватившие лично не менее 4 пленных. Науа верили, что, захватывая в плен врага, воин одновременно овладевает и его *tōnalli*, тем самым увеличивая свой собственный³⁰. Примечательно, что захватившие пленников воины науа всегда изображались держащими своих жертв за волосы на макушке – места входа *tōnalli* в тело человека при рождении (илл. 6). Вырванные с макушки пучки волос пленных воины науа хранили не только как трофеи, но и как предметы, увеличивавшие и поддерживавшие их *tōnalli*³¹. Вознаграждение

воина напрямую зависело от происхождения и социального статуса его пленника. Так, воин из Теночтитлана получал право носить губные украшения из янтаря и жадеита лишь за одного пленного из городов-государств – Атлишко или Уэшоцинко, жителей которых, преимущественно науа, в Теночтитлане воспринимали как равных себе и называли «братьями»³². Воин, взявший в плен даже 10 уастеков, представителей самой северной ветви языковой семьи майя, заселивших территории современных штатов Сан-Луис-де-Потоси и Веракрус, не мог рассчитывать на подобные награды³³. Науа считали уастеков «варварами», низшей по сравнению с ними породой людей, у которых не могло быть сильного *tōnalli*. Не могли пользоваться престижными и дорогими предметами и сами торговцы-*pōchtēca*, с большим трудом доставлявшие эти предметы из отдаленных от Центральной Мексики областей. Подобно тому как в построенной науа иерархии этносов «варвары»-уастеки считались низшей по сравнению с науа породой людей, сословие *pōchtēcah* стояло ступенькой ниже заслуженных воинов и наследственной знати *pipiltin*, что подчеркивалось введенными для них ограничениями в одежде и предписанными им правилами поведения. Исключение составляли лишь те случаи, когда верховный правитель в качестве поощрения наделял кого-нибудь из глав *pōchtēcah* правами и привилегиями наследственной знати.

Еще одним признаком богатства было наличие в домохозяйстве многочисленной челяди: слуг и наложниц, которые ежедневно получали пропитание из рук хозяина. Испанские хронисты не без изумления описывают огромные домохозяйства верховных правителей, насчитывавшие до нескольких тысяч человек. По утверждению конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо при дворе верховного правителя Тройственного союза, который часто и неверно называют «ацтекской империей», Мотекусомы Шокойоцина (более известного в европейской традиции как Монтесума Второй) помимо 200 человек его личной охраны состояло несколько тысяч прислужников, наложниц, ремесленников, занимавшихся изготовлением предметов роскоши, садовников, заботившихся о многочисленных садах правителя, лиц, приглядывавших за его личным зоопарком, включавшим почти все виды фауны Центральной Америки – от хищных зверей до рептилий, – а также певцов, танцоров и музыкантов, призванных развлекать Мотекусому и его гостей³⁴ (илл. 7). Подвластные ему правители также

располагали обслуживающим персоналом, выполнявшим различные функции – от охраны до увеселения своих хозяев, хотя и в меньшем масштабе. Все эти лица кормились за счет своих хозяев. Во дворце Мотекусомы ежедневно готовилось около тысячи порций различных блюд и более двух тысяч кувшинов какао – любимого напитка науа, являвшегося элитным и дорогим продуктом для всех, кто служил ему³⁵. Кроме того, заслуженные воины также получали право ежедневно столоваться во дворце правителя. Даже в домах состоятельных общинников были рабы, помогавшие хозяевам выполнять различные виды работ. Владение рабами в обществе науа было столь явным показателем материального достатка, что, по словам информаторов одного из самых выдающихся испанских хронистов Бернардино де Саагуна, люди, одурманенные грибами-галлюциногенами, в своих счастливых снах видели, что «они стали владельцами множества рабов»³⁶.

Наконец, как и в традиционных обществах Старого Света, одним из неотъемлемых признаков богатства, а также важным способом сохранения счастливого *tōnalli* и повышения социального статуса была возможность осуществлять постоянную редистрибуцию материальных благ путем их постоянного дарения, а также устройства празднеств, сопровождавшихся пирами, длившимися несколько суток. Подобные демонстрации щедрости со стороны правителей, знати и состоятельных торговцев не следует рассматривать лишь как выражение их доброй воли и свидетельство их хлебосольства. Это были установленные обычаями нормы поведения по отношению к нижестоящим и нуждающимся, средством обеспечения социальной стабильности и снятия напряжения, порожденного общественным и экономическим неравенством, особенно в кризисные моменты, например, во время стихийных бедствий, войны или голода. Верховные правители постоянно одаривали своих соседей и подданных одеждой, предметами утвари и рабами, устраивали периодические раздачи военной добычи, а в случае голода должны были снабжать нуждающихся продовольствием с собственных складов (илл. 8). Ценность и величина подарка зависели при этом не только от статуса владельца, но и от статуса одариваемого. Известно, что Мотекусума Шокойоцин пытался узнать, какое положение занимает каждый из воинов Кортеса, чтобы одаривать их соответственно их социальному статусу³⁷.

Очень часто подобные дарения совершались во время многодневных пиров, приуроченных к тому или иному религиозному празднику, военной победе, прибытию чужеземных послов или важному событию в жизни устроителя пиршества, например, рождению ребенка или вступлению в брак. Особенно интересен в этом отношении обычай, существовавший у торговцев-*pōchtēcah*, специализировавшихся на торговле с отдаленными от Центральной Мексики тропическими областями на побережье Тихого Океана, Мексиканского Залива и Теуантепекского перешейка. Каждый из торговцев, скопивший определенное состояние в результате нескольких лет удачных торговых экспедиций, должен был устроить пиршество, пригласив на него не только членов своей общины, но и знатных воинов³⁸. Во время пира происходила раздача подарков – различных товаров, которые он приобрел в дальних краях.

Если по истечении первых суток пиршества у хозяина еще оставались провизия и подарки, чтобы продолжить праздник на следующий день, это являлось предзнаменованием того, что ему суждено разбогатеть и в будущем устроить множество подобных пиршеств.

Таким образом, он повышал свой социальный статус и, со временем, мог стать одним из *pōchtēcatlahtoque* – глав торговой общины³⁹. Впрочем, благодаря устройению подобных пиршеств, очень напоминающих потлачи индейцев северо-западной части тихоокеанского побережья Северной Америки⁴⁰, можно было достичь власти не только в общине торговцев. В одной из хроник колониального периода, известной как «Анналы Куаутитлана» (около 1570–1573 гг.) упоминается, что незнатный по рождению, но очень состоятельный человек стал правителем довольно крупного государства Куаутитлан. Вопреки всем правилам наследования власти его выбрали сами жители – не только потому, что он прославился своими военными подвигами, но и потому, что он устраивал для них празднества четыре раза в год⁴¹.

Подводя итог, можно сказать, что у науа представления о богатстве, его происхождении и внешних проявлениях имели явные параллели с аналогичными представлениями в традиционных культурах многих народов Евразии, достигших стадии раннего государства или стоявших на пороге его возникновения.

¹ Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 128.

² Wimmer A. Dictionnaire de la langue nahuatl classique. 2006. URL: <http://sites.estvideo.net/malinal/nahuatl.page.html> (дата обращения 26.04.2015)

³ Simeon R. Diccionario de la lengua náhuatl o mexicana. México: Siglo Veintiuno, 1999. – P. 716.

⁴ Pérez Rocha E., Tena R. La nobleza indígena del centro de México después de la Conquista. México: IANH, 2002. – P. 390.

⁵ *Ibid.* – P. 384.

⁶ Evans S.T. Ancient Mexico and Central America: Archeology and Cultural History. – London: Thames & Hudson, 2013. – P. 194.

⁷ *Ibid.*

⁸ Motolinia T.B. Memoriales: Libro de Oro. – México: El colegio de México, 1996. – P. 164.

⁹ Sahagún B. El Códice Florentino. Historia general de las cosas de la Nueva España. – Vol. 1. – México: Fondo de la Cultura Económica, 1979–1981. – Lib. 4. f. 1v–2r.

¹⁰ Quiciones Kroeber E. Codex Telleriano-Remensis: Ritual, Divination and History in a Pictorial Aztec Manuscript. – Austin: University of Texas Press, 1995. – P. 26.

¹¹ Sahagún B. *Op. cit.* – Lib. 4, f. 9 r/v – 10 r.

¹² *Ibid.* – f. 10 v – 11 r.

¹³ Simeon R. *Op. cit.* – Pp. 325, 326.

¹⁴ Топоров В. Н. Фарн // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 569.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Longman Dictionary of Contemporary English. Director Della Summers. – Harlow: Pearson Education Limited, 2005. – P. 635.

¹⁷ Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы / Отв. ред. Грацианская Н.Н., Кожановский А.М. – М.: Наука, 1997. – С. 36, 168, 188, 200, 229, 230, 274, 275, 313, 355, 356, 392, 412, 429, 434;

Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М.: Издательство «Индрик», 2007. С. 234, 277, 284; О народах Южной Сибири и Центральной Азии – Т.Ю. Сем, личное сообщение.

¹⁸ Sahagún B. *Op. cit.*

¹⁹ Sahagún B. General History of the Things of New Spain (Florentine Codex). – Santa Fe: University of Utah Press, 1950–1982. – Part. 7. – P. 203.

²⁰ Wimmer A. *Op. cit.*

²¹ Sahagún B. *Op. cit.* – f. 6 v.

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.*

²⁴ Chimapahin D.F. Las ocho relaciones y el Memorial de Colhuacan. – México: CONACULTA, 2003. – Vol. 2. – P. 317.

²⁵ Ruíz de Alarcón H. Tratado de supersticiones, hechicerías y otras costumbres gentílicas que hoy viven entre los indios de esta Nueva España. <http://www.biblioteca.org.ar/libros/89972.pdf> 2003 (дата обращения 26.04.2015).

²⁶ Cline H. The Oztoticpac Lands Map of Texcoco. 1540 // Reprinted from the April 1966 issue of the Quarterly Journal of the Library of Congress. – 1966. – V. 23:76–115 (April). P. 22.

²⁷ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 35 v.

²⁸ *Ibid.* – Lib. 6. f. 143 r.

²⁹ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. Lib. 8, f. 31 v.

³⁰ McKeever Furst J.L. The Natural History of the Soul in Ancient Mexico. – New Haven and London: Yale University Press, 1995. – P. 127.

³¹ *Ibid.* – P. 126.

³² Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 8, f. 33 v; Alvarado Tezozomoc F. Crónica Mexicana. – Madrid: Dastin Historia, 2001. – P. 420.

³³ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 8, f. 56 v.

³⁴ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la Nueva España. Barcelona: Biblioteca Sopena, 1975. – Pp. 286–288.

³⁵ *Ibid.* – P. 288.

³⁶ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 31 v.

³⁷ Díaz del Castillo B. *Op. cit.* – P. 283.

³⁸ Sahagún B. *Op. cit.* – Vol. 2. – Lib. 9, f. 27 r.

³⁹ *Ibid.* – f. 33 v.

⁴⁰ Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974. – С.159–168.

⁴¹ Bierhorst J. History and Mythology of the Aztecs. The Codex Chimalpopoca. – London, Tucson: University of Arizona Press, 1992. – Vol. 1. – P. 41.

МУЗЕЙНЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

УДК 39

Электронный библиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея»: информационный ресурс нового поколения

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья посвящена изложению опыта и методики создания электронных баз данных по коллекциям и собирателям Российского этнографического музея в контексте современных задач и проблем информатизации, интернет-технологий, этнографического музееведения и историографии этнологии. Электронный библиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея» анализируется как информационный ресурс нового поколения, свидетельствующий о перспективах обновления ряда традиционных направлений и видов музейной деятельности, формирования современного информационного пространства гуманитарного знания.

Ключевые слова: информатизация, интернет-технологии, этнографический музей, электронные базы данных, библиографический словарь, историография, источниковедение, персональная история, модель сотрудничества.

UDC 39

Electronic Biobibliographical Dictionary “The Collectors of the Russian Museum of Ethnography”: A New Generation Information Resource

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Head, Department of Ethnography of North-Western Russia and Baltic Regions
e-mail: olga_fishman@mail.ru

The paper gives an account of the experience and methods for creating electronic databases of collections and collectors of the Russian Museum of Ethnography in the context of modern tasks and problems of informational support, internet technologies, ethnographic museology and historiography of ethnology. The electronic biobibliographical dictionary “The Collectors of the Russian Museum of Ethnography” is analysed as a new generation information resource that reveals the prospects for updating the whole range of traditional types of museum activity, as well as the formation of the modern information space for humanitarian studies.

Key words: information support, internet technologies, Museum of Ethnography, electronic databases, biobibliographical dictionary, historiography, source studies, personal history, model of cooperation.

В последние десятилетия XX в. социокультурная функция музея в России как института социальной памяти и пространства интеллектуальной деятельности существенно преобразовалась в связи с активным формированием современной информационной среды. Обновлению всех направлений и видов музейной деятельности во многом способствовали и те возможности, которые предоставляют новые информационные технологии¹.

Эти общие процессы, по мнению известного эксперта по информатизации в сфере этнологии и культурной антропологии Т.Б. Уваровой, заметным образом сказались на появлении в современном науковедении (включая и историографию той или иной дисциплины, той или иной научной школы, той или иной институции) информационного подхода, связанного с исследованиями именно информационных характеристик научной деятельности любого типа. Тем самым все результаты социогуманитарной практики можно рассматривать «как информационное пространство или совокупность информационных ресурсов, создаваемых и востребованных научным сообществом»². Для музеев таковыми с 1990-х гг. выступают и конкретные виды электронных, в том числе интернет-ресурсов (прежде всего сайты музеев), наряду с традиционными историко-научными жанрами: каталогами, альбомами коллекционных собраний и выставок, сборниками материалов научных конференций, аналитическими, методическими и научно-популярными изданиями по истории музея и его собирателей, музееведению и памятниковедению.

Разнообразные электронные ресурсы по российской этнологии, впервые опубликованные в материалах секции «Компьютерные технологии в этнографии и антропологии: мультимедиа, web, базы данных» VI Конгресса этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 2005 г.)³, продемонстрировали, что «информационные системы перестали быть только вспомогательным инструментом сбора, систематизации, хранения, обработки и поиска необходимых данных и приобрели самостоятельную аналитическую роль в осуществлении мониторинга развития и оперативного информационного обеспечения современной науки»⁴.

Российский этнографический музей наряду с ИЭ РАН и МАЭ РАН оказался в лидерах этого процесса⁵. В 1997 г. отдел этнографического музееведения РЭМ (завотделом Н.И. Ивановская) совместно с Междисциплинарным центром дополнительного профессионального образования СПбГУ (впоследствии кафедрой Информационных систем в искусстве и гумани-

тарных науках Санкт-Петербургского государственного университета) приступил к работе по созданию баз данных этнографических материалов и размещению их в Интернет для открытого доступа.

Первый ресурс был реализован в 1999 г. в виде базы данных «Этнографическая деятельность музеев России» (грант РГНФ № 97-0-12023в). В ней на основании ответов на разосланные вопросники были обобщены сведения об этнографических коллекциях по 71 народу в 60 этнографических и краеведческих музеях различных регионов⁶. Данная информационная система ориентирована на поиск музеев с не выделенными этнографическими фондами, однако имеющими в своих собраниях предметы, относящиеся к определенной этнической культуре или же этнографической теме.

Изначально эта, как и последующие базы данных (далее – БД) были рассчитаны, в первую очередь, на специалистов, в отличие от большинства ресурсов, представленных в Интернет различными музеями, строились (и продолжают строиться) на основе научной классификации имеющихся материалов. Что способствовало тому и какой сегмент информатизации стал ведущим для коллектива научных сотрудников РЭМ?

Отвечая на эти вопросы, прежде всего подчеркнем, что обладая крупнейшим собранием памятников традиционной культуры народов России и сопредельных стран, музей накопил большой опыт в научной систематизации и атрибуции различных категорий предметов. Обобщением этой многолетней работы в области этнографического источниковедения и музееведения являются признанные отечественным профессиональным сообществом коллективное пособие «Атрибуция музейного памятника» и словарь-тезаурус «Система научного описания музейного предмета»⁷. В результате в учетно-хранительскую практику РЭМ введен единый стандарт описания музейных экспонатов в виде электронных научных паспортов⁸. Благодаря наличию стандартизированных и адаптируемых систем описания этнографических и близких им по характеристикам памятников и коллекций, сотрудники отдела этнографии Северо-Запада и Поволжья⁹ смогли приступить к разработке и созданию БД по финно-угорским, германским, балтским и тюркским (Поволжье) коллекциям.

Этому предшествовала длительная, весьма продуктивная научно-исследовательская работа, продолжающаяся и в настоящее время, по нескольким взаимодополняющим программам и издательским проектам в области региональной этнографии, а также этнографического

источниковедения и историографии. В их числе «Этническая история, источники, историография»; «Исследователи Северо-Запада, Прибалтики и Волго-Камья: личность в изучении этнографии».

Актуализации подобного рода исследований в последние десятилетия во многом способствовала необходимость пересмотра устаревших представлений о взаимоотношениях музея, общества, науки и личности. В числе основных целевых установок названных программ: углубленное изучение истории собирательской деятельности РЭМ по региональной этнографии; источниковедческая работа в архивах Санкт-Петербурга по воссозданию биографий ученых, сотрудников музея, корреспондентов, собирателей коллекций, внесших значительный вклад в этнографическую науку, в становление и развитие музея и отечественного музееведения, формирование музейных этнографических коллекций; научная атрибуция вещественных, фото- и иллюстративных памятников и полноценная оценка музейного фонда как эксклюзивного историко-культурного источника в области северно-европейского культурного наследия и как итог – включение его в современное информационное и исследовательское пространство, определение роли и места в системе этнокультурных знаний¹⁰. В настоящее время музейное собрание по этнографии прибалтийско-финских народов (саамы, финны-суоми, ливы, карелы, ингерманландские финны, вепсы, ижора, водь), финно-угров Волго-Камья (коми, удмурты, мордва, марийцы) и тюрков Поволжья (татары, башкиры, чуваша), балтских (литовцы, латыши) и германских (шведы, норвежцы, датчане, немцы) народов представляет исключительный по своей историко-культурной значимости фонд памятников традиционно-бытовой культуры (более 35 тыс. экспонатов); во многом оно не имеет аналогов в других музеях РФ. Однако информация об этих коллекциях до сих пор была известна только ограниченному кругу специалистов. Между тем, их значение как научного источника и интегрирующего фактора в междисциплинарных и межотраслевых исследованиях трудно переоценить.

В течение 2000–2005 гг. при финансовой поддержке фондов Института «Открытое общество», РФФИ и РГНФ были разработаны и созданы следующие БД: «Финно-угорские коллекции РЭМ» (Северо-Запад и Поволжье), «Коллекции РЭМ по балтским (Юго-Восточная Прибалтика), германским и тюркоязычным народам (Поволжье)». В настоящее время эти специализированные базы данных содержат около 10 тыс. записей (внесено 206 коллекций, 4744 предмета,

544 фотографии экспонатов финно-угорского фонда; 91 коллекция, 1729 предметов и 56 фотографий тюркского фонда; 27 коллекций, 278 предметов, 160 фотографий балтского и германско-скандинавского фонда). В процессе использования этих БД была выявлена необходимость расширения параметров описания и изменения формы представления данных, что, в свою очередь, привело к переработке структуры самих коллекционных баз. Научная классификация конкретной коллекции содержит не только более подробную информацию, по сравнению с первым опытом создания базы данных «Этнографическая деятельность музеев России», но и включает данные о народе, локальной группе, времени, месте сбора, обозначенных, в том числе на электронной карте и фондообразователе, тематическому и количественному признакам. Более того, каждый предмет описан по материалу, технике изготовления и обработки, включая отдельные детали, на основании уже названных выше единых стандартов описания, предусмотрен и просмотр его изображения. К слову сказать, именно этими характеристиками БД РЭМ существенно отличаются от формальных и зачастую не полных описаний экспонатов в интернет-ресурсах Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Музея природы и человека в Ханты-Мансийске, музеев Ленинградской области¹¹.

Система обеспечивает пополнение и редактирование базы через интерфейс ввода, включающий вспомогательные классификаторы. Публикуемая в Интернет сводная база реализована в СУБД ORACLE и обеспечивает доступ к данным через веб-интерфейс с возможностью отбора предметов коллекций по народу, этнографической тематике, материалу и технике изготовления предмета. Обслуживание запросов осуществляется через CGI-интерфейс.

Таким образом, обратившись к базе данных, можно получить информацию по истории формирования фонда, составить представление о тематической разносторонности и технологических особенностях памятников, характеризующих многообразие этнокультурной традиции балтов, финно-угров и тюрков¹².

В ходе последующей модернизации структуры этих БД была создана унифицированная методика систематизации и представления информации о музейных памятниках в Интернете, которая может быть предложена музеям и информационным центрам различного профиля¹³. Оценивая потенциал данного ресурса, авторы проекта полагают, что его модель вполне применима для формирования сводного элек-

тронного каталога с условным названием «Регионалистика и этнографическое памятниковедение в сети Интернет: от Балтики до Урала» по аналогичным региональным коллекциям музеев России и зарубежья (Финляндия, Эстония, Венгрия, Норвегия, Швеция, Литва и Латвия). Подобный информационный ресурс может иметь широкий спектр использования в научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и образовательной деятельности, способствовать развитию коммуникационной среды в сети Интернет. Однако в настоящее время главная проблема этих музейных БД (как в прочем и большинства других) заключается в необходимости постоянного финансирования его технологической поддержки. При отсутствии таковой базы доступны для пользователей сети, но не могут пополняться новой информацией. К сожалению, такова ситуация на сегодняшний день, при том что работа продолжается. Выполнено описание экспонатов значительной части литовского, латышского, саамского, сету, эстонского и всего германского фондов; оцифровано около 3 тыс. предметов, полностью отсканированы архивные материалы И.Ф. Тюменева по народам Прибалтики, рисунки Р. Габе по ижоре, води, а также коллекции акварелей и карандашных зарисовок И.А. Гальнбека по эстонской культуре.

Закономерным продолжением работы в контексте современной проблемы развития информационного пространства стал и проект «Электронный этнографический биобиблиографический словарь» (2005–2007) о собирателях коллекций РЭМ по этнографии Северо-Запада и Волго-Камья, выполненный, как и предшествовавшие БД, при поддержке РГНФ (№ 05-01-12114в) совместно с кафедрой информационных систем в искусстве и гуманитарных науках СПбГУ. Эта БД в отличие от коллекционных БД пополняется и в настоящее время.

Прежде всего, авторами проекта был проанализирован имеющийся опыт создания электронных баз данных по персоналиям в этнологии, фольклористике, источниковедении и историографии. В настоящее время в отечественной этнографии существует устойчивый интерес к созданию различного рода работ биографического и библиографического характера – очерков, монографий, справочников, сводов библиографических трудов тех или иных исследователей. Издано немало книг, рассказывающих о жизненном пути и научном наследии выдающихся ученых, во многом определивших направления развития этнологии и антропологии в нашей стране в XX в.¹⁴ Электронные БД, начиная с 1990-х гг., традиционно создаются

ведущими библиотеками, архивами, ИЭ РАН, МАЭ РАН, региональными академическими институтами¹⁵.

Преобладающее большинство современных изданий посвящено советским ученым, многие из которых были репрессированы в 1920–1930-е гг.¹⁶. Определенным итогом развития этого жанра стали коллективные труды «Репрессированные этнографы» и «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в.»¹⁷. По словам составителя и редактора названных монографий Д.Д. Тумаркина одной из основных задач было «осознание преемственности в истории» отечественной этнографии и антропологии XX в., выработка научно обоснованного подхода к наследию ученых, творивших в советскую эпоху¹⁸. Характерной особенностью этих исследований является их широкая источниковая база: помимо опубликованных трудов, в них используются архивные документы, периодика, материалы, хранящиеся у родственников ученых, личные воспоминания. Одним из самых известных исследователей научных биографий А.М. Решетовым был собран и обобщен объемный фактологический материал по истории российской этнографии¹⁹, предложены методические приемы по составлению библиографического словаря отечественных этнографов²⁰.

Отражение этой тенденции наблюдается и в Интернете, где существовали или же продолжают существовать несколько аналогичных словарей/справочников: веб-сайт «Фольклор и фольклористы России» (к сожалению, не обновляется с 2006 г.); «Российские этнографы-сибиряки второй половины XX века: библиографический словарь» (включает сведения о 12 современных исследователях) и «Молодые культурологи и этнографы» (70 персон), размещенные на сайте кафедры этнографии и музееведения Омского госуниверситета²¹. Создатели этих банков данных надеются в ближайшее время расширить первый из них, целью же второго является поиск научных партнеров и потенциальных работодателей. Данные об исследователях в них формализованы и соответствуют общепринятым для большинства сайтов академических, учебных, архивных, музейных, библиотечных и др. учреждений.

Известно, что существенный вклад в развитие отечественной этнографической науки, исторического источниковедения и музееведения внесло значительное число людей, принимавших участие в создании и сохранении музейного фонда России. Многие из них стояли у истоков формирования собирательской и исследовательской идеологии своего времени.

Весьма репрезентативны в этом отношении этнографические коллекции Российского этнографического музея²². В их комплектовании принимали участие не только известные ученые (этнографы, языковеды, фольклористы, археологи, историки), но и представители широких кругов общественности – люди различного социального статуса, образования, национальности, конфессиональной принадлежности, возраста, характера, с различной мотивацией этнографических исследований и сбора коллекций. Несмотря на то, что все они работали под руководством сотрудников ЭО по одной программе и методике, их коллекционные сборы, во многом отражая этническую и социокультурную реальность, являются результатом, зачастую, субъективных подходов к собственной собирательской деятельности²³. Так, например, избирательность интересов к тем или иным категориям памятников народной культуры была всегда типична для антикваров/коллекционеров, т.н. любителей старины.

В формировании уникального собрания РЭМ по финно-угорским, тюркским и балтским народам участвовало более 100 собирателей. Среди них, наряду с известнейшими российскими учеными-этнографами, такими как Н.М. Могилянский, А.К. Сержпутовский, Е.А. Ляцкий, Э.А. Вольтер, А.Н. и Н.Н. Харузины, Н.А. Янчук, Д.А. Золотарев, В.В. Чернолуцкий, Т.А. Крюкова, Г.С. Маслова и многие др., были и не менее маститые представители национальной интеллигенции, например, профессора Казанского университета И.Н. Смирнов, Хельсинского – У.Т. Сирелиус; аристократии и чиновничества (А.М. Раевская, Е.П. Тышкевич, В.П. Шабельская, В.А. Черкасский, О.О. Визель), студенчества (С.И. Сергель, С.И. Руденко, Д.Т. Янович, П.П. Ефименко, Л.Л. Капица – в первое десятилетие XX в. студенты Санкт-Петербургского университета, а впоследствии известные специалисты и собиратели), сельские учителя (А.А. Киселев, В.В. Лескова), художники (И.Я. Билибин, Р. Зарриньш, В.А. Плотников, И.А. Гальнбек), представители духовенства (И. Жиогас) и широких кругов общественности.

Судьбы одних из них достаточно известны, других мало изучены в силу самых различных обстоятельств. Учитывая это, авторы проекта поставили задачу восстановления творческих и личных биографий тех, кто на протяжении конца XIX – начала XXI в. был связан с музейным поприщем и способствовал комплексному формированию источниковой базы этнографической науки.

Для решения этой задачи осуществлялась систематизация имеющихся и поиск новых дан-

ных, которые легли в основу общедоступной электронной БД «Этнографический биобиблиографический словарь». Разработка такой системы вполне вписывается в проблематику современных историко-биографических исследований отечественной гуманитарной науки, в центре которых – «личность и творчество»/«этнология в лицах», а также информатизации.

К сожалению, даже в крупнейших исторических и историко-художественных музеях РФ не существуют полнотекстовые специализированные БД по собирателям, отсутствует и универсальная методика создания БД персоналий. Это обусловлено не только сложностью и новизной такой работы, значительными временными и финансовыми затратами для осуществления исследований по поиску и анализу необходимых документальных (архивных) материалов. Другая причина состоит в том, что в последние годы приоритетной задачей для музеев является массовая и весьма трудоемкая оцифровка памятников для построения государственного электронного каталога Музейного фонда РФ как средства для хранения и управления музейными информационными ресурсами²⁴.

Разработанная участниками проекта унифицированная структура БД электронного биобиблиографического словаря включает многоаспектную структурированную информацию о конкретных исследователях и собирателях этнографических коллекций по народам Северо-Запада и Волго-Камья. Однако проектирование системы осуществлялось с учетом ее предполагаемого расширения/модернизации до электронного биобиблиографического справочника РЭМ и последующего совмещения с другими информационными ресурсами подобного типа в области этнографии и смежных науках.

Итак, структура БД состоит из следующей последовательности информации:

- фамилия, имя, отчество (с указанием изменений фамилий и псевдонимов);
- годы жизни – точная дата (число, месяц, год) и место рождения; точная дата смерти и место захоронения (по старому и новому административно-территориальному делению);
- биографическая справка (сведения о родителях, месте и времени получения образования, роде занятий, периодах основной работы, дополнительных фактах биографии); основное внимание уделяется характеристике важнейших направлений профессиональной, педагогической, государственной и общественной деятельности;
- участие в научных экспедициях (название экспедиции, регион, задачи экспедиции);

- сфера научных интересов (тема, время и место защиты кандидатской и докторской диссертаций, участие в научных обществах и т.п.);
- краткое описание собранных коллекций;
- список основных публикаций;
- библиография о жизни и деятельности;
- архивные материалы (фрагменты полевых дневников и отчетов, рисунки и фотографии);
- фотографии нескольких экспонатов из собранных коллекций.

Для подготовки биографических справок используются материалы архивов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива Института истории материальной культуры РАН, ИРЛИ РАН, МАЭ РАН, Архива СПбГУ, архивных собраний Государственного Русского музея, Российского этнографического музея, Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Академии художеств), Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица и др. Биографическая и фактографическая информация дополняются персональными, зачастую уникальными фотографиями (отмечу, что их поиск осуществлялся и в семейных архивах, например, Гальнбеков, Сергеля, Капицы, Габе, Никитина-Крюковой), а также рисунками и фотоснимками, выполненными в экспедициях; кроме того, они дополнены фотографиями наиболее интересных экспонатов и копиями архивных документов, которые дают представление о характере и обстоятельствах собирательской деятельности. Так как библиографическая БД связана с БД коллекций по ключевому признаку «собиратель», через WEB-интерфейс возможно автоматическое извлечение информации о материалах, собранных конкретным исследователем. Эти сводные данные включают ссылки на коллекции, их тематическое содержание, период сбора, количество предметов, народы и регионы.

Поиск в электронном этнографическом биобиблиографическом словаре организован по следующим позициям:

- по фамилии;
- по этносам, которые исследовались в ходе экспедиций и представлены в материалах собранных коллекций;
- по регионам, где проводились исследования и сбор коллекций.

На 2014 г. для занесения в базу отобрана 121 персон, взамен планировавшихся ранее 100. Из них пользователям доступны сведения о 104 собирателях. Представлены 81 личная фотография (по данным на 16.08.2013 г.), 28 архивных материалов: рисунки, фотокопии текстов (на

01.01.2010 г.), 358 номеров коллекционных памятников: экспонаты и фото (на 26.10.2010 г.). Внесено в соответствующие разделы более 400 авторских публикаций (на 15.06.2014 г.) и 270 библиографических (на 15.06.2014 г.).

Одной из характеристик настоящего интернет-ресурса является также наличие функций «счетчик» и «редакция», автоматически отражающих актуальность изменений информации по количеству внесенных данных и дате их редактирования. Подобные функции отнюдь не всегда присутствуют на различных, в том числе музейных сайтах.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что «Электронный биобиблиографический словарь: Собиратели РЭМ» вполне соответствует существующей общепринятой структуре биобиблиографических БД и относится к т.н. межотраслевым и проблемно-ориентированным (или проблемно-тематическим), т.к. предназначен для использования ее специалистами различных гуманитарных направлений. Актуальность БД состоит и в том, что она является инструментом современного библиографического дискурса, позволяющим устанавливать связи и реализовывать информационный взаимобмен в различных отраслях гуманитарного историографического знания²⁵.

Важными признаками, подтверждающими проблемный статус проекта, следует считать и то, что сведения о собирателях РЭМ были получены в ходе исследования широкого круга самых разнообразных источников (помимо архивов, библиографические справочники, научная литература, краеведческие издания, интернет-ресурсы). Поскольку биобиблиографическая БД объединяет в себе биографические сведения о том или ином собирателе с данными о его профессиональной деятельности, наряду с указанными выше типами источников просматривались и такие, как библиографическая информация об архивных и опубликованных работах того или иного из них, некрологи, словари портретов, каталоги персональных и коллективных выставок художников, мастеров народного и прикладного искусства и т.п., а также родословные книги в электронных базах данных персоналий и персональные сайты в Интернете. Особенностью БД является включение в нее и современных музейных специалистов, народных мастеров, чьи коллекции поступают в РЭМ и ныне.

По мнению коллектива исполнителей, особую ценность электронному словарю придает то, что он консолидирован с коллекционными базами данных по финно-угорскому, балтскому, германско-скандинавскому и тюркскому собраниям РЭМ и вся их совокупность инкорпориро-

вана в информационную систему «Этнография народов России» (www.ethnology.ru), где и представлена в разделе «Этнографическая деятельность и коллекции музеев России». Этот веб-сайт был создан в сотрудничестве РЭМ с кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ и функционирует на технологической базе Санкт-Петербургского университета. Следует подчеркнуть, что опубликованный интернет-сайт является прежде всего информационно-поисковой системой. В связи с этим еще на стадии подготовки прорабатывались содержание и связи всех ее уникальных сегментов: «Этнонациональные общности России (электронная библиотека)», «Этнографическая деятельность и коллекции музеев России», «Ресурсы в Интернет по теме “Этнография”» и «Публикации по этнографии»²⁶.

По замыслу разработчиков системы их объединение предоставляет пользователю емкие знания по этнографии народов России, сведения об основных направлениях и результатах научных исследований, важных музейных источниках и тем самым способствует информационному обеспечению различных изысканий. Согласно интернет-ресурсу «Яндекс каталог» в рубрике «Этнография и история народов»²⁷, включающей 100 сайтов, названный сайт занимает первое место на протяжении нескольких лет, его индекс цитирования составляет на начало 2014 г. 1100 ссылок.

Ресурс можно рассматривать и как пример профессиональной кооперации в поисках объединения научных знаний и формирования новых идей при создании крупных обобщенных информационных проектов. Из известных аналогов отмечу электронный «Этнографический атлас народов России», разрабатываемый как часть известного международного информационного ресурса «Этнографический атлас» Дж.П. Мердока, обобщенные порталы по этнографии, фольклору, мифологии, религии народов РФ и мира, региональные БД памятников деревянного культового и крестьянского зодчества (Карелия, Русский Север), народного орнамента, топонимики (адреса этих сайтов можно найти в том числе и в «Яндекс-каталоге»).

Предполагалось, что результаты реализации проекта «Электронный биобиблиографический словарь: Собиратели РЭМ» будут использоваться как научными, так и образовательными, общественными и др. организациями, работающими в сфере этнографии, истории, культурологии, социологии, а также всеми заинтересованными лицами. Наши предположения отчасти подтвердились.

Прежде всего отмечу, что востребованными оказались документированные биографические сведения о судьбах исследователей 1920–1930-х гг.: В.А. Егорова, М.Ю. Пальвадре, Г.А. Пидотти, С.Г. Грининой, А.С. Тигонен, Я.Я. Ленсу, Е.Р. Лепер и др. Ссылки на наш интернет-ресурс приводятся в научной и краеведческой литературе, посвященной деятельности Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН), Института по изучению народов СССР (ИПИИ), национальных и краеведческих организаций первой трети XX в., многие участники которых были репрессированы, а коллекции переданы, в том числе и в Государственный музей этнографии (ныне РЭМ).

Так как при написании биографических справок об известных персонах XIX – начала XX в. – видных представителях науки, культуры, дипломатах – авторы проекта делали акцент на описании их собирательской деятельности для Этнографического отдела, этот аспект их многогранной деятельности оказался не известен для многих историографов и библиографов. В качестве иллюстрации сошлюсь на биографию Рихарда Зарриньша, известного российского и латвийского художника, графика, популяризатора латышского народного искусства, автора денежных знаков Российской империи и Латвии. В 1910–1911 гг. он сотрудничал с ЭО по приобретению памятников латышской народной культуры и стал основоположником музейного фонда по этнографии латышей. Эти сведения были использованы сотрудниками Латвийского художественного музея (г. Рига) при подготовке выставки к 100-летию со дня рождения Р. Зарриньша. Благодаря представленной в Интернет информации, финские этнографы впервые узнали неизвестные им факты о сотрудничестве ЭО и У.Т. Сирелиуса, профессора Хельсинского университета, основоположника т.н. «старой школы» финляндской этнографии по сбору памятников финской традиционной культуры, хранящихся и экспонируемых ныне в РЭМ. Более того это стало открытием и для наших коллег финно-угроведов из Сыктывкара и Ижевска. В числе других примеров назову личность Д.Т. Яновича, который до недавнего времени воспринимался лишь как один из основателей фонда памятников по коми этнографии в Республике Коми, в то время как начало его профессиональной деятельности было в течение ряда лет связано с плодотворным изучением карельской и русской этнографии (см. прил.).

Оригинальная информация об этих и других собирателях РЭМ (О.О. Визель, Э.А. Вольтер, С.И. Руденко, И.Я. Билибин, И.К. Зеленев,

Д.А. Золотарев) используется и в постоянно обновляемой Википедии, сайтах «Культура Ленинградской области», «Кольская энциклопедия», ряде электронных генеалогических и библиографических словарей.

В настоящее время пользователями информационной системы «Этнография народов России» и конкретно музейных БД (об этом свидетельствует опция «счетчик пользователей») являются не только работники этнографических и краеведческих музеев, сотрудники исследовательских институтов и высшей школы гуманитарного профиля, члены национально-культурных обществ, общественных и религиозных организаций. Об этом свидетельствует включение ее в список рекомендуемого информационного электронного средства поддержки и развития образовательного процесса для учащихся средней школы по таким актуальным темам, как «Культура межнационального общения как фактор сохранения мира, неприятия терроризма и экстремизма», «Оптимизация культуры межнационального общения как фактор противодействия терроризму»²⁸. Информационный ресурс входит и в каталог «Единое окно доступа к образовательным ресурсам»²⁹. Ссылки на www.ethnology.ru/bib/bib/bib.php встречаются в Интернете в самых, казалось бы, неожиданных материалах. Например, как источник для правильных ответов при проведении чемпионата «Знатокиада – 2009» (Всемирные игры знатоков) (Эйлат, Израиль)³⁰.

О расширении же возможностей использования БД «Собиратели» внутри музея можно судить по изменению традиционной тематики выставок в конце 1990-х гг. В отделе этнографии Северо-Запада и Прибалтики сформировался одноименный цикл выставок, процесс подготовки и создания которых (включая и, как правило, затратное по времени составление списков экспонатов) значительно ускорился благодаря уже существующим в электронном виде готовым текстам (справки о собирателях, библиографические отсылки, описания тематики коллекций и памятников) и иллюстративным материалам. Среди выставок этого цикла «Петербург и финская наука: контакты и импульсы» (2009, Хельсинки, Лаппеенранта, Иматра, Петербург), посвященная 200-летию формирования государственности Финляндии. Материалы выставки и созданный видеофильм познакомили с малоизвестными фактами из истории контактов финских и петербургских ученых конца XIX – начала XX в. К юбилейным датам были оперативно выполнены четыре фотовыставки: «На переломе эпох. К 125-летию со дня рождения Давида Алексеевича Золотарева

(совместно с отделом русской этнографии)», «К 130-летию Н.И. Репникова (1882–1940)», «Финно-угорский мир в фотографиях Л.Л. Капицы (к 120-летию со дня рождения)», а также «Я пробрался в глубь неизвестных стран...» (фотографии С.И. Сергеля по этнографии коми и саамов), «Саамский триптих» к Международному дню саамов (фотографии В.А. Плотникова, С.И. Сергеля, Л.Л. Капицы).

О взаимодополняющей эффективности комплексных программ в области региональной этнографии, этнографического источниковедения и историографии, информатизации и экспонирования культурного наследия убедительно свидетельствуют результаты нескольких значительных международных издательско-выставочных проектов. Прежде всего – это альбом-каталог «Старая Литва» (2009), в котором сотрудниками отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики РЭМ и Литовского национального музея опубликованы биобиблиографические сведения о неизвестных в российской историографии персонах, но значительных для литовской и польской истории культуры и науки: К.С.Э. Гизевиусе, Ц.А. Гедройце, Ю. Жиогасе, И. Кончюсе, таких фотографах как Н. Околов, А. Страусс/Страус, Бржозовский. Информация о них отражена теперь и в БД «Собиратели». Исследовательский проект «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии», инициированный М.Л. Засецкой, преобразовался в совместный с Эстонским национальным музеем (г. Тарту) выставочный. Его особенностью является электронный каталог вещественных памятников и архивных рисунков Гальнбека, полевых фотографий, выполненных в 2010 г. во время экспедиции М.Л. Засецкой и С.П. Ыйнапуу на о-в Сааремаа.

Отмечу еще одно преимущество работы с музейной базой данных, ставшее очевидным при подготовке каталогов и буклетов всех перечисленных выставок, как и последующих общемузейных «Беларусь и ее соседи» (Минск, 2014), «Собиратели Российского этнографического музея» (СПб., РЭМ, 2014). Наличие в БД всех необходимых данных существенно ускоряет процесс их подбора и вывода в виде необходимых документов (иллюстрации, тексты) для последующей подготовки тех или иных полиграфических изданий.

В итоге следует констатировать, что работа по созданию электронной базы данных собирателей оказалась в русле актуальных науковедческих направлений по информатизации, музеологии, историографии, персональной истории. Все большее признание получает подход, рассматривающий развитие научной мысли в кон-

тексте широкого комплекса интеллектуальных и социально-политических факторов³¹. В частности, можно назвать предложенный в диссертации Л.Б. Степановой новый концепт – «интеллектуальный ландшафт музейного собирательства», основанный на теоретических разработках по культурно-интеллектуальной истории Л.П. Репиной³². Автор понимает под этим «совокупность людей, научно-исследовательских учреждений и обществ, вовлеченных в процесс музейного собирательства, разработанных ими собирательских и этнографических программ, характеризующих область музейной деятельности. Это расширяет пространство музейных исследований, предоставляя возможность для понимания научных теорий, объединивших людей в этнографической науке и выразивших их в сборе соответствующих коллекций»³³. Более того, рассматривая собирательство музейных коллекций как форму интеллектуальной деятельности, можно перейти к изучению интеллектуальных традиций музейного сообщества (в том числе и по собиранию памятников этнической культуры), преемственности и реконструкции идей, заложенных «отцами основателями», их современном восприятии, селекции, реформатировании и др.³⁴. Именно это позволит понять и внутренние механизмы отбора и личных предпочтений тех или иных собирателей прошлого и настоящего, дать по возможности объективную оценку их вклада в комплектование музейного фонда, методологию этнографических исследований³⁵.

Воссозданию персонифицированного контекста музейного собирательства безусловно будут способствовать обнаружение и публикация (в том числе и в виде соответствующих БД) новых биографических данных о музейных деятелях, корреспондентах, коллекционерах. Неслучайно многолетняя работа над Словарем продолжилась для участников этого проекта (Н.И. Ивановская, Л.В. Королькова, М.Л. Засецкая, Н.Н. Русанова, О.М. Фишман, А.А. Чувью-

ров) в серьезных историографических и источниковедческих публикациях. Достаточно назвать совместную монографию Н.И. Ивановской и А.А. Чувьюрова «Сергей Иванович Сергель. Этнограф и путешественник» и привести список более 30 статей, в которых восстановлены серьезные лакуны в творческих биографиях известных ученых или же возвращены из небытия имена забытых или неизвестных российским историкам собирателей, коллекционеров, сельских учителей – корреспондентов Музея. Назову лишь некоторых из них: И.А. Смирнов, А.А. Фомин, И.А. Гальнбек, В.А. Плотников, Й-В. Котикоски, Н.С. Розов, Г.А. Никитин, Л.Л. Капица и др.³⁶.

Использование новых подходов и методов, одним из которых является и представленный интернет-ресурс, свидетельствует о перспективах современной историографии, биографики и интернет-технологий в расширении междисциплинарного сотрудничества. Будучи информационным ресурсом нового поколения, созданная электронная база данных «Собиратели РЭМ» демонстрирует новые концептуально-методологические возможности современного гуманитарного знания.

Однако в заключение приходится констатировать, что обновление традиционных направлений и видов музейной деятельности, формирование современного информационного пространства встречают серьезные препятствия (и не только финансового свойства)* в силу того, что российские музеи по-прежнему достаточно автономны / разобщены, консервативны и слабо информированы о существующих, помимо Комплексной автоматизированной музейной информационной системы (КАМИС – kamis.ru) возможностях предоставления памятников культурного наследия в Интернет. Преодолению инерции может содействовать заинтересованное обсуждение различных, хотя и немногочисленных методик создания музейных интернет-ресурсов.

* В настоящее время (2016) ресурс недоступен.

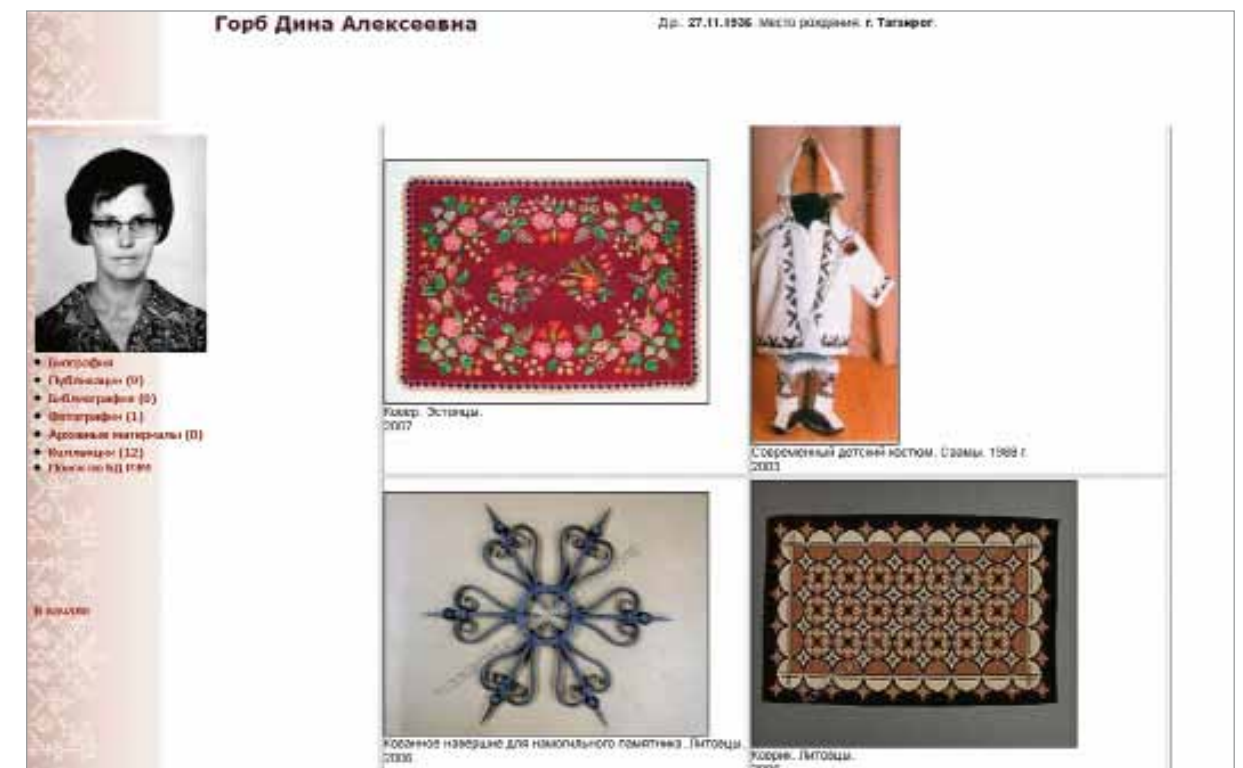
Главная страница веб-сайта «Этнография народов России». Все БД РЭМ находятся в разделе «Этнографическая деятельность и коллекции музеев России»

Отображение предметов из коллекций Р.Г. Зарриņша в БД «Электронный биобиблиографический словарь "Собиратели Российского этнографического музея"»

Отображение архивных материалов из коллекции В.А. Плотникова в БД «Электронный биобиблиографический словарь "Собиратели Российского этнографического музея"»

Отображение экспонатов из коллекций Д.А. Горб в БД «Электронный биобиблиографический словарь "Собиратели Российского этнографического музея"»

Крюкова Татьяна Александровна
 Др. 30.12.1904. Место рождения: г.Ижевск, Б.В. Кавказский губ.
 Дата смерти: 14.04.1970. Место захоронения: Санкт-Петербург. Северное кладбище.

1. Крюкова Т.А. Материальная культура народов... 1905
 2. Крюкова Т.А. «Видение русского в селе Сямаки Воронежской области (По материалам экспедиции Гос. музея этнографии 1936)» // Советская этнография. № 1. 1947
 3. Крюкова Т.А. К вопросу об изучении современной одежды народов Урала // Ученые записки Императорского университета в Санкт-Петербурге. Вып. V, 1903
 4. Крюкова Т.А. Коллекция С.И. Рудника в Государственном музее этнографии народов СССР (Сборник статей). П. 1971
 5. Крюкова Т.А. Коллекционно-образовательный музей этнографии народов СССР // Труды Музея. К. 1961
 6. Крюкова Т.А. Материальная культура. II. 1961
 7. Крюкова Т.А. Сравнительная этнология народов Поволжья (Удмурты, татары) // Советская этнография. № 2. 1950
 8. Крюкова Т.А. Творчество русских мастеров для изучения ориентального народного искусства // Сводный каталог Русского музея. М. Вып. 31, 1976
 9. Крюкова Т.А. Этнологический коллекционер Поволжья. Казань. 1958
 10. Крюкова Т.А. Этнографические материалы в экспозиции музеев Поволжья и Сибири // Вопросы фольклористики. Ижевск-Сек. Вып. 5, 1970
 11. Крюкова Т.А. Коллекция П.С. Павлова по народам Поволжья. М.П. 1949
 12. Крюкова Т.А. Материальная культура народов Поволжья. Сибирь. 1958
 13. Крюкова Т.А. Удмуртские народы и их искусство. Ижевск.П. 1973
 14. Крюкова Т.А., Навильн Г.А. Чувакская народная изобразительная искусство. Чебоксары. 1950
 15. Крюкова Т.А., Студенцова Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории народного музея в СССР. М. Вып. 7, 1971

Источники:
 • Сайт музея
 • Публикации (15)
 • Библиография (15)
 • Этнография (15)
 • Архивные материалы (0)
 • Коллекции (0)
 • Фотогалерея (0)

Список публикаций Т.А. Крюковой в БД «Электронный биобиблиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея»»

¹ О различных аспектах освоения музеями новых технологий свидетельствуют конференции АДИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии»), организуемые с 1998 г. URL – Режим доступа: adit.ru. В качестве примера приведу традиционный раздел одного из сборников материалов этих конференций: «Информационные технологии в музее, АДИТ-клуб «Казань» // Музей и общество: современные модели интеграции: Мат. Межд. музейного форума в Казани 14–18 сентября 2010 г. / Отв. ред. С.Ю. Измайлова. В 2-х т. – Казань: Фолиант, 2011. – Т 2. – С. 7–25. Оценку состояния информационных технологий в музеях РФ см. публикации Л.Я. Ноля.

² Уварова Т.Б. Информационный фактор в развитии российской этнологии. – М.: ИНИОН, 2011. – С. 1, 2. См. также: Уварова Т.Б., Шемберко Л.В. Исследования по этнологии и социокультурной антропологии в базах данных ИНИОН РАН // ЭО. – 2004. – № 5. – С. 95–111; Уварова Т.Б. Информация об информации в российской этнологии: проблемы и перспективы // ЭО. – 2007. – № 3. – С. 135–146; Она же. Информационный фактор в современном развитии российской этнологии. Автореф. ... докт. ист. н. – М., 2013. URL – Режим доступа: http://sarmedinfo.ru/list/14758 В этих работах приведена полная библиография.

³ Всех заинтересованных отсылаем к тезисам докладов VI Конгресса этнографов и антропологов России. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 390–398.

⁴ Уварова Т.Б. Информационный фактор... Указ. соч. – С. 10.

⁵ Там же. – С. 135.

⁶ Ивановская Н.И. К проблеме внедрения информационных технологий в практику изучения и использования этнокультурного наследия // Исторический город и сохранение традиционной культуры: опыт, проблемы, перспективы: Мат. V Каргопольской науч. конф. / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. – М.: Каргополь. 1999. – С. 164–168.

⁷ Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика / Под ред. И.В. Дубова. – СПб.: Лань, 1999. – 352 с.; Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: Справочник / Под ред. И.И. Барановой, Е.Н. Котовой, А.В. Ратниковой. – СПб.: Арт-люкс, 2003. – 408 с.

⁸ Хургина И.Ю. Информационная модель научного описания этнографического предмета: От идеи к воплощению // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тез. докл. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 398.

⁹ С 2006 г. – две новые структурные единицы: отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики и отдел этнографии Поволжья и Приуралья.

¹⁰ Перечислю основные публикации 1980–2010-х гг.: 1) каталоги: Марийские украшения (вторая половина XIX – первая половина XX в.): Каталог / Сост. А.Ю. Заднепровская. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1985. – 104 с.; Вышитая одежда удмуртов XIX–XX вв.: Каталог коллекций / Сост. Е.Н. Котова. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1987. – 64 с.; Мордовские украшения: Каталог / Сост. А.Ю. Заднепровская. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1988. – 112 с.; Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. – Ч. 1. Финно-угорские народы / Сост. Л.Л. Добрачева,

А.Ю. Заднепровская, Е.Н. Котова. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1990. – 260 с.; Каталог-указатель этнографических коллекций. Народы Среднего Поволжья и Приуралья. – Ч. 2. Тюркоязычные народы. / Сост. А.Ю. Заднепровская, Л.М. Лойко. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1990. – 114 с.; Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: Сводный каталог / Отв. ред. А.С. Мыльников, Т.А. Шрадер. – СПб.: Наука, 2003. – 144 с.; Православные кресты народов Поволжья, Приуралья, Сибири, Дальнего Востока и сету в собрании Российского этнографического музея. Вып. 1. / Авт.-сост. В.В. Горбачева, М.Л. Засецкая, А.Б. Островский, А.В. Ратникова, А.А. Чувьоров. – СПб.: Арт-Палас, 2013. – 384 с.; 2) сборники: Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой: Сб. ст. / Редкол.: А.Ю. Заднепровская (отв. ред.), О.М. Фишман, Л.М. Лойко. – СПб.: Лань, 2000. – 126 с.; Материалы по этнографии. – Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада и Среднего Поволжья / Редкол.: А.Ю. Заднепровская, Н.И. Ивановская, О.М. Фишман (отв. ред.). – СПб.: Деловая полиграфия, 2004. – 377 с.; Памяти академика А.И. Шегрена (1794–1855): Сб. док. к 90-летию независимости Финляндии / Редкол.: В.М. Грусман, В.Н. Плешков, Е.Н. Кальщикова. Авт.-сост. О.М. Фишман, С.Б. Коренева. – СПб.: Европейский Дом, 2007. – 148 с.; 3) альбомы: Фишман О., Хакаemies П. Мечта о новой Карелии. Советская Карелия в фотографиях 1920–1930-х годов. – Хельсинки: SKS, 2006. – 116 с.; Сергей Иванович Сергель. Этнограф и путешественник / Авт.-сост. Н.И. Ивановская, А.А. Чувьоров. – СПб.: Славия, 2011. – 180 с.; Старая Литва: Выставка в Национальном музее Литвы. – СПб.; Вильнюс, 2009. – 307 с.

¹¹ URL – Режим доступа: http://iss.rubmuseum.ru/kng/fund/view-fund.isf; http://iss.ugramuseum.ru/kng/fund/view-fund.isf; http://lenoblms.ru/business/public/

¹² Ивановская Н.И., Фишман О.М. Образовательный потенциал баз данных по этнографической деятельности музеев России на WEB-сайте «Этнография» // Интернет. Общество. Личность. Вторая межд. конф. ИОЛ – 2000: Тез. док. Института «Открытое общество». – СПб., 2000. – С. 111; Ивановская Н.И., Панкратов В.Б., Фишман О.М. Источниковедение и историография в РЭМ: опыт по созданию БД // Памяти академика А.И. Шегрена (1794–1855). Указ. соч. – С. 134–146.

¹³ Верняев И.И., Герасименко Е.Е., Ивановская Н.И., Панкратов В.Б., Чугунов А.В. Информационная система «Этнография народов России»: проблемы метаинформации // Научный сервис в сети Интернет: Труды Всерос. науч. конф. Новороссийск, 23–28 сентября 2002 г. – М., 2002. – С. 174–177; Ивановская Н.И., Фишман О.М. База данных как информационное пространство музееведения: «Коллекции РЭМ по балтским народам Юго-Восточной Прибалтики и тюркоязычным народам Поволжья и Приуралья» // Информационные технологии: доступ к культурному наследию: Седьмая ежегодная конф. АДИТ-2003: Тез. док. – Пушкинские Горы, 2003. – С. 54–56; Igor I. Vernjaev, Olga M. Fishman, Andrey V. Chugunov, Natalja I. Ivanovskaja, Vladimir B. Pankratov, Pavel P. Tscherbakov. Information System “Nationalities of Russia Ethnography”: Problems of Textual, Visual and Audio Data Integration: Proc. of the 9th International Conference “Speech and Computer” SPRECOM’2004. 20 – 22 September 2004. – SPb., 2004. – Pp. 676–678.

¹⁴ Из последних работ см.: Керимова М.М. Становление и развитие российской этнографии последних десятилетий XIX – первой трети XX в. (на основе изучения научного наследия семьи Харузинных). Автореф. ... докт. ист. н. – М., 2013. – 58 с.; «...твое письмо – документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 /

Подг. текста, предисл., комм. Е.Н. Груздева. – СПб.: Реноме, 2013. – 390 с.

¹⁵ Раздел «Библиография трудов» на сайте Института этнологии РАН. URL – Режим доступа: http://iea-ras.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=57; Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrika/01/978-5-02-038290-9/; Электронные каталоги библиотеки Политехнического музея. URL – Режим доступа: http://www.centrcm.ru/catalog/53/55/nauchnaya-biblioteka-politehnicheskogo-muzeya/

¹⁶ Милицанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.: [В 2-х кн.]. – М.: Наука, 1995. – 702 с.; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 496 с.; Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. – СПб.: МАЭ, Петербургское востоковедение. – Вып. 4. – СПб., 1994. – С. 186, 187; Он же. Репрессированная этнография: люди и судьбы (Ч. 2) // Там же. – Вып. 5–6. – С. 342–368; Ученые-североведы: Сб. биобиблиографических очерков / Сост. Н.М. Артемьев. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2001; Российские фольклористы: Справочник / Сост. Л.В. Рыбакова. – М.: Индрик, 1994. – 208 с.; Благодарим судьбу за встречу с ним. О С.А. Токареве – ученом и человеке / Отв. ред.-сост. С.Я. Козлов и П.И. Пучков. – М.: Изд-во РАН, 1995. – 313 с.; Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. – М.: Наука, 2003. – 332 с.; Яковлев В.И. Евгений Проккопьевич Бусыгин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. – с. 38 и др.

¹⁷ Репрессированные этнографы / Сост., отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 72 с.; 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – 343 с.; Репрессированные этнографы / Сост. Д.Д. Тумаркин. Вып. 2. – М.: Восточная литература, 2002. – 495 с.; Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред.: Тишков В.А., Тумаркин Д.Д. – М.: Наука, 2004. – 716 с.

¹⁸ Тумаркин Д.Д. От составителя // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. Указ. соч. – С. 5.

¹⁹ Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф // ЭО. – 1992. – № 6. – С. 115–123; Он же. Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени) // ЭО. – 1994. – № 3. – С. 132–155; Отдание долга. Институт этнографии АН СССР во время Великой Отечественной войны // ЭО. – 1995. – № 6. – С. 3–17; 1996. – № 1. – С. 3–14; Он же. Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано. Текст // Orient: Альманах. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. – Вып. 2–3. – 1998. – С. 5–56; Он же. Академик В. В. Радлов-востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения–2002. Мат-лы науч. годичной сессии. – СПб., 2002. – С. 95–101; Он же. Н.М. Могилянскый – выдающийся российский этнограф и музеевед // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Сб. мат-в конф. – СПб.; Кишинев, 2002. – С. 147–151; Он же. Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 / ЭО. – 2003. – № 5. – С. 148–157. Список основных библиографических работ А.М. Решетова см.: URL – Режим доступа: http://journal.iea.ras.ru/online

²⁰ Решетов А.М. Библиографический словарь отечественных этнографов. XX век – каким ему быть? // ЭО. – 2003. – № 2. – С. 151–154; Он же. Материалы к библиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век // Кунсткамера – Архив. – Т. 5. – СПб.: Наука, 2012. – 582 с. URL – Режим доступа:

http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrika_tor/01/978-5-02-038290-9/

²¹ Российские этнографы-сибиреведы второй половины XX века: библиографический словарь / Сост. Н.А. Томилов, П.Б. Гегельман. – Омск, 2001. URL – Режим доступа: <http://www.ethnography.omskreg.ru>

²² Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца): Сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Дубова. – СПб.: Лань, 1998. – 208 с.; Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2012. – 829 с.

²³ Ивановская Н.И. Субъективные факторы формирования этнографических коллекций // Этнографический источник: Мат. третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. ред. В.М. Грусман, А.В. Коновалов. Ред.кол. Д.А. Баранов, Е.Е. Герасименко, В.А. Дмитриев и др. – СПб.: РЭМ, 2004. – С. 17–22.

²⁴ Научно-практический семинар «Электронный музей: Создание, хранение и управление музейными информационными ресурсами». URL – Режим доступа: http://www.ci.ru/inform03-04_13/p_08.htm

²⁵ Консультация. «Виды информационной продукции». URL – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/130/372.php>

²⁶ Верняев И.И., Панкратов В.Б., Чугунов А.В. Развитие информационной системы «Этнография народов России» и проблемы взаимодействия с научно-образовательными порталами и базами данных гуманитарного профиля // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды V Всерос. объедин. конф. (С.-Петербург, 25–29 ноября 2002 г.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 140–143.

²⁷ URL – Режим доступа: (<http://yca.yandex.ru/yca/cat/Science/Sciences/Humanities/History/Ethnography/>)

²⁸ URL- Режим доступа: almetedu.ru/2012/obstanovka.doc – Рекомендации по образовательным программам и методикам.

²⁹ URL – Режим доступа: window.edu.ru/Каталог/resources?р_rubr...

³⁰ URL – Режим доступа: znatoki/boris/reports/200910Eilat.html4; <http://db.chgk.info/txt/znat09ch.txt>

³¹ Алымов С.С. Павел Иванович Кушнер и развитие отечественной этнографии в 1920–1950-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – С. 1.

³² Репина Л.П. Социальная история в историографии XX века (курс лекций). – М.: ИВИ РАН, 2001. – 128 с.; Она же. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе: Мат. Всерос. науч. конф. Пермь, 20–22 сентября 2007 г. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 89–92; Она же. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 22. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 5–15.

³³ Степанова Л.Б. История собирательства якутских этнографических коллекций в музеях Якутска и Санкт-Петербурга. Автореф. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2007. – С. 9, 10.

³⁴ Репина Л.П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 36. Интеллектуальная

культура и ученые сообщества Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 5–8; История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – 432 с.; В тени великих: образы и судьбы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетей, 2010. – 400 с.; История и историки в прошлом и настоящем / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2013. – 320 с.;

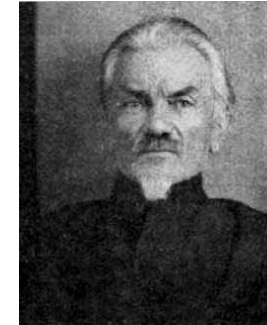
³⁵ Турьинская Х.М. Развитие этнографического музейного дела в конце XIX – начале XX в. (историографическое исследование). Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – 33 с.

³⁶ Перечислю основные: Ивановская Н.И. Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В.И. Заусайлов и И.Н. Смирнов // Материалы по этнографии. Т. 2. Народы Прибалтики, Северо-Запада и Среднего Поволжья. – СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 26–35; Она же. Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреневские чтения: Сб. ст. / Под ред. С.Б. Кореневой, О.М. Фишман. – СПб.: Европейский Дом, 2011. – С. 286–302; Она же. С.И. Сергель – исследователь традиционной культуры саамов Норвегии и Финляндии // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты: Сб. ст. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 647–664; Она же. Профессиональная социализация студентов Санкт-Петербургского университета в семинаре Ф.К. Волкова в 1907–1917 гг. // Феномен социализации в этнической культуре: Мат. Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2012. – С. 134–140; Королькова Л.В. Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России // Материалы по этнографии. – Т. 2. – С. 61–66; Она же. ЛОИКФУН. Дела и люди // In situ. Сб. в честь 85-летнего юбилея проф. А.Д. Столяра. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 421–432; Она же. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: А.В. Фомин-Светляк, Н.С. Розов, Е.В. Скородумов // Рябининские чтения-2007: Мат. V науч. конф. по изучению нар. культуры Рус. Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова: Сб. докл. – Петрозаводск: Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2007. – С. 64–67; Она же. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: А.И. Колмогоров, В.И. Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Сб. науч. тр. по итогам междунар. конф., посв. 40-летию Вепского этнографического музея. – Петрозаводск, 2008. – С. 91–106; Она же. Сподвижники Давида Алексеевича Золотарева: люди и судьбы // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Мат. IX Санкт-Петербургских этнограф. чтений. – СПб.: 2010. – С. 16–27; Фишман О.М., Лойко Л.М. Г.А. Никитин – ученый и собиратель // Материалы по этнографии. – Т. 2. – С. 46–59; Засецкая М.Л. Этнографические коллекции А.А. Фомина в музеях Санкт-Петербурга // Документирование театрального наследия: межд. науч. конф.: К 90-летию Рос. госуд. биб-ки искусств: Док., сообщения, публикации. – М.: 2013. – С. 246–254. Она же. Временная выставка «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии» // Музей. Традиции. Этничность. – 2013. – № 2. – С. 106–118; Русанова Н.Н. Финский краевед Й.-В. Котикоски и его коллекции в собрании РЭМ // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреневские чтения: Сб. ст. / Под ред. С.Б. Кореневой, О.М. Фишман. – СПб.: Европейский Дом, 2011. – С. 329–339.

Приложение

МАТЕРИАЛЫ БД, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СОБИРАТЕЛЮ Д.Т. ЯНОВИЧУ
В БД «ЭЛЕКТРОННЫЙ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
«СОБИРАТЕЛИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ»»

ЯНОВИЧ ДАНИИЛ ТИМОФЕЕВИЧ

Дата рожд.: 27.07.1879.

Место рожд.: г. Боровичи Новгородской губернии.

Дата смерти: 18.01.1940.

Место захоронения: кладбище лаготделения Сарепт (ныне п. Сарепта, Карагандинской обл.)

Даниил Тимофеевич родился 27 июля 1879 г. в г. Боровичи Новгородской губернии в семье городского судьи.

Отец – юрист Киевского университета (судебный следователь, потом городской судья), умер в 1899 г. Мать – Анна Павловна, окончила гимназию, по происхождению дочь инженера, умерла в 1932 г. Д.Т. Янович обучался в трех классических гимназиях в Петербурге (Веденская гимназия), Твери и Владимире на Клязьме.

Д.Т. Янович был дважды женат, имел четверых детей (сыновья Юрий, Лев и Ярослав, дочь Надежда-Неждана).

Собирательскую деятельность начал, вероятно, в конце 1890-х гг., будучи студентом Санкт-Петербургского университета. В качестве корреспондента ЭОРМ был направлен для экспедиционно-собирательской работы в Карелии. В ходе подготовки Янович изучал карельский язык и в 1901 г. осуществил чрезвычайно удачную экспедицию в Мяндусельгской вол. Повенецкого у. Олонецкой губ. Две его коллекции, № 62 и № 89, собранные у карел-«лаппи», поступившие в музей в 1901 г., послужили основой для фондов ЭОРМ по этнографии карел. Руководство этнографического отдела в лице Д.А. Клеменца, по всей видимости, ориентировало его на карельскую этнографию. Но обстоятельства сложились таким образом, что первая командировка от ЭО состоялась в Тульскую губ. Д.Т. Янович был рекомендован Н.М. Могилянскому Коропчевским, и летом 1902 г. ими была предпринята командировка, во время которой в селе Ивлеве Богородицкого уезда была собрана большая коллекция.

В 1903 г. (частично в 1904) Д.Т. Янович ведет уже самостоятельную работу по заданию ЭОРМ среди русского населения Владимирской губернии. Результатом стали 4 коллекции (383, 384, 455, 657) с общим числом номеров 580.

1904 г. был для Даниила Тимофеевича очень напряженным: посещение занятий в Петербургском археологическом институте, занятия в Университете, самостоятельные работы с литературой в Публичной библиотеке. Все это сказалось на его здоровье, и хотя на июль–август 1904 г. Русский музей и антропологическое общество планировали его командировку к карелам Олонецкой губернии и в Восточную Финляндию, поездка эта не состоялась, так как Янович сильно заболел. Лето 1904 г. он был вынужден провести у знакомых в Старицком уезде Тверской губернии. Беспокойная душа собирателя и здесь не давала ему покоя: за время отпуска им было собрано свыше 180 предметов в Старицком, Ржевском, Новаторском уездах (кол. № 500).

Очевидно, что устойчивый интерес к этнографии оформился у Д.Т. уже на первом курсе Университета, но он сам считал себя коллекционером, судя по его собственным высказываниям, с шестилетнего возраста. Упорный труд, специальные знания, интерес к работе, наблюдательность, опыт, полученный в стационарных экспедициях, сделали из Яновича очень грамотного собирателя.

По всей видимости, в 1905 г. Д.Т. Янович женился, и у него родился сын. Тяжелое материальное положение, необходимость подрабатывать и совмещать это с учебной подорвали и без того слабое здоровье. В 1906 г. Янович прервал занятия в Санкт-Петербургском университете и поступил на службу по страховому делу в Тверское губернское земство, куда и переехал вместе со своей семьей. «Тяжелым и нелюбимым трудом я зарабатываю средства к жизни», – пишет он в одном из своих

писем в адрес дирекции РМ. Отдохновением служила собирательская работа. Янович получал задания на приобретение экспонатов у русского и карельского населения Тверской губ. от ЭОРМ, Академии наук, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. За два года работы (1905–1907) только в ЭОРМ поступило 18 коллекций по этнографии русских этого края, с числом экспонатов более 1200 (коллекции № 1242, 1264, 1271, 1280, 1281, 1305, 1311, 1312, 1334, 1352, 1361, 1369, 1375, 1395, 1411, 1418, 1557, 1868) и две фотоколлекции (1448, 1512), не говоря о карельских вещах (около № 2000) и частично русских, которые оказались разрозненными между Антропологическим музеем Московского университета и Музеем им. Петра Великого. Часть этой богатейшей коллекции осталась у самого Яновича и затем была передана бывшему Дашковскому музею (1909, 1912, 1927). Фонд бывшего Дашковского музея в составе коллекций бывшего Музея народов СССР в 1948 г. был включен в собрание Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей). Таким образом, большая часть коллекций Яновича по русской и карельской культуре Тверского края воссоединилась.

Трудно переоценить собирательский подвиг Даниила Тимофеевича Яновича. Им было обследовано более 140 населенных пунктов (городов, сел, деревень, погостов) с русским и карельским населением Тверской губ. Коллекции Яновича представляют собой не случайные, единичные, разрозненные поступления, а целые тематические комплексы. Специфика района обусловила и направление сбора – это в основном женские головные уборы-сороки во всех возможных локальных и половозрастных вариантах, образцы пястры, набойки, кружева, набойные и пряничные доски, муляжи пряников, культовые предметы, женские украшения, деревенская утварь, глиняная посуда, светцы и подсвечники, детские игрушки и т.д. Это экспонаты, характеризующие специфические черты народного творчества и быта русских и карел Тверской губ. В коллекционных описях содержится интересная информация об изготовлении и бытования предметов.

Свои задачи он скромно формулировал так: «Я собираю для будущих исследователей, которые обработают материал нами, собранный. Для меня же имеет значение музей – кладовая для склада и охраны произведений народного творчества <...>. В близком будущем народ, конечно, оценит свою родную старину и будет беречь ее <...>. Тогда, быть может, тысячи студентов будут снаряжены экспедиционно <...>, но тогда они не найдут и 1/1000 доли того, что я вижу сейчас перед глазами <...>»

Конфликт, возникший между руководством Русского музея и Яновичем по поводу собранных Яновичем карельских экспонатов, привел к отходу Даниила Тимофеевича от собирательской работы для ЭО.

В 1908 г. ученый переезжает в Москву и поступает на отделение географии, антропологии и этнографии физико-математического факультета Московского университета. В 1909 г. участвовал в комплексной экспедиции Академии наук на нижнюю Обь и Северный Урал. В экспедиции были собраны материалы по этнографии и антропологии ненцев и обских угров («остяков и самоедов»), совершены археологические раскопки на о-ве Мертвых в устье Оби. В 1910 г. по итогам проведенных полевых исследований Д.Т. Янович удостоился премии Великого князя Сергея Александровича.

В 1913 г. Янович был назначен на должность помощника хранителя художественно-промышленного музея имени Александра II при Строгановском училище, куда был приглашен специально для описания его богатейшего музейного собрания. После революции Д.Т. Янович становится сначала зав. фондами и главным хранителем, а затем заведующим музеем и возглавляет его до 1924 г. В это же время он активно участвует в работе музейного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины.

Первое послереволюционное десятилетие – один из наиболее ярких и активных периодов в деятельности ученого. Он являлся членом секции научных работников в г. Москве, был членом месткома, выступал защитником в судах по мандатам музейного отдела Наркомпроса, по делам технических служащих московских музеев, участвовал в работе музейного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины. Далее он «служил» председателем экспертной комиссии при отделе художественных ценностей НК Внешторга, в Главнауке – НКПроса, в гос. КОЛОНите, зав. отделом народного быта и всей этнографической части Первой сельскохозяйственной и кустарной выставки, заведовал центральным этнографическим бюро, полярным подотделом в отделе национальных меньшинств Наркомнаца, был ученым секретарем комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ЦИК, участвовал в работе Ассоциации Востоковедения, общества изучения Урала, Сибири и Дальневосточного края, антропологического отделения Тимирязевского научно-

исследовательского института. В тот период Д.Т. Янович направляется в Коми область для обследования состояния музейного дела в г. Усть-Сысольске. Он организует здесь экспедицию по сбору этнографических материалов, налаживает работу по созданию художественного отдела краеведческого музея. Для подготовки Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г. в Москве при самом непосредственном участии проф. МГУ Д.Т. Яновича была составлена анкета. Впоследствии этот опыт был использован при создании опросников для краеведов. Показательны сформулированные в них вопросы, в решении которых местные краеведческие организации видели свою роль, пользуясь терминологией тех лет «на культурном фронте». Приведем некоторые выдержки из них: 1. Выявить историческую давность; 2. Определить место кустарного промысла; 3. Причины его возникновения (малоземелье, природные благоприятные условия, наличие рынков и т.д.); 4. Количество кустарей; 5. Формы труда; 6. Орудия производства; 7. Путь к коллективизации и механизации; 8. Продукция и процесс ее выработки; 9. Рынки сбыта; 10. Средняя доходность, источники получения сырья и т.д.

В 1920 г. Янович арестован «за связь с военнопленными (через 32 дня освобожден)». В 1930 г. он задерживался «за распространение злобной клеветы на руководство ВКП (б)», а в 1931 г. был приговорен к трем годам ссылки за принадлежность к контрреволюционной монархической организации. Ссылку Д. Т. Янович отбывал в Восточной Сибири, в городах Красноярск, Иркутск и Новосибирск. В Красноярске он работал во Всесоюзном институте изучения кедра. Сразу после отбытия наказания – новый арест. В 1935 г. Янович Д.Т. задержан в г. Новосибирске по обвинению в шпионаже и диверсионных намерениях. Через три месяца его отпустили из тюрьмы. Возвращается в Москву, устраивается на работу в Бюро транскрипции ГугСК (Географическое управление Государственной службы картографии), потом – на сделную работу в Учпедгизе.

1937 г. – новый арест: за контрреволюционную деятельность. Янович был осужден на восемь лет, отправлен отбывать срок в Карлаг. Д.Т. Янович прибыл в Карагандинский ИТЛ 6 августа 1938 г., отбывал «наказание» в отделении Сарепта (ныне п. Сарепта Карагандинской обл.).

18 января 1940 г. Д. Т. Янович умер «от кровоизлияния в мозг и в связи с этим прекращения деятельности сердца», был захоронен на кладбище лаготделения Сарепт.

Так трагически оборвалась жизнь талантливого собирателя, этнографа и музееведа, внесшего огромный вклад в формирование многочисленных коллекций различных музеев. Этнографические коллекции, собранные Яновичем, наряду с РЭМ хранятся в фондах Музея этнографии – Кунсткамеры (Санкт-Петербург), Национального музея РК (Сыктывкар).

Кол. РЭМ по русским: № 383, 384, 455, 657, 500, 1242, 1264, 1271, 1280, 1281, 1305, 1311, 1312, 1334, 1352, 1361, 1369, 1375, 1395, 1418, 1557, 1868;

Коллекции по карелам:

№ колл. 62–12/11; (62 – 9 искл.). Предметы народного быта: утварь из бересты.

1902 г. Карелы-лаппи

Олонецкая губ., Повенецкий у., Мяндусельгская вол., д. Ахвэнд'ярви (Окунево озеро), д. Куурико-сельга, Кумсярви (Кулич-озеро), Маккоева гора, с. Мяндусельга, д. Плаккунвуара (Плаккавара). Варианты названий приведены собирателем.

№ колл. 89 – 27/24; (89-9, 89-19, 89-24 искл.). Пастушеские трубы различных типов, посох колдуна.

1903 г. Карелы-лаппи

Олонецкая губ., Повенецкий у., Мяндусельгская вол., д.д. Каржикко-д'ярви (Карзик-озеро), Кондые-вуара (Медвежья гора), Кумчозеро (Кумсярви), Макоон-гора, Мяндусельга (Сосновая гора).

№ колл. 8761-15126, 15131, 15133, 15132-5135, 15138, 15141, 15143, 151421-4, 151431-4, 15145-15148, 15150-15158, 15160, 15161, 15166, 15170-1577, 15180, 15186, 15188-15190, 15192-15194, 15197, 15200-15202, 15205, 15206, 15211, 15213, 15215-15233, 15225-15230, 15232, 15234-15236, 15233, 15241

Предметы жилища, утварь, табакокурение, детское воспитание, культ, народное творчество, основные занятия, промыслы, средства передвижения, народное творчество.

1905–1907; 1909–1912 гг. Карелы тверские

Тверская губ., Весьегонский у., волости Арханская, Щербовская, д.д. Андрейцево, Благовещенье, Большое Никитино, Бурдомачиха, Вичиха, Высокушка, Григорцево, Дремучево, Дымцево, Еськино, Залужье, Карельское Васильково, Малая Попиха, Малечкино, Малое Мякишево, Мийселиха, Найдена, Остречиха, Парфеньево, Родиониха, Сухолимово, Тимкова Гора, Топорово, Туково.

№ 8762-30042, 30044, 30071, 30072, 30074-30110, 30112, 30114, 30116, 30117, 30122, 30123, 30125-30129, 30134-30138, 30140-30147, 30149, 30151-30154, 30156-30194, 30196, 30201, 30202, 30204-30214, 30218-30221, 30224-300229, 30231, 30232; 30234-30246, 30248-30252, 30254, 30256-30258, 30261, 30262, 30266-30270, 30272, 30273, 30276, 30277, 30279-30283, 30285, 30286, 30288, 30289, 30297, 30300, 30303, 30304, 30308, 30310, 30311, 30313, 30314, 30316-30318, 30320-30329, 30346, 30349-3051, 30354, 30362, 30367, 30369, 30370, 30376, 30384, 30388, 30389, 30397-30399, 30401, 30403, 30405, 30408, 30410-30420, 30462-30466, 30469, 30470, 30474-30481, 30487, 30491, 30492, 30497, 30499-30502, 30509, 30512-30516, 30518-30522, 30525, 30528, 30533-3035, 30537, 30540, 30543, 30547, 30550-30553, 30557, 30562, 30563, 30565, 30566, 30569, 30572, 30573, 30572, 30573, 30580, 30584, 30587, 30589-30593, 30596, 30599-30602, 30604, 30605, 30607-30610, 30613, 30615, 30616, 30618, 30622, 30623, 30626, 30627, 30631-30637, 30639-30644, 30650, 30651, 30657, 30659, 30666, 30672-30674, 30676, 30677, 30680, 30684, 30688, 30700-30703, 30724, 30735, 30736, 30744, 30745, 30757, 30759, 30769, 30773, 30780, 30786, 3087, 30794-30799, 30803, 30805, 30811, 30813, 30819, 30821, 30843, 30846, 30848, 30850, 33680. Итого: 452 №№.

Женские головные уборы и их части, образцы вышивки к сорокам – женским головным уборам, части мужской и женской одежды, полотенце, религиозный предмет.

1900–1912 гг. Карелы тверские

Тверская губ., Весьегонский у., волости Арханская, Щербовская, д.д. Андрейцево, Благовещенье, Большое Никитино, Бурдомачиха, Вичиха, Высокушка, Григорцево, Дремучево, Дымцево, Еськино, Залужье, Карельское Васильково, Малая Попиха, Малечкино, Малое Мякишево, Мийселиха, Найдена, Остречиха, Парфеньево, Родиониха, Сухолимово, Тимкова Гора, Топорово, Туково.

Коллекция по эстонцам

№ 8762-31157, 31158, 31159. 3 №№

Образцы тканей.

Эстонцы

Место сбора неизвестно.

Коллекции по коми:

№ 8762-29916, 29917-29924, 29935, 30946 / 1-16, 33584, 33585, 33586, 33587.

Образцы ручного ткачества, мужской головной убор, штаны, пояс.

Поступление: 1923 г. Коми-зыряне.

Вологодская губ., Усть-Сысольский уезд

№ 8761-15126, 15131, 15132-15135, 15138, 15141/1-3, 15142/1-4, 15143/1-4, 15145-15148, 15150-15158, 15160, 15161, 15166, 15170-15177, 15180, 15186, 15188-15190, 15192-15194, 15197, 15200-15202, 15205, 15206, 15211, 15213, 15215-15223, 15225-15230, 15232, 15234-15236, 15238, 15241.

Поступление: 1923 г. Коми-пермяки

Пермская губ., с. Чураки

№ 8762-30042, 30044, 30071, 30012, 30074-30110, 30112, 30114, 30116, 30117, 30122, 30123, 30125-30129, 30134-30138, 30140-30147, 30149, 30151-30154, 30156-30194, 30196, 30201, 30202, 30204-30214, 30218-30221, 30224-30229, 30231, 30232, 30234-30246, 30248-30252, 30254, 30256-30258, 30261, 30262, 30266-30270, 30272, 30273, 30276, 30277, 30279-30283, 30285, 30286, 30288, 30289, 30297, 30300, 30303, 30304. Итого: 443

Поступление: 1923 г. Коми-пермяки

Пермская губ., с. Чураки

Кол. МАЭ №№ 1117, 2914.

Архивные материалы:

Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 733. – Переписка с Д.Т. Яновичем;

Ф. 587. Оп. 2486. Д. 218. – Архив б. МН СССР (Коллекции 61 III 61/ 204-704. Карелы.

Весьегонский у.).

ФСБ РФ. Управление регистрации и архивных фондов, Центральный архив, Москва – Архивное уголовное дело № 108223 (5182); Архивное уголовное дело № 11792

Архив управления ФСБ по Новосибирской области. – Анкета арестованного и Протокол допроса от 13 февраля 1935 г.

Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам по Карагандинской области. – Архивное личное дело заключенного НР 171225 (29060); Акт № 4 от 18 января 1940 г. о смерти Д.Т. Яновича; Акт от 18 января 1940 г. о захоронении на кладбище лаготделения Сарепт.

**ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ,
СОБРАННЫХ Д.Т. ЯНОВИЧЕМ**

Сорока – женский праздничный головной убор. Тверские карелы

Манерник – образцы набойки. Тверские карелы

Образец вышивки очелья – налобной части сороки – женского головного убора. Тверские карелы

Очелье сороки – женского головного убора. Тверские карелы

Ковш для пива. Тверские карелы

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 39

Обзор новых поступлений в собрание Российского этнографического музея

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПРОКОПЬЕВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Заместитель директора по учету, хранению и реставрации музейных ценностей
e-mail: zam_dir@ethnomuseum.ru

В статье проводится обзор новых поступлений в собрание Российского этнографического музея за последние 15 лет. Охарактеризованы предметы, пополнившие коллекции всех отделов музея. Проанализированы методы и способы собирательской практики в музее, а также значение предметов для научной и экспозиционно-выставочной деятельности. Источниками для составления обзора послужили экспертные заключения, предоставляемые сотрудниками на закупочно-фондовую комиссию РЭМ.

Ключевые слова: музейные этнографические коллекции, формы и принципы комплектования коллекций, традиционная культура, народная одежда, предметы утвари, убранство интерьера, ковроткачество, косторезное искусство.

UDC 39

An Overview of the New Acquisitions by the Russian Museum of Ethnography

NATALYA N. PROKOPIEVA

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Deputy Director for Inventory, Storage and Restoration of Museum Objects
e-mail: zam_dir@ethnomuseum.ru

The paper provides an overview of the new acquisitions by the Russian Museum of Ethnography over the past 15 years. The author gives a thorough description of the objects which have replenished the collections of all the Museum departments. The paper analyses the ways and methods of the Museum's collecting practices as well as the significance of the new acquisitions for carrying out research and exhibition activities. This overview is based on the expert opinions provided by the Museum staff members for the Purchasing and Funding Commission of the Russian Museum of Ethnography.

Key words: museum ethnographic collections, forms and principles of the compilation of collections, traditional culture, traditional costumes, household utensils, interior decoration, carpet weaving, the art of bone carving.

Обзор новых поступлений в Российский этнографический музей (далее – РЭМ) с 2004 г. составлен на основе экспертных заключений, выполненных сотрудниками для представления вещевых памятников на заседаниях Экспертно-фондовой закупочной комиссии Российского этнографического музея. Экспертное заключение, являясь результатом научной атрибуции, выполненной компетентным специалистом в той или иной области, наиболее полно характеризует музейное, научное и историко-культурное значение приобретаемых предметов или коллекций.

Для РЭМ всегда было приоритетным экспедиционное собирательство, поскольку оно решает важную задачу научного комплектования – сбор не только предметов, но и информации, «легенды» о них. В 2000-х гг. были восстановлены связи и региональные направления собирательской деятельности, которые были несколько ослаблены в 1990-е гг., когда приобретение предметов традиционной культуры было практически прекращено в российских регионах и ближнем зарубежье из-за отсутствия финансирования. Коллекции музея пополнялись за счет случайных поступлений от частных лиц. В настоящее время стали регулярными выезды для сбора информации и предметов музейного значения в республики Средней Азии, в Дагестан, на Северный Кавказ, в страны Балтии, и, конечно, в разные области Российской Федерации. Комплектование коллекций – один из трех (сбор, изучение и представление) основных видов деятельности музея. Сейчас в РЭМ накоплен огромный массив вещевых памятников, характеризующих традиционную культуру этносов и этнических групп, а кроме этого – фото- и архивные материалы. За последние годы вышло много вещеведческих и аналитических исследований о деятельности музея; регулярно проводящиеся Санкт-Петербургские этнографические чтения свидетельствуют, что сотрудники неизменно обращаются к темам, связанным с формированием и изучением коллекций музея. В своих публикациях они неоднократно затрагивали вопрос о концепции комплектования коллекций в РЭМ. Здесь, как кажется, важными для освещения истории нашего музея, его собрания являются работы И.И. Шангиной и В.А. Дмитриева¹, раскрывающие процесс и определяющие направления деятельности в разные периоды существования музея, как в начале пути – в период его становления, так и в советское время, пожалуй, наиболее драматичное для музея этнографии в идеологическом отношении. Первые коллекции, их собиратели и научные предпочтения последних, выраженные в музейных коллекциях, также

входили в сферу интересов современных сотрудников музея². В начале XX в. задачи экспедиционно-собирательской деятельности этнографических музеев представлялись как формирование источниковедческой базы для изучения культур разных этносов. В начале XXI в. музейный исследователь, обобщая опыт комплексной музейной деятельности, выделяет приоритет собирательской работы и как результат – формирование «музея этнографического факта»³. В последнее время исследователей занимает вопрос интерпретации вещевых памятников в самом музее, как объектов, «живущих второй жизнью», изъятых из контекстной среды и помещаемых в процессе экспозиционно-выставочной работы в «новые смыслы».

Подготовка к экспедиционной поездке, в рамках которой изучается историческая, этническая ситуация в регионе, создаются или уточняются программы и тематические анкеты, предполагает на основе опыта прежних лет, уже имеющих публикации выстраивание некоторого прогноза приобретений вещественного материала. Конечно, жизнь всегда вносит свои коррективы, могут случаться как неожиданные находки, так и неудачи. Тем ценнее становится каждая вещь, приобретенная в экспедиции, фотофиксация исследуемых регионов и собранная информация. Необходимо отметить, что фотоматериалы расширяют информацию об использовании предметов, являются прекрасным источником для научных изысканий, применяются в экспозиционно-выставочных практиках и чрезвычайно востребованы исследователями различных регионов. Качество снимков определяется профессиональным уровнем исполнителей. В наше время поддерживается традиция снабжать все новые поступления из экспедиционных привозов фундированными экспертными заключениями; предметы атрибутированы, и представления экспедиционных привозов всегда вызывают положительные эмоции экспертной комиссии. Важная черта комплектования – приобретение не случайных предметов, а комплексов, относящихся к основным занятиям или обрядовым практикам. Экспедиции сотрудников в регионы, где еще сохраняются элементы традиционных отношений и основных занятий, подтверждают, что там есть еще простор для собирательской деятельности, и музей мог бы пополнять свои коллекции предметами, характеризующими культуру проживающих там народов.

Так, наибольшее количество предметов пополнило собрание отдела этнографии русского народа⁴, где экспедиционный сбор осуществляется на основе программы полевых

исследований и включает такие направления, как традиционная культура локальных групп русского населения Европейской части России, старообрядческая культура и современная деревенская культура. В результате полевых сборов в музей поступили предметы деревенского быта населения Архангельской, Вологодской, Кировской, Челябинской, Оренбургской (орудия прядения и ткачества, инструменты, колыбели, деревянная утварь, обрядовые полотенца костюмные комплексы и т.д.), Рязанской и Пензенской (обрядовая южнорусская одежда, скопинская керамика, земледельческие орудия и т.д.) областей. Следует особо отметить женские костюмы и предметы одежды Рязанской обл., приобретенные в экспедиции сотрудниками музея. Достоинством собрания является наличие полной информации о каждом предмете, сведений не только о месте, времени, способах бытования каждого костюма и его элемента в отдельности, но и об их назначении в праздничном быту и обрядо-

Рубаха, передник, понева. Предметы женской одежды. Русские. Начало XX в. Воронежская обл., Бирючинский р-н, с. Казацкое. Поступление 2011 г. от частного лица. РЭМ 12829-20, 32, 41

вой жизни русского народа. Костюмы представляют собой яркую локальную традицию южнорусской одежды начала – середины XX в., находятся в прекрасном состоянии, не требуют реставрации, отличаются удивительной выразительностью и декоративностью, представляют большой интерес для работы по созданию выставок и экспозиций музея. Продолжая изучение старообрядческой культуры русских, в ходе экспедиционных поездок были приобретены костюмные комплексы, иконы, лестовки, утварь, рукописные книги разных согласий на Урале, в Поволжье, на Русском Севере.

Наряду с этим остаются актуальными единичные приобретения от частных лиц, коллекций от коллекционеров и покупка будущих экспонатов в антикварных магазинах. Конечно, поступления из таких источников зачастую определяются характером предложений, а не собирательской программой музея. Тем не менее, многие коллекции, предложенные частными лицами, можно охарактеризовать как уникальные, поскольку они формировались нередко на протяжении многих десятилетий и являются репрезентативными для изучения и представления культуры русского народа в экспозиционных и выставочных проектах.

Тарелки. Русские. 2007–2009 гг. Нижегородская обл., г. Городец. Поступление 2011 г. от частного лица. РЭМ 12933-4, 5

Сосуды «Квасник» и «Полкан». Русские. 2000-е г. Рязанская обл., г. Скопин. Поступление 2011 г. от частного лица. РЭМ 13067-2, 8

Из предложенных музеем частными собирателями выделим коллекции меднолитой утвари (братины, ендовы, кубки, поддужные колокольчики, светцы) и столоярных, плотничьих, кузнечных инструментов от коллекционера Л.В. Жукова – всего около 250 предметов конца XVIII – середины XX в. У известного вологодского собирателя М.В. Сухова музей приобрел коллекцию из 150 северодвинских прялок конца XIX – начала XX в., крестьянскую расписную мебель (буфеты, столы, сундуки, ларцы), праздничные выездные сани, детские колыбели. Обрядовые комплексы женского южнорусского костюма с юбкой начала XX в., собранные в с. Казацкое Бирючинского у. Воронежской губ., поступили в прекрасном состоянии от Т.А. Лопатиной.

Свистульки «Сорока» и «Казак на коне»
Сосуд «Казак на баране». Русские. 2011 г.
Курская обл., Суджанский р-н
Поступление 2012 г. от частного лица.
РЭМ 12957-5, 6, 7

Предметы мебели, пополнившие собрание отдела этнографии русского народа РЭМ, обращают на себя внимание необычайно яркими декоративными резными деталями, соперничающими с полихромной окраской. Предметы крестьянской мебелировки, ранее неизвестно представленные в собрании, расширяют круг представлений о региональном разнообразии как самих предметов, так и их декора, использованных художественных стилях.

По региону Юго-Запада России⁵ комплектуются коллекции, посвященные этнографии украинцев, белорусов, молдаван, евреев и дру-

гих народов. Выделенные Министерством культуры РФ целевые средства на приобретения экспонатов для строящейся экспозиции, позволили значительно пополнить собрание по еврейской традиционной культуре. В 2007 г. в РЭМ была построена экспозиция по истории и культуре евреев, проживающих на территории России, что потребовало поисков новых материалов и поступлений в собрание. Благодаря работе с коллекционерами, были приобретены предметы, характеризующие быт и культуру ашкеназских евреев. Наиболее полно представлена тема иудаики. Ее иллюстрируют предметы убранства домашнего и синагогального интерьеров, в том числе изделия из серебра; вещи, использовавшиеся в календарных и семейных праздниках: сосуды, бокалы, канделябры, указки, свадебные кольца, детали костюмов. Многие из перечисленных вещей представлены в экспозиции. Надо отметить, что предшествовавшие экспозиции временные выставки, рассказывающие об этнографии евреев, привлекли внимание посетителей, и некоторые из них, получив впечатление, стали приносить в музей предметы, до того хранившиеся в семьях.

В рассматриваемый период значительно сократились экспедиционные поездки и сборы, тем ценнее становятся поступления от частных лиц, которые предоставляют предметы традиционные, относящиеся к рубежу XIX–XX вв., и более поздние, позволяющие изучать развитие традиций в XX в.

Наибольшее количество экспонатов, пополнивших коллекции отдела, происходят с территории Центральной и Восточной Украины, представляя отдельные предметы этнографии

украинцев (предметы одежды, убранства интерьера: скатерти, полотенца, покрывала, дорожки, ковры). Вторую значительную группу поступлений составляет украинская керамика, стабильно сохраняющаяся на Полтавщине (посуда, предметы мелкой пластики). Третья группа включает коллекцию знаменитых расписных яиц – гуцульских писанок – до сих пор сохраняющуюся пасхальную традицию в западных областях Украины, а именно в Ивано-Франковской обл. В качестве единичных, но достаточно ценных предметов, ставших экспонатами музея, следует назвать живопись на стекле, музыкальные инструменты, роспись по бумаге, свадебный атрибут «саблю».

Приобретения, сделанные в Белоруссии и Молдавии, приводят к выводу о сохранении и развитии традиционного ткачества (скатерти, дорожки, полотенца, предметы одежды второй половины XX в.). Следует отметить приобретение бессарабских ковров, пополнивших уникальное собрание ковровой кладовой музея. Ценность поступивших безворсовых килимов заключается как в хронологическом диапазоне (конец XVIII – середина XX в.), так и в не встречавшихся ранее в нашем собрании сюжетных композициях. Следует особо отметить поступление в отдел предметов одежды и костюмов бессарабских цыган. Предметы, относящиеся к культуре этого этноса, не поступали в собрание с первой половины XX в. и являются свидетельством бытования вариантов женского костюма 1970-х гг. у цыган, живущих в Молдавии.

Конкуренцию отделу этнографии русского народа по количеству предметов, поступивших за отчетный период, может составить отдел Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Крыма⁶.

По региону Кавказа большую часть приобретений составили коллекции по этнографии народов различных историко-культурных областей Дагестана – Южного, Северо-Западного, Центрального и Восточного. Самую значительную по численности группу предметов насчитывают ворсовые ковры и безворсовые паласы как предметы быта с высоким культурным статусом, традиция изготовления которых в регионе не угасла по сей день. Уникальные вышивки ритуального назначения из селения Кайтаг в Центральном Дагестане, ювелирные украшения народов Дагестана представляют яркое явление региональной культуры, обозначенное традиционными и современными изделиями мастеров знаменитого селения Кубачи, а также работами лакских ювелиров. Среди хозяйственной утвари, поступившей в музей,

выделяется коллекция чеканных и литых металлических изделий разных типов из селения Лагич, керамические сосуды для воды из селения Балхар – знаменитого гончарного центра регионального значения.

Культура горских евреев и татов-иудаистов представлена предметами, каждый из которых дополняет небольшие коллекции по этим народам – это медный таз, пояс, подставки, ковры, изготовленные татами.

За последнее время на полсотни изделий пополнилась и без того уникальная ковровая коллекция музея. Ценным приобретением стали азербайджанские ворсовые ковры (15 предметов) из разных ковроткацких центров, безворсовые паласы-пардаги, мешки для вещей, переметные сумы грузин-тушин и хевсуров. Особую ценность представляет шерстяной ковер XIX в., изготовленный с применением натуральных красителей, – изделие армянских мастеров из Карабаха, одного из наиболее значимых центров ковроделия на Южном Кавказе.

Уникальным приобретением являются ювелирные изделия кавказских мастеров – золотые серьги из Южной Грузии. Такой значимый для грузин элемент культуры, как оружие, представлен редким типом кинжала в ножнах. Уникальные мужские и женские рубахи хевсуров, выполненные из традиционного материала и богато украшенные вышивкой, были приобретены сотрудниками музея во время экспедиции. Богатая и разнообразная традиция грузинской керамики представлена типичными для Восточной Грузии неполивными сосудами для воды и вина. Впервые за длительный период в собрание РЭМ поступили культовые предметы – кресты и мешочки-дарохранилища.

Значительно пополнилась коллекция армянской кухонной утвари первой половины XX в., среди которой выделяется котелок, изготовленный в архаичной технике ручной лепки; кувшины для воды, молока и сыра – гончарные, бытующие до сих пор и ценящиеся за свои потребительские качества. Музыкальные инструменты и их детали характеризуют развитие традиций в области народного творчества. В ходе работы над новой экспозицией «Народы Южного Кавказа» были выявлены и заполнены некоторые лакуны в собрании: коллекции музея пополнили образцы культовых предметов, бытовавших в армянской среде. Среди них – элементы облачения армянского священника и атрибуты богослужения, бытовавшие в армянских церквях в 1970-х гг. Они имеют аналогию с традиционными предметами того же назначения, структура и тип которых сложились

Скульптурная композиция
«Пасхальный ужин». Евреи.
1991–1992
Поступила в 2013 г.
от частного лица.
РЭМ, колл. 13084-4

Ковер. Курды. Начало XX в. Южный Кавказ, Борило. Поступление 2008 г. от частного лица. РЭМ 12631-8

Хурджин — сума переметная. Туркмены-текинцы. Конец XIX в.
Поступление 2011 г. от частного лица. РЭМ 12846-1

Рубахи мужские. Грузины-хевсуры. Первая половина XX в. Грузия.
Экспедиционное поступление 2012 г. РЭМ 13010-4, 5

к XVIII в. в армянской церковной среде и с тех пор не претерпели изменений. Весьма значимо поступление в собрание музея такого важного для армянской культуры предмета, как хачкар – каменной стелы, мемориального знака с изображением креста; до сих пор его не было в коллекции РЭМ. Заказанный современным армянским мастером, хачкар выполнен в лучших традициях древнего камнерезного искусства и является примером развития промысла в современной Армении.

Немногочисленные поступления по этнографии народов Крыма (крымских татар, караимов и крымчаков) составила группа вышитых предметов быта, а также женские ювелирные украшения – два крымско-татарских филигранных пояса, караимское кольцо европейской работы, крымчакский браслет. Были приобретены также курительная трубка крымских татар и караимский ковер, изготовленный на Южном Кавказе. Датируются данные предметы концом XVIII – XIX в. В собрание поступил также крымчакский брачный договор начала XX в., относящийся к категории редких памятников.

Значимым событием для истории собрания РЭМ стали поступления из среды приазовских (мариупольских) греков, проживающих в Донецкой обл. Украины. Благодаря целенаправленным экспедиционным сборам была сформирована коллекция, которую составили образцы гончарного производства, инструменты столяра, предметы убранства интерьера и утварь.

Большую часть приобретений по региону Средней Азии и Казахстана составили коллекции по этнографии узбеков и таджиков. В ряде случаев этническую принадлежность приобретенных материалов по этим двум народам четко определить сложно, поскольку они отражают практически единую культуру оседлого населения тех или иных земледельческих оазисов Средней Азии. Этот культурный пласт представлен, прежде всего, вышитыми предметами интерьера, которые в большом количестве изготавливались для приданого – покрывалами сюзани, занавесами для ниш, декоративными полотенцами, мешочками для зеркала, свадебными простынями, молитвенными ковриками и др. Памятники, большая часть которых датируется первой половиной XX в., ярко характеризуют быт оседлого населения региона, виды домашних ремесел, особенности декоративно-прикладного искусства. Вторую по численности группу составили предметы традиционного костюма, прежде всего женского: платья, штаны, платки, шапочки-волосники, тубетейки, головные накладки-фаранджи, халаты. К этой же

группе примыкают женские ювелирные украшения, среди которых наиболее полно представлены серьги и наконечники украшений разных типов. Большинство представленных предметов костюма и украшений датируются первой половиной XX в. и квалифицируются как редкие памятники. Приобретение многих из этих предметов стало возможным не в последнюю очередь благодаря сотрудничеству с коллекционером Виктором Кучеровым, который, выполняя поручения музея, разыскивал на современном антикварном рынке Средней Азии вещи редкие или отсутствовавшие до тех пор в собрании музея.

География узбекских и таджикских коллекций включает и регионы с преобладающим таджикским или узбекским населением – южные области Узбекистана и Таджикистана. Культура таджиков горных областей представлена свадебными комплексами, куда вошли декоративные настенные вышивки, лоскутные занавесы, наволочки, мешочки для зеркала, а также костюмы невесты. К числу уникальных предметов можно отнести свадебную лицевую занавеску таджиков Дарваза. Особую историко-культурную ценность имеет хорошо аннотированная крупная коллекция авторской лепной и гончарной таджикской керамики (утварь и игрушки).

Культуру полукочевых в прошлом узбеков характеризуют предметы убранства верховых и съезных животных, среди которых особый интерес имеет головная попона для верблюда свадебного каравана. В художественном отношении исключительно ценны вышивки узбеков-локайцев.

Основное содержание коллекций по этнографии туркмен закономерно представляют ковры и ковровые изделия второй половины XIX – первой четверти XX в. Как яркое явление декоративно-прикладного искусства, уникален занавес на дверь юрты туркмен-сарыков. Вторую по величине группу туркменских предметов составляют серебряные женские украшения, имеющие высокий историко-культурный статус. Предметы одежды туркмен представлены двумя старинными женскими головными нарядками с богатым вышитым декором, а также современным мужским костюмом (халат, пояс, шапка-тельпек) традиционного образца. Примером оружия как неотъемлемого элемента мужской субкультуры туркмен могут служить два ножа в ножнах и шашка.

В коллекциях по традиционной культуре киргизов в основном представлены вышитые предметы интерьера, которые и во второй половине XX в. сохраняли свое бытовые функции: свадеб-

ные занавесы-тушкииз, наволочки-жастьк на длинные подушки, настенные мешки разного назначения. Как для научной, так и для экспозиционно-выставочной работы РЭМ значительный интерес представляет полный комплект юрты, изготовленной в 1990-х гг. К категории редких памятников относятся вышитые предметы убранства коня, предназначенного для невесты и жениха в свадебном ритуале, а также такие предметы конской упряжи, как кожаный потник с тиснением и металлическими накладками, узда с металлическими накладками, стремена с серебряной насечкой. Весь комплект датируется первой четвертью XX в. Эти вещи имели широкое бытование, но они сохранялись недолго вследствие быстрой изнашиваемости. Уникальными памятниками можно считать предметы женского костюма киргизов – распашную юбку-бельдемчи, платье туникообразного покроя из домотканины, лицевую занавеску невесты.

Содержание коллекций по этнографии казахов обусловлено, прежде всего, целенаправленными полевыми сборами сотрудников в западных районах Казахстана. Их составили старинные и современные ювелирные украшения в традиционном стиле, текстильные предметы интерьера, атрибуты свадебного ритуала, предметы ухода за ребенком, амулеты. С точки зрения характеристики традиций узорного ткачества казахов интересна крупная коллекция полос для украшения и крепления юрты.

Указанный период стал важнейшим в истории формирования собрания по этнографии бухарских евреев. Приобретенные коллекции включили предметы костюма, украшения, предметы убранства интерьера, ритуальную и хозяйственную утварь. Все предметы имеют исключительное историко-культурное значение, учитывая то обстоятельство, что бухарские евреи в конце XX в. практически полностью покинули свою этническую территорию и дальнейшие приобретения в этом плане проблематичны.

Собрание РЭМ существенно пополнилось рядом ценнейших коллекций по народам Сибири и Дальнего Востока⁷, а также зарубежной Азии. В музей поступили коллекции по культуре чукчей, коряков, эскимосов, эвенов, якутов, тувинцев, алтайцев, ороков, нивхов, нанайцев, ульчей, долган, ненцев, хантов, нганасан, а также айнов, кхмеров, японцев, китайцев и монголов.

Коллекции содержат вещевые и иллюстративные памятники, отражающие различные аспекты традиционной культуры этих народов: предметы скотоводства, собирательства, берестяную и деревянную утварь, традиционные

костюмы, украшения, изделия декоративно-прикладного назначения, буддийские предметы. Хронологические рамки экспонатов – XVII – начало XXI в. Большую научную и музейную ценность составляют мужские, женские и детские костюмные комплексы бурят, калмыков и монголов – шелковые халаты, безрукавки, обувь, головные уборы, а также серебряные украшения и аксессуары – парные пряжки с ножом в ножнах и огнивом, курительная трубка, оправленная серебром, навершие головного убора, серьги и перстни с коралловыми вставками, нагрудная подвеска. Особую ценность представляют буддийские предметы бурят и монголов: бронзовые и глиняные скульптуры и иконы божеств, нагрудные ладанки, четки. Некоторые из них, как, например, бронзовая скульптура «Амитаюс» (Непал, XVII в.), бытовавшая в Монголии, являются уникальными в собрании РЭМ.

В Российском этнографическом музее всегда уделялось внимание косторезному искусству народов Севера России. С 2006 г. на специализированной экспозиции, посвященной изделиям из кости, рога, перламутра, янтаря, представлены лучшие образцы ремесла разных народов. Продолжая пополнять собрание, музей приобрел около двухсот предметов из бивня мамонта, рога горного барана и лося, выполненных якутскими и чукотскими народными мастерами, среди которых особую ценность представляют работы Ф.И. Маркова и К.М. Мамонтова. За последнее время собрание музея пополнилось замечательными образцами косторезного и гравировального искусства чукчей и эскимосов, главным образом за счет поступлений от частных лиц. Хочется отметить и поблагодарить известного этнолога и коллекционера В.А. Тишкова, который предоставил музею для приобретения свою коллекцию. Благодаря этому в фонды РЭМ поступили скульптуры и гравированные клыки моржей, выполненные мастерами, работавшими в 1940–1980-е гг. в Уэленской косторезной мастерской.

Большое научное и музейное значение имеют алтайские (теленгитские) серебряные женские наконечники украшений сакузын, которые можно назвать уникальными. Наконечники такого типа, изготовленных во второй половине XIX в., до сих пор не было в музейных собраниях, и упоминались они только в этнографической литературе. Комплекс тувинского парадного убранства верхового коня – узда-чугэн и седло-эзер (вторая половина XIX – начало XX в.) – крайне редкий памятник в коллекциях музеев, т.к. аналогичные предметы перестали бытовать в середине XX в. Традиционное тувинское седло

(1930-е гг.) богато декорировано серебром, рогом и четырьмя монетами номиналом 20 копеек Тувинской Народной Республики 1934 г. выпуска. Монеты сами по себе являются нумизматической редкостью, а сам факт их использования для декора убранства коня зафиксирован впервые.

Уникальные вещи были собраны у нанайцев во время экспедиции в Хабаровский край в 2004 г. научного сотрудника РЭМ Н.Б. Марголиной. Это женский свадебный халат покроя кимоно, сшитый из разноцветного ситца, с ритуальной символикой на спинке. Такие свадебные халаты в настоящее время – большая редкость, и их приобретение – крупная удача для собирателя.

Ненецкие предметы, связанные с оленеводством, инструменты, используемые при обработке дерева, несколько образцов домашней утвари из дерева и меха оленя приобретены во время экспедиций в Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО. Значительную часть коллекции составляет одежда: детская зимняя, женская повседневная и праздничная одежда, украшенная яркими мозаичными узорами, полный мужской зимний костюм. В регионе, где во многом уже утрачена традиционная культура, этот комплекс предметов еще бытует в настоящее время.

Во время поездки к хантам были приобретены ритуальные предметы. Особую ценность представляет бубен с колотушкой, использовавшийся вплоть до настоящего времени при совершении обрядовых действий, и предметы, связанные с Медвежьим праздником. Подобные вещи представлены в музее единичными экземплярами, приобретенными в начале XX в.

Значительный научный интерес представляют предметы оленеводства: оленья упряжь юганских хантов, пояса для оленей, украшенные мозаичным орнаментом из окрашенной ровдуги, характерные только для этого района, и недоуздки на оленя с нащечными пластинами, сделанными из бивня мамонта. В связи с тем, что оленеводство у юганских хантов было утрачено более 30 лет назад, приобретение подобных предметов в настоящее время – исключительно заслуга сотрудников-собирателей.

Большую часть коллекции составляют разнообразная утварь из бересты и дерева, пихтовой коры, часть из которой украшена традиционными орнаментами, выполненными в технике выскабливания, а также женская и детская одежда, украшенная бисером и аппликацией. Большим своеобразием отличается расшитая орнаментами обувь юганских хантов, которая кроме этого региона нигде больше не встреча-

ется. Особый интерес для музейного собрания представляет коллекция традиционных детских игрушек, состоящая из кукол, погремушек, сделанных из пищевода лебедя. В целом, коллекции, собранные у юганских и аганских хантов, дают представление о локальных особенностях, присущих культуре этого народа в прошлом и в настоящее время.

Основную часть коллекции по культуре нганасан составляет богато орнаментированная меховой мозаикой традиционная меховая мужская, женская и детская – праздничная и повседневная – одежда, которая в настоящее время практически вышла из употребления. Отдельно стоит отметить исключительно редкую вещь: погребальный, декорированный особым образом меховой мешок, в который заворачивали покойника, прежде чем захоронить его в тундре. Подобные предметы исключительно редки в музейных собраниях страны, они изготавливались заранее и хранились в семье, но приобрести их очень сложно, так как в них нуждались сами носители культуры.

Большое научное и музейное значение имеет коллекция, привезенная сотрудниками из экспедиции на Чукотку. Это современная меховая одежда, различные инструменты, утварь и предметы культа – связка домашних амулетов и прибор для добывания священного огня, а также шаманский бубен.

Для Российского этнографического музея небезыносительными в сравнительном плане оказались коллекции по народам Юго-Восточной Азии. Имеющиеся в собрании коллекции по японской этнографии дополнили предметы традиционной одежды и аксессуаров. В китайские коллекции вошли датированные началом XX в. замечательные образцы женской праздничной одежды из шелка, украшенной изысканной вышивкой. От частного коллекционера поступили две коллекции предметов быта кхмеров и бхотиев, насчитывающие почти 200 предметов. Они являются единственными в собрании музея, характеризующими культуру этих народов. Их составили образцы декоративно-прикладного искусства, утвари, одежды, а также бытовые и культовые предметы.

Основная часть памятников традиционной культуры прибалтийско-финских народов была собрана во время плановых экспедиций сотрудников отдела этнографии народов Северо-Запада и стран Балтии⁸ и датируется концом XIX – первой половиной XX в. Поступившие в музей предметы ярко характеризуют региональную самобытность этнических культур местного коренного финноязычного населения:

основные занятия, повседневный быт и семейный уклад, виды домашних ремесел (кузнечество, обработку дерева, гончарство, ткачество, вышивка), особенности народного декоративно-прикладного искусства, а также духовную культуру.

Как уникальные могут быть охарактеризованы вещевые материалы по исчезающей культуре старообрядческих групп карел (моленные костюмы и другие предметы одежды, лестовки, киотный крест, утварь, музыкальные инструменты, орудия прядения и ткачества). К уникальным же памятникам по этнографии олонечских карел могут быть отнесены поступившие в 2009 г. выездные сани середины XIX в., украшенные цветочным узором.

Содержание коллекций по этнографии вепсов обусловлено прежде всего целенаправленными полевыми сборами на территории коренного проживания данного этноса. Приобретенные в Бокситогорском, Лодейнопольском, Подпорожском и Тихвинском районах Ленинградской области вепские коллекции демонстрируют наибольшее тематическое и локальное разнообразие: орудия земледелия, прядения и ткачества, предметы охоты, ремесленные изделия, утварь из бересты, дерева и глины, народный костюм, предметы интерьера. Важно, что многие новые поступления, например, собранные в вепских деревнях Ярославичи и Немжа, заполнили географическую и хронологическую лакуны вепского собрания РЭМ. Неоспоримую ценность представляет небольшая коллекция керамики, демонстрирующая современное состояние традиционного вепского ремесла. Глиняные игрушки – миски, бочонок, сахарница, кувшин, жаровня, супница – являются репликами с продукции, производимой ООО «Оятская керамика» до 2004 г. Они дополняют собрание оятской керамики, фонд которой отдел этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики комплектует с 1970-х годов.

Экспонаты, приобретенные в экспедициях или от частных лиц по этнографии ингерманландских финнов, ижоры, колонистов петербургской губернии (немцев и шведов), могут быть охарактеризованы как памятники, «случайно сохранившиеся» в семейных собраниях до настоящего времени. Большую часть из них составляют предметы быта – типовые памятники культуры, дополняющие собрание музея. Тем не менее, и среди них можно выделить такие раритеты, как лыжи, самопрялка, сапоги, курительные трубки, свадебное финское полотенце.

За истекший период в фонды РЭМ поступили редкие предметы традиционной женской

одежды саамов, бытовавшие в конце XIX – начале XX в. в Мурманской обл., в том числе национальная глухая одежда – малица, головные уборы, зимняя детская обувь – бурки.

После 1991 г. по целому ряду причин экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность на территории стран Балтии (Латвии, Литвы и Эстонии) не проводилась вплоть до 2009 г. Поступления в фонды музея в этот период носили эпизодический характер. У частных коллекционеров, а также эстонцев и латышей, проживающих в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Псковской обл., были приобретены типовые предметы убранства интерьера, домашнего обихода и предметы одежды, изготовленные в 1920–1940-х гг. Особо следует выделить вещевые памятники 1920–1970 гг., приобретенные на территории Западной Псковщины, демонстрирующие особенности этнических культур пограничья в местах совместного проживания латышского (латгальского), эстонского, сетоского и русского населения.

Начиная с 2008 г. сотрудники отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики возобновили комплектование прибалтийского фонда путем приобретения вещевых памятников во время посещения культурных мероприятий (выставок, дней ремесел), проходящих непосредственно в РЭМ. Так, в рамках «Дней старинных литовских ремесел» были отобраны вещи, выполненные народными мастерами Литвы в середине 2000-х гг. Состав коллекций музея пополнили высокохудожественные ювелирные изделия (украшения и предметы культа) из металла, янтаря, в том числе серебра, этно маркирующие предметы одежды и убранства интерьера. Данное собрание свидетельствует о современном этапе развития народных промыслов Литвы, представленных теперь и в жанре исторической реконструкции, который получил начиная с 1990-х гг. широкое развитие как в Литве, так и в других странах Европы. Это явление отражает общую тенденцию в проявлении интереса общества к национальной и региональной истории и культуре и, как следствие, высокому уровню развития современного историко-реконструкторского движения в целом.

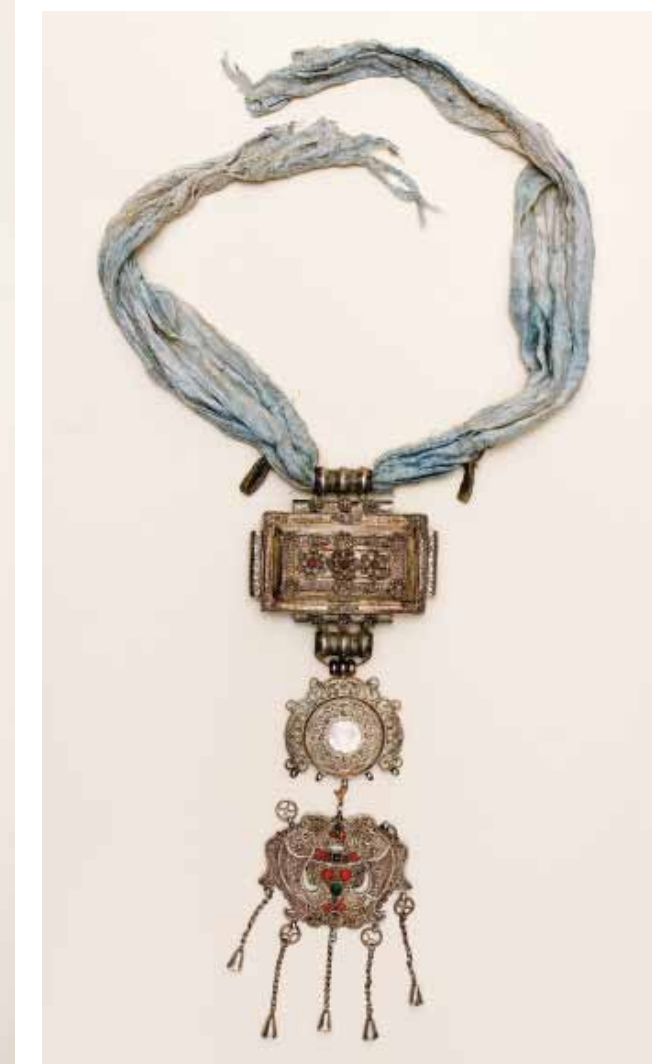
В 2009–2010 гг. после заключения договора о сотрудничестве с Эстонским национальным музеем (г. Тарту, Эстония) состоялись две экспедиции в юго-восточную историко-культурную область Эстонии (Пылваский и Вырусский у., 2009) и на о-ва Сааремаа и Муху. Во время целевой командировки в Латвию были приобретены уникальные фольклорные комплексы ливской

Короб для одежды. Ханты.
2000 г. ХМАО, Сургутский р-н, река Юган
Экспедиционное поступление 2011 г.
РЭМ 12854-10 / 1, 2

Сметка из крыла гагары. Ханты.
2006 г. ХМАО, Нижневартовский р-н
Экспедиционное поступление 2011 г.
РЭМ 12854-2³

Головной убор и комплект девичьих праздничных украшений. Буряты. 1940-е гг. Бурятия, Джидинский р-н
Поступление 2013 г. от частного лица.
РЭМ 13118-1, 2, 3, 4

Тюрик – женский головной убор.
Марийцы луговые. 1940-е гг.
Кировская обл., Уржумский р-н, г. Тюмтюм
Поступление 2011 г. от частного лица.
РЭМ 12909-5

и латышской одежды, а также другие предметы латышского народного декоративно-прикладного искусства.

Поступления в отдел этнографии Поволжья и Приуралья⁹ характеризуют культуру финно-угорских и тюркских народов Волго-Уральского региона: коми, удмуртов, мордвы, марийцев, чувашей, башкир, татар и соответствуют традиционным исследовательским темам: «Костюм», «Украшения», «Ремесла и промыслы», «Орудия труда», «Убранство жилища», «Традиционное воспитание детей», «Культовые атрибуты». Вновь поступившие экспонаты по времени изготовления охватывают временной период с конца XVIII по начало XXI в.

Коллекции, характеризующие традиционную культуру коми, включают повседневную и промысловую одежду, домашнюю утварь. Поступившие в результате экспедиционных сборов атрибуты старообрядческой культуры разных групп коми до сих пор не были представлены в музейном собрании.

Предметы традиционной культуры марийцев – это памятники, характеризующие разные аспекты жизни и быта марийцев различных групп: восточных, луговых и горных в период с конца XIX по начало XXI в. Среди них особенно ценным приобретением можно считать предметы женской одежды, которые иллюстрируют утраченный пласт в истории костюма луговых марийцев. В регионе вещи этого времени изготовления и такой сохранности стали редкостью.

Редким приобретением, характеризующим традиционную культуру удмуртов, стал ныпъет – приспособление для переноски детей. Традиция изготовления подобных вещей сохранялась в удмуртских деревнях вплоть до конца XX в. Сотрудники отмечают, что вещевые коллекции музея из Алнашского р-на Республики Удмуртия немногочисленны, а экспедиции в этот район могут быть интересными в плане изучения межэтнических контактов, в частности, южных удмуртов и татар. Ценным пополнением собрания памятников традиционной культуры удмуртов является комплект женских украшений, поскольку подобные предметы в настоящее время приобрести в регионе практически невозможно.

Марийское собрание РЭМ пополнилось предметами домашней утвари, которые из-за активного использования в быту обычно недолговечны. Предметы же, приобретенные в экспедициях 2009–2010 гг., при всей типичности и традиционности имеют хорошую сохранность, что повышает их экспозиционный потенциал. Уникальным приобретением являются и конопляные рубахи-дэрем конца XIX – начала XX в.

Изделия из конопли практически вышли из сферы широкого бытования еще в первой трети XX в. в связи с прекращением выращивания этой технической культуры в крестьянских хозяйствах. Одежда, изготовленная в середине XX в., демонстрирует костюмную традицию, сохраняющуюся по сей день.

Вещевые коллекции мордовских памятников включают детали мужского и женского традиционных костюмов (рубахи, платки, пояса, лапти, головные уборы, украшения), орудия ремесла (в том числе ткацкий стан); утварь (самовар, бочку, маслобойку, кузова, короба и проч.). Время изготовления большинства предметов относится к началу XX в., однако подобные вещи бытуют до сегодняшнего дня. Приобретенные экспонаты существенно дополняют коллекции по этнографии разных групп мордвы Нижегородской и Самарской обл. и некоторых районов Республики Мордовия.

Стоит отметить коллекцию по традиционной культуре чувашей, в состав которой входит хушпу – головной убор, бытовавший еще в XIX в., позатылень, шейное украшение и перевязь. Монеты, которыми обильно украшены изделия, относятся не только к XIX, но и к XVIII веку, некоторые из них на данный момент признаны очень редкими. Из других вещей представляет интерес галстук с национальной чувашской вышивкой, являющийся отличным примером совмещения древних традиций в прикладном искусстве с элементами современного городского костюма.

Памятники по этнографии башкир характеризуют отдельные аспекты традиционной культуры этого народа как с основной территории проживания этноса, так и периферийной группы (бардымские башкиры): одежда, убранство жилища, предметы культа.

Татарские коллекции отражают различные стороны бытования традиционных памятников у разных групп татар (казанских, мишарей, кряшен, нагайбаков). Это, прежде всего, костюмные комплексы и отдельные детали костюма, детали убранства жилища (в первую очередь вышитые и тканые полотенца), бытовые и культовые предметы. Особенно ценными представляются костюмы и украшения, которые прекратили активно бытовать в первой трети XX в.

Отрадно, что число поступающих предметов год от года примерно одинаково, однако тенденция сохранения количественных показателей поступлений порождает одну бесконечную на настоящий период времени проблему в Российском этнографическом музее – недостаток площадей для фондового хранения. Особенно остро эта проблема встала в 1990-е гг., когда по приня-

тому решению началось переоборудование и ремонт хранилищ. Установка нового современного оборудования позволила увеличить емкость уже имеющихся помещений, улучшить условия хранения, хотя это не решило и не решит проблему в целом.

Как представляется, обозначенные в обзоре предметные комплексы требуют не только учета, но и полной каталогизации и публикации, введения их в научный и выставочный оборот. Многие из единичных предметов были уже представлены на выставках, а некоторые, как, например, костюмные комплексы из с. Секирино Пензенской обл., удостоились отдельной выставки.

Накопленный с начала XXI в. материал, безусловно, требует более углубленного научного анализа, чем простого обзора. Уже сейчас в различных дискуссиях высказывается мнение о новых тенденциях в экспедиционно-собирающей деятельности. Это не исключает комплектования предметов быта и искусства, как и прежде характеризующих культуру того или иного этноса с точки зрения собирателя. В совре-

менных условиях чаще приходится фиксировать реконструкции в традиционных ремеслах и промыслах, чем непосредственное бытование традиционных предметов. Осмысление этнографического «поля», создание концептуальной программы Российского этнографического музея по научно-собирающей работе помогут, как представляется, совершенствовать и программу комплектования музейных фондов. Тем не менее, не стоит забывать, на наш взгляд, и о развитии современного музейного дела в регионах. За последнее десятилетие повысилась здоровая конкуренция со стороны региональных музеев и в экспозиционно-выставочной и собирающей деятельности. Российский этнографический музей, являясь методическим центром развития этнографического музееведения, стремится не только декларировать, но и показывать пример в эволюции применения накопленных этнографических знаний: таких как систематизация материалов, их научная атрибуция, описание, представление на выставках и в экспозициях.

¹ Шангина И.И., Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. – СПб., 1998; Дмитриев В.А. Государственный музей этнографии – свой путь между идеологией и наукой // Музей. Традиции. Этничность. – № 2. – 2012.

² Лысенко О.В., Прокопьева Н.Н. Коллекция и собиратель: этнографическая реальность и ее интерпретация // Живая старина. – № 3. – 1998; Ивановская Н.И., Чувьюров А.А. Сергей Иванович Сергель: этнограф и путешественник. – СПб.: Славия, 2011.

³ Дмитриев В.А. Указ. соч. – С. 18.

⁴ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии русского народа предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

⁵ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии Украины, Белоруссии, Молдавии

предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

⁶ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии Кавказа, Средней Азии, Казахстана и Крыма предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

⁷ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии народов Сибири и Дальнего Востока предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

⁸ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

⁹ Экспертное заключение о поступлениях в отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья предоставлено отделом на ЭФЗК РЭМ для включения предметов в Музейный фонд РФ в 2012 г.

По следам этнографических экспедиций XX – начала XXI века: опыт комплектования и популяризации фотографических коллекций

КАРИНА ЮРЬЕВНА СОЛОВЬЕВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Заведующая отделом фотографии
e-mail: karinasol@ethnomuseum.ru

Статья посвящена проблемам популяризации фотографических коллекций в настоящее время. В ней рассматриваются разные подходы к сбору фотографического материала, сложившиеся в первые годы работы музея, в начале XX века. Одним из новых направлений в начале XXI века стала организация экспедиций по маршрутам предшественников исследователей. Такая тематика была заявлена в совместном проекте «Разная земля» автора идеи и куратора С.С. Сардарова и сотрудников Российского этнографического музея Д.А. Баранова и К.Ю. Соловьевой. Проект посвящен знакомству с культурами, которые в силу разных причин (географической удаленности, определенной изолированности) сохранили свою этническую индивидуальность. Первые три книги серии «Разная земля» и проанализированы в данной статье.

Ключевые слова: визуальная антропология, фоторепрезентация, этнографическая экспедиция, традиционная культура в условиях глобализации.

UDC 39

In the Wake of Ethnographic Expeditions of the 20 – beginning of 21 century: Experience of Recruitment and Promotion of Photographic Collections

KARINA YU. SOLOVYEVA

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Head, Department of Photography
e-mail: karinasol@ethnomuseum.ru

The paper deals with the problems of publicising photographic collections at the present time. It examines different approaches towards the collection of photographic material that formed during the early years of the Museum's existence at the beginning of the 20th century. One of the new trends in the Museum's work in the early 21st century became the organisation of expeditions following the routes of earlier explorers. This topic was announced in the Land of Diversity project conceived by S.S. Sardarov in cooperation with D.A. Baranov and K. Yu. Solovyeva, staff members of the Russian Museum of Ethnography. Central to this project is gaining knowledge of those cultures which due to various reasons, for example, geographic remoteness and a certain degree of isolation, have preserved their ethnic individuality. The paper examines the first three books in the Land of Diversity series.

Key words: visual anthropology, photographic representation, ethnographic expedition, traditional culture and globalization.

Фотоархив Российского этнографического музея насчитывает более 200 тысяч единиц хранения и является одним из крупнейших среди музеев страны. В нем хранятся фотографии, охватывающие период с середины XIX в. до настоящего времени и представляющие культуру народов России и сопредельных территорий.

В отечественных этнографических исследованиях фотографию стали активно использовать практически одновременно с ее появлением: с середины 1850-х гг. В конце XIX – начале XX в. изображение жизни Российской империи стало неотъемлемой частью политики власти: посредством фотографии фиксировалось конфессиональное и этническое разнообразие территорий, что облегчало контроль и делало подотчетным и видимым происходящее в губерниях. Все это предопределило особую роль этнографической фотографии в музейных собраниях.

Уникальное место в этом ряду суждено было занять Этнографическому отделу Русского музея Императора Александра III (ЭОРМ). В 1897 г. Николаем II было утверждено положение о музее, в котором отмечалось, что «Музей основан в память Императора Александра III, имея целью соединить все, относящееся к его личности и истории Его Царствования, и представить ясное понятие о художественном и культурном состоянии России»¹. Опыт, накопленный отечественной наукой и сложившейся музейной практикой к началу XX в., определил принципиально новые подходы в формировании создававшегося музея. Первый заведующий отделом Д.А. Клеменц это формулировал так: «Этнографический отдел должен являться и сам по себе Центральным Государственным музеем в России, необходимость которого давно уже живо ощущается интересами русской науки и национальной мысли. Россия со своим 70 миллионным русским населением, раскинувшимся по всему северу и северо-востоку старого континента, сумевшим приспособиться к самым разнообразным условиям жизни, и при всем этом сохранившим свою национальную самобытность, включает в себе чрезвычайное разнообразие особенностей духовного и материального быта. Не меньший интерес представляют инородческие племена России и приграничных стран, стоящие на самых различных ступенях культурного развития <...>. Великорусское племя является связывающим звеном целого ряда разнороднейших национальностей»².

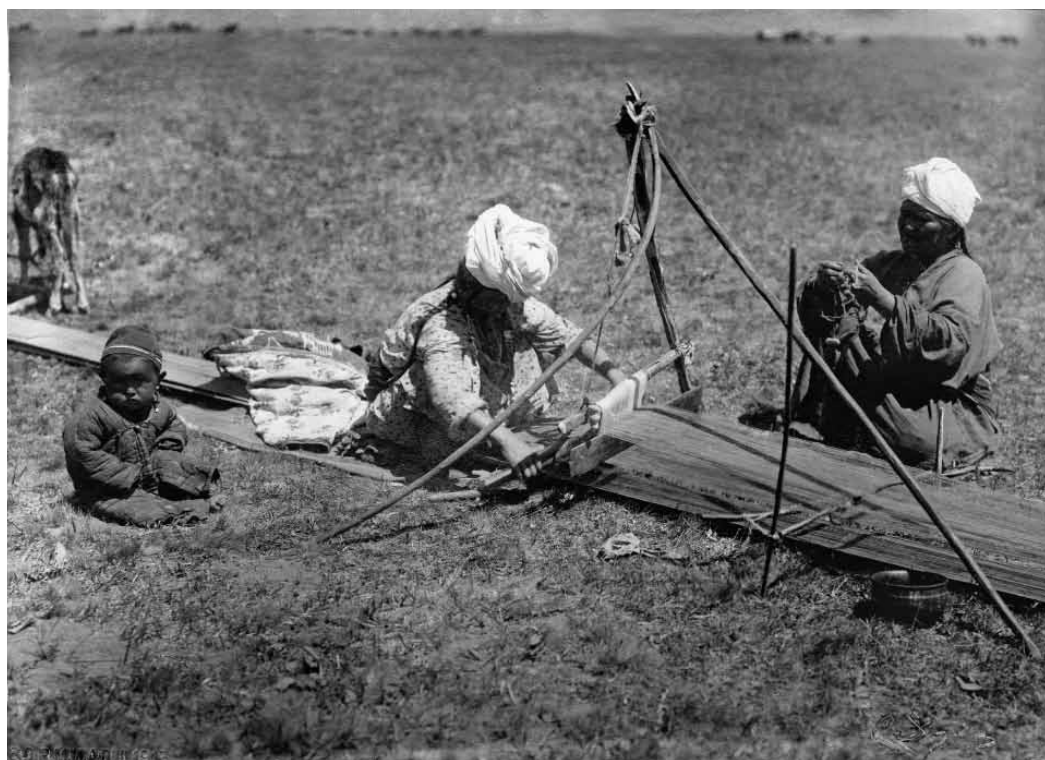
В первое десятилетие работы ЭОРМ были заложены фундаментальные основы уникального фотоархива, не имеющего аналогов в российских музеях. Уже в 1900 г. по рекомендации

академика В.В. Радлова (директора Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук), художник Самуил Мартынович Дудин был командирован в Среднюю Азию для сбора коллекций и фотографирования «типов разноплеменного населения этой области»³. Знаменательно, что такая важная миссия была поручена именно С.М. Дудину, исследователю, фотографу, явившемуся основоположником методики научной этнографической съемки. В «Записке о работах С.М. Дудина для Этнографического отдела Государственного Русского музея» от 26 июля 1902 г. говорится: «Самуил Мартынович Дудин принял участие в работах Этнографического Отдела со времени его основания и был первым собирателем его коллекций. Еще в 1900–1902 гг. С.М. Дудин по поручению Русского музея совершил три экспедиции в Восточный и Западный Туркестан, во время которых собрал <...> обширные и ценные в научном отношении коллекции: археологические (керамика обиходная и декоративная), этнографические (одежда, ковры, ткани, украшения, предметы и орудия народной техники, домашнего хозяйства и пр.) и фотографические. Этнографические и археологические коллекции (3359 предметов), ценные по количеству, полноте, подбору и научному значению, вместе с фотографическими коллекциями (1726 негативов), отличающимися большим техническим мастерством, были приняты Русским Музеем, систематизированы, описаны самим собирателем С.М. Дудиным и послужили основным научным фондом для организовывавшегося в то время Этнографического отдела...»⁴. Таким образом, именно фотографические коллекции С.М. Дудина открыли новое направление как в полевой, так в целом и в музейной работе: было положено начало целому направлению Этнографического отдела – комплектованию его фотоархива.

Фотография занимала значительное место в деятельности исследователя. Тщательная подготовка к экспедиции включала и составление строго обдуманной и подробно составленной программы фотосъемок. Во избежание работы случайного характера Дудин отмечал, что нельзя будет «отделаться 4–5 сотнями негативов, их нужно исполнить гораздо более 1000»⁵. Для поездки собиратель выбрал две камеры с широкоформатными объективами Держи и Зутера, затвор Торнуот-Пикара; также были приобретены 100 дюжин стеклянных негативов форматом 18 x 24 и 35 дюжин – 9 x 12 Илфорд Импресс⁶. Однако, столкнувшись в экспедиции со сложностью съемки живых сцен, костюмов при контрастности естественного освещения

Кочевка. Алайская долина. Киргизы. Фотограф С.М. Дудин. 1901

Тканье верблюжьей армячины. Алайская долина, урочище Гукдеве. Киргизы. Фотограф С.М. Дудин. 1901

Летовка в долине реки Суусамыр. Киргизстан. Киргизы. Фотограф А.В. Жилин. 2011

(яркое солнце – тень), С.М. Дудин сообщает о необходимости приобретения еще двух объективов: широкоугольного «Цейс» серии Н № 4 или 5, а также быстроработающего для типов групп и ландшафтов «что-нибудь типа Цейса № 15»⁷.

С.М. Дудин разработал новые подходы к экспедиционной съемке, которые с успехом были реализованы в разных этнографических экспедициях начала XX в. Коллекциям ученого, вошедшим в «золотой фонд» музея, суждено было стать для его сотрудников безусловным критерием научного подхода, отличавшегося сочетанием глубокого знания предмета с интуицией исследователя и профессиональным владением фотокамерой. Позднее в своей итоговой работе об этнографической фотографии ученый отмечал, что «область, подлежащая фотографической фиксации, почти так же широка и неограничена, как и область художника. При этом у фотографа будет еще преимущество скорой работы и фиксации тем, последнему совершенно недоступных <...> и материал, доставленный

фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола»⁸.

Систематический сбор музейного собрания начался только в 1903 г. Указом от 23 марта 1902 г. на должность хранителя музея был назначен Николай Михайлович Могиланский. С конца ноября 1901 г. на специальных совещаниях под председательством Августейшего управляющего Русским музеем Императора Александра III Великого князя Георгия Михайловича обсуждалась программа сбора этнографических материалов для будущего Отдела музея. В совещаниях принимали участие известные ученые, академики, работавшие в Императорской Академии наук, Санкт-Петербургском университете, Русском географическом обществе, Императорской публичной библиотеке, Академии художеств. Главное внимание во время обсуждения было направлено на принятие положения о структуре и деятельности будущего Этнографического отдела: было признано необходимым при комплектовании коллекции держаться

географического порядка (не племенного), но проводить его не очень строго. Также предполагалось при полной финансовой поддержке государственной казны систематическое пополнение коллекций вещами и фотографиями, их систематизация, описание, внесение в списки, печатание. Каждый предмет из поступающих в музей коллекций должен был регистрироваться, т.е. он получал двойной номер: коллекции, к которой принадлежит, и второй – специально ему принадлежащий⁹.

С самого начала работы отдел обратил свое внимание на приобретения этнографических материалов в виде фотографических снимков и негативов. С этой целью были куплены фотографические аппараты, после чего «всякая экспедиция или небольшая экскурсия, организованная отделом, снабжалась, по возможности, «аппаратами и пластинками»¹⁰. Отснятые негативы привозились в отдел, где проявлялись и регистрировались наравне с другими коллекциями. Такая методика работы с фотоколлекциями определила уникальное место и значение фотографического архива в музее. Фотографии были придан высокий статус, по своему значению она была приравнена к этнографическому памятнику: система комплектования и описания фотографических коллекций с самого начала была идентична вещевым. Лучшим средством для сбора материала были признаны командировки.

Таким образом, в музейной работе приоритетами стали масштабная экспедиционно-собираТЕЛЬСкая деятельность и работа с корреспондентами в разных регионах. В ее основу были положены тщательный отбор поступающих в музей материалов, их точная атрибуция и систематизация. В полевой работе этого периода можно выделить разные подходы к сбору фотографического материала. В основном исследователи (С.А. Дудин, Н.М. Могилянский, Ф.Я. Кон, С.И. Руденко, А.К. Сержпутовский) во время экспедиций сами производили съемку (обычно такие поездки носили долговременный характер). Иногда ученые приглашали в экспедицию фотографа: Л.В. Костиков и К.К. Романов во время экспедиций в Архангельскую и Вологодскую губернии сотрудничали с фотографом А.Н. Павловичем, А.А. Макаренко, работая в Восточной Сибири, – с К.А. Масленниковым, В.Н. Васильев на Дальнем Востоке – с Б.Д. Ги-мером. И совсем в редких случаях фотографы отправлялись в самостоятельную поездку (например, А.Н. Павлович). Также в архив поступали коллекции от частных собирателей, любителей и ценителей этнографии.

В своих научных отчетах, большей частью опубликованных в дореволюционных «Материалах по этнографии», исследователи активно использовали фотографический материал. К 1912 г. в фонд музея поступило более 10 тысяч негативов и 12 тысяч отпечатков. Фотографические коллекции, как отмечал первый хранитель музея Николай Михайлович Могилянский, всегда предоставлялись в распоряжение ученых, различных специалистов, в том числе и художников, для научных, учебных целей и с целью популяризации¹¹.

Возросший в последние годы интерес к фотографии как художественному явлению и историческому документу выявил новый круг вопросов, касающихся популяризации бесценных фотографических коллекций. Процесс поиска новых подходов, позволяющих интерпретировать происходящее сегодня, а также выстраивать диалог между настоящим и прошлым, показал, что реализация этих идей успешна в рамках долгосрочных проектов. Одним из направлений стало проведение экспедиций по маршрутам исследователей первой трети XX в.

Именно данная тематика была заявлена в совместном проекте «Разная земля» автора данной идеи С.С. Сардарова и сотрудников Российского этнографического музея Д.А. Баранова и К.Ю. Соловьевой. Проект посвящен знакомству с культурами, которые в силу разных причин (географической удаленности, определенной изолированности) сохранили свою этническую индивидуальность. Концептуальным стержнем проекта стал образ человека в контексте культурного ландшафта начала XX и XXI в.

В 2010–2104 гг. он был реализован в виде организации экспедиций в районы, в которых работали исследователи первой трети XX в. Соответственно результатом полевой работы стали издания «В поисках Беловодья», «В ритме кочевий», «Две Югры», объединенные общим названием серии – «Разная земля»¹². Поездки осуществлялись сотрудниками музея и приглашенными профессиональными фотографами.

В качестве объекта репрезентации были выбраны сообщества, предлагающие в определенном смысле альтернативный европейскому стиль жизни: алтайские старообрядцы, киргизы, обские угры – ханты и манси. Отличительной особенностью серии явилась одновременная публикация уникальных музейных фотографий и документов XIX – первой трети XX в. и материалов, собранных в период этнографических экспедиций в 2010-х гг. в те же регионы. По замыслу авторов был выбран альбомный формат, который позволяет акцентировать внимание на наиболее ярких и запоминающихся обра-

зах культуры, где исторические и современные фотографии сопровождаются комментариями этнографов (в каждом издании дана своя интерпретация визуального ряда). Такой прием также дает возможность не только совершить своеобразное путешествие во времени и пространстве и погрузиться в иные культурные контексты и реалии, но и увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять сквозь узвание в нем «своего».

Первым изданием серии «Разная земля» явилась вышедшая в 2010 г. книга-альбом «В поисках Беловодья» на русском и английском языках (подобный формат выдержан и в последующих изданиях)¹³. Название книги связано с возникшей на рубеже XVIII–XIX вв. легендой о далекой вольной земле, свободной от правительственного надзора, в которой сохранилось истинное православное священство¹⁴. В издании, посвященном староверам Горного Алтая и Бухтармы, авторы попытались представить собирательный образ их культуры. Этим во многом обусловлена структура книги. В первой части традиционная жизнь староверов показана посредством соединения текста и уникальных монохромных фотографий первой трети XX в. из собрания РЭМ. Уникальные фотографии 1903 г., запечатлевшие способы рыбной ловли, охоту на маралов, из коллекции выдающегося этнографа Феликса Яковлевича Кона знакомят с культурой староверов – «поляков» Горного Алтая. Коллекции 1912–1920-х гг. знаменитого экономиста, члена Русского географического общества Сергея Порфирьевича Швецова, работавшего на Алтае и в Казахстане в первой четверти XX в., представлены выразительными портретами и видами деревни Черемшанка. Характерные черты традиционной жизни старообрядцев Бухтармы наиболее ярко и полно отражены в фотографиях из коллекций А.Н. Белослюдова (1912–1914) и сотрудников музея Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринковой (1927). Вторая часть книги «Староверы Алтая начала XXI века» знакомит с материалами этнографической экспедиции 2010 г., в которой участвовали сотрудники Российского этнографического музея А.Б. Островский и А.А. Чувьюров и приглашенный художник-фотограф член Союза дизайнеров России А.В. Жилин. Современная жизнь потомков искателей легендарного Беловодья показана посредством иных визуальных средств: цветных фотографий выполненных А.В. Жилиным. Фотографии – разнообразные по композиции и колориту пейзажи деревень, сцены повседневной жизни, обрядовые практики, портреты пожилых людей и молодежи, отличающиеся особым психоло-

гизмом, – отражают многогранную жизнь современных староверов.

Издание «В ритме кочевий» посвящено культуре исконных кочевников-скотоводов – киргизов¹⁵. Фотографии Н. Нехорошева из Туркестанского альбома (1860–1870), Б.Л. Громбчевского, возглавлявшего экспедиции Русского императорского географического общества (1888–1890), С.М. Дудина, работавшего в Киргизии в 1901–1902 годах, петербургского фотографа Б.Д. Ги-мера (1910-е) знакомят с культурой киргизов Алайской долины, Сырдарьинской области, а также горного Семиречья. В издании исторические материалы представлены также коллекциями Ф.А. Фиельсгрупа (1924–1927) и уникальными снимками, полученными из Центрального музея Киргизской АССР (1930). Современные фотографии сделаны во время экспедиции петербургских этнографов Л.Ф. Поповой, О.В. Старостиной (РЭМ), И.В. Стасевич (МАЭ РАН им. Петра Великого, Кунсткамера) и фотографов О.В. Ганичевой и А.В. Жилина в северные и южные районы Киргизии в мае-июне 2011 года. В данном издании визуальный материал подан в другом контексте: исторические и современные фотографии сгруппированы вместе по темам, характеризующим культуру киргизов первой трети XX–XXI в. Каждая тема (земля и люди, кочевка, юрта, семья, пища, одежда, ремесло, верования и обряды, базар) раскрывается посредством выдержек из очерков начала XX в. ученого, политического деятеля Г.К. Гинса и военного писателя Б. Тагеева, а также полевых материалов, собранных во время экспедиции этнографами Л.Ф. Поповой и И.В. Стасевич в 2011 г. Особый акцент в издании сделан на сохранении преемственности таких традиционных занятий и ремесел, как скотоводство, установка и убранство юрты (одного из ярких символов культуры кочевников), ткачество, обработка шерсти (войлочное производство). Представленный в книге собирательный образ культуры киргизов отражен через наиболее выразительные мгновения, запечатлевшие их повседневную жизнь, которая неразрывно связана с многовековыми традициями культуры кочевников, гармонично соединяющих прошлое и настоящее.

«Две Югры» – третья книга проекта «Разная земля» – посвящена обским уграм, хантам и манси и была во многом инициирована материалами коллекции С.И. Руденко, наиболее полно отражающими культуру этих народов начала XX века.

«Две Югры» – метафора, обозначающая как территорию, так и населяющую ее народы: прошлое и настоящее двух коренных народов Приобья – хантов и манси, их нелегкий путь по

отстаиванию права на сохранение приоритетов традиционного природопользования и своей самобытной культуры (сегодня их численность составляет около 2% от всего населения Ханты-Мансийского Автономного округа, т.е. приблизительно 30 тысяч человек).

Культура обских угров вызывает устойчивый интерес ученых разных стран, занимающихся финноугорской проблематикой, ей посвящено достаточно много изданий, в том числе альбомов с экспедиционными фотографиями конца XIX – начала XX в. В собрании Российского этнографического музея хранятся несколько фотографических коллекций – экспедиционных материалов исследователей 1910–1920-х гг. по культуре хантов и манси; их большая часть никогда не публиковалась.

Первые коллекции по культуре хантов и манси были собраны для ЭОРМ (в настоящее время – РЭМ) его корреспондентом, студентом Санкт-Петербургского университета Сергеем Ивановичем Руденко. С мая 1909 г. по февраль 1910 г. С.И. Руденко совершил экспедицию к обским уграм на Тобольский Север. Поездка проходила в Березовском уезде: от Калтась-горта на реку Обь на юге до устья Ныды на севере; от верховьев Сыгвы, Сосьвы на западе до верхнего течения Казыма на востоке¹⁶.

Работу ученого отличал комплексный подход к изучению и сбору полевого материала. С.И. Руденко удалось собрать уникальные материалы по традиционной культуре: промысловым и домашним занятиям, утвари, одежде, воспитанию детей, ритуальной практике северной группы манси (в начале XX в. называвшихся вогулами) с рек Сосьва и Ляпин, и северной группы хантов (остяков) с рек Казым, Сын, Войкар, Вогулка и Обь.

Особую ценность представляют фотографии, которые, независимо от сюжетной принадлежности, отличаются точностью и живостью документальной съемки в сочетании с художественной выразительностью. Даже в антропометрических исследованиях, скрупулезно зафиксированных фотокамерой, ученый не ограничился передачей особенностей только антропологического типа остяков, вогулов и самоедов (им было обследовано более 200 человек). Галерея мужских портретов передает разнообразие характеров, отличается особым психологизмом. Сравнительно небольшое количество фотографий с изображениями женщин объясняется существованием определенных запретов показывать свое лицо: у обских угров замужние женщины опускали на лицо платок, закрываясь от старших родственников мужа (то же относилось и к посторонним людям).

Несомненно, что сложные условия, в которых приходилось работать ученому, еще больше способствовали развитию его профессиональных навыков, в частности, во владении фотокамерой. Известно, что во время экспедиции Руденко использовал более 50 дюжин стеклянных пластинок для негативов: им было отснято более 600 фотографий. В октябре 1909 года в своем письме Н.М. Могилянскому он просит выслать в Березово 8 дюжин 8 x 12 и 6 дюжин 13 x 18 пластинок «Ilford Special Rapid plates»¹⁷. Негативы он проявлял прямо в экспедиции, обычно во время коротких остановок в Березово. Большая часть столь хрупкого отснятого материала была доставлена в Петербург в полной сохранности, невзирая на то, что за девять месяцев исследователь преодолел сотни километров, в основном передвигаясь на лодке или нартах. Все это ярко и живо описано в его полевом дневнике, фрагменты которого представлены в книге в качестве комментариев к снимкам. Коллекции С.И. Руденко положили начало систематическому комплектованию материалов по культуре обских угров и до сих пор являются одним из самых ранних и наиболее фундаментальных источников.

Первую часть издания «Две Югры» также составили помимо архивных материалов (выдержки из полевого дневника) и фотографий С.И. Руденко снимки корреспондента музея И.К. Зеленова, побывавшего в 1908 г. в Пермской и Тобольской губерниях у манси, и этнографа Е.П. Евладова, обследовавшего низовья Оби в 1927 г.

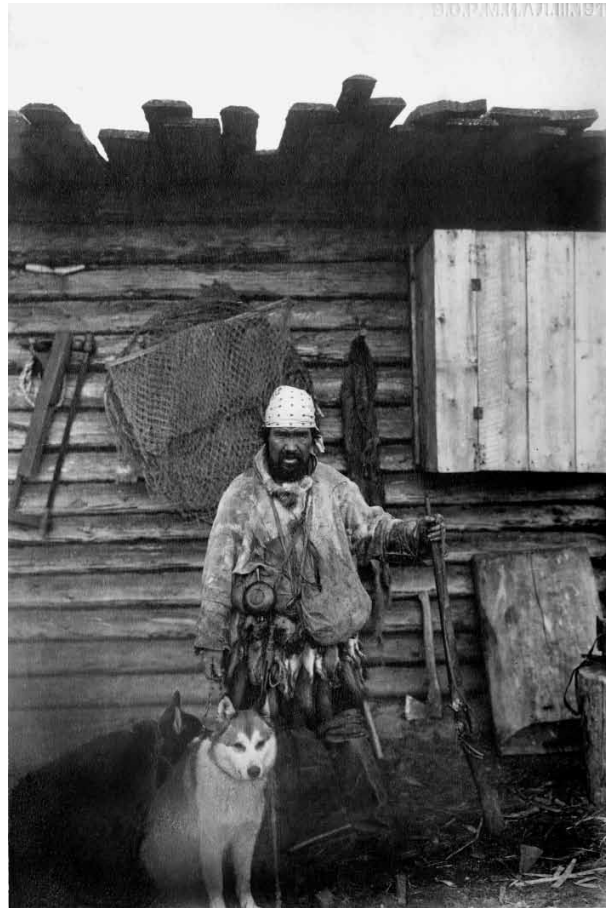
Особенностью репрезентации визуального материала в данном издании стало то, что фотографии, представляющие сегодняшнюю жизнь хантов и манси, сделаны в поселках и стойбищах, расположенных по маршруту экспедиции Сергея Ивановича Руденко. Публикуемые во второй части книги современные фотографии А.В. Жилина (зимний период) и Д. Зильбермана (летний период) дополнены полевыми наблюдениями К.Ю. Соловьевой. Спустя сто лет участники двух экспедиций, проходивших в феврале–марте и августе–сентябре 2012 г., частично повторили маршрут С.И. Руденко. Им удалось побывать в нескольких стойбищах и поселках на реке Казым у северных хантов, а также у северных манси – на р. Сосьве от Березова до предгорий Урала (протяженность маршрута составила около полутора тысяч километров). Как и в начале XX в., ханты и манси, стремящиеся сохранить традиционные виды хозяйственной деятельности, живут в труднодоступных и удаленных от основных дорожных магистралей и поселков местах, куда можно

Кочевка в верховьях реки Сосьвы зимой. Тобольская губерния, Березовский уезд. Манси. Фотограф С.И. Руденко. 1909–1910

Зимнее стойбище. Тобольская губерния, Березовский уезд. Манси. Фотограф С.И. Руденко. 1909–1910

Охотник с лайками. Тобольская губерния, Березовский уезд. Ханты. Фотограф С.И. Руденко. 1909–1910

Мужчина и подросток около плетеных ловушек для ловли рыбы. Тобольская губерния, Березовский уезд. Манси. Фотограф С.И. Руденко. 1909–1910

добраться зимой только на буранах, а летом – на лодке или пешком через болота¹⁸.

В книге «Две Югры» современная культура обских угров прослежена на примере жизни двух семей – Тарлиных (ханты) и Самбиндаловых (манси). Также публикуются фотографии о жизни хантов и манси Белоярского и Березовского районов, живущих в поселках и продолжающих сохранять отдельные элементы традиционной культуры.

В начале XXI в. Югра, известная до недавнего времени далеко за пределами России в основном своими природными богатствами – нефтью и газом, становится символом нелегкого, но созидательного взаимодействия носителей традиционной культуры, с одной стороны, и жизни нефтяников, газовиков, с другой. Большая заслуга принадлежит в этом национальной интеллигенции хантов и манси. Именно она

с конца 1980-х гг. стала активно влиять на сложение новых общественных и политических сил в регионе и во многом способствовала как восстановлению связей между коренными этносами, так и созданию новых общественных и государственных институтов: НИИ Возрождения обско-угорских народов в г. Ханты-Мансийске, музеев в различных национальных поселках. Музеи округа стали не только центрами по сохранению и популяризации культуры, но и организаторами и проводниками культурной информации, на их базе проводятся праздники, выставки, ярмарки. Для детей организуются летние «Этнокультурные стойбища», где они получают практические навыки и знания как от знатоков – носителей культуры (мастериц, охотников и т.д.), так и от специалистов-этнографов¹⁹.

Во время экспедиции 2012 г. был собран материал, позволивший охарактеризовать основные процессы, характерные для культуры обских угров: постепенную интеграцию традиционных отраслей в систему новых экономических отношений. Последнее осуществляется через трансформацию сложившихся социальных и экономических связей по разным направлениям. Первое можно определить как непосредственное взаимодействие семьи (традиционно живущей на родовом стойбище) и государства (в лице местной администрации), второе – становится все более распространенным создание национальной общины, объединяющей несколько семей или родовых групп и дающей полномочия отстаивать свои права руководителю, который может быть представителем и не коренного населения. Так, создаваемые национальные общины (например, Рахтынья в пос. Северная Сосьва) возрождают традиции артельного рыболовства (добыча сосьвинской сельди и рыбы в путину), поддерживают кустарные промыслы.

Часть представителей коренных народов, например, хантыйская семья Тарлиных или мансийская семья Самбиндаловых, выбирают жизнь на стойбищах. В обеих этих семьях сохраняется устойчивая система землепользования промысловыми угодьями, закрепленными за ними. Промысловые угодья, как и раньше, включают в себя территорию, необходимую для рыболовства, охоты на пушных зверей, боровую и водоплавающую дичь. Производственно-календарный цикл складывается из сочетания оленеводства (у Тарлиных – 200 голов, у Самбиндаловых – 60 голов) с сезонной охотой и рыболовством. Стойбища расположены рядом с небольшими речками. Планировка жилищ и хозяйственных построек – традиционная, при этом в последние годы изменилось техническое оснащение: на стойбище есть своя электростанция, моторы водонасосные и лодочные. Зимой ездят на буранах: например, у каждого члена семьи Самбиндаловых, отца и 4 сыновей, есть свой буран, Тарлиных – бураны и нарты, на которых передвигаются также и летом через

болота. До сих пор плетут арканы, изготавливают деревянную и берестяную утварь, шьют национальную одежду и обувь (в основном женскую и мужскую зимнюю, летнюю – женские платья), делают украшения из бисера.

Основные элементы традиционного мировоззрения, связанного с представлениями о духах-покровителях и хозяевах «мест», также сохраняются. Традиции, связанные со почитанием своего сакрального пространства, соблюдаются повсеместно: духам-покровителям приносятся жертвы как кровные так и бескровные (в книге опубликованы ритуалы забоя оленя на стойбище Тарлиных и священное место, охранителем которого является глава семьи Самбиндаловых Савва Иванович).

Книга, в которой авторы попытались отразить время, разделяющее две экспедиции почти в столетие, дает возможность представить происходящее в прошлом и настоящем. Последнее характеризуется сохранением важнейших жизненных установок традиционного общества: мировоззрения, языка, основных хозяйственных навыков. Время покажет, насколько пример таких семей сможет быть способом сбережения традиционной культуры для будущих поколений обских угров.

Сегодня ценность фотографии как важнейшей составляющей научно-экспедиционной работы подтверждена не только формированием редкого музейного фотоархива, но и возрастающим количеством специально посвященных этому проектов, среди которых особое место заняла «Разная земля». Ученые, стоявшие у истоков создания музея, предугадали значимость визуального материала для будущих поколений исследователей, обозначив его сбор как самостоятельное направление экспедиционной деятельности.

И в настоящее время фотография совершает то, что подвластно только ей: она навсегда оставляет открытыми мгновения исследовательского опыта, возвращая их не только современникам, но и прочно запечатлевая для будущих поколений.

Стойбище Самбиндаловых на озере Турват. Ханты-Мансийский АО, Березовский район. Манси. Фотограф А.В. Жилин. 2012

Юрий Владимирович Константинов, мастер по изготовлению лодок. Ханты-Мансийский АО, Березовский район. Манси. Фотограф Дэн Зильберман. 2012

В доме на стойбище Самбиндаловых. Олег (старший сын в семье) показывает свой охотничий пояс. Ханты-Мансийский АО, Березовский район. Манси. Фотограф А.В. Жилин. 2012

Надевание упряжи. Ханты-Мансийский АО, Березовский район. Ханты. Фотограф А.В. Жилин. 2012

¹ Этнографический Отдел Русского музея Императора Александра III // Материалы по этнографии России. – 1910. – С. III.

² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 46.

⁴ Там же.

⁵ Дмитриев С.В. Штрихи к собирательской деятельности С.М. Дудина // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: Наука, 2006. – С. 96–106; Сборник музея антропологии и этнографии. – Т. LII. – С. 102

⁶ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 46.

⁷ Там же. – Ед. хр. 245. Л. 22 об.

⁸ Дудин С.М. Фотография в этнографических поездках // Казанский вестник. – 1929.

⁹ Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III // Материалы по этнографии России. – 1910. – С. I–V.

¹⁰ Этнографический отдел Русского музея... Указ. соч. – С. II.

¹¹ Могилянский Н.М. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Живая старина. Год XX. 1911. – СПб., 1912. – С. 494.

¹² В поисках Беловодья. Проект «Разная земля». – Т. I. – СПб.: Славия, 2010. – 207 с. / Searching for Belovodye.

Land of Diversity. – Vol. I. – St Petersburg, 2010. – 207 p.; В ритме кочевий. Проект «Разная земля». – Т. II. – СПб.: Славия, 2011. – 224 с. / Nomad Rhythms. Land of Diversity. – Vol. II. – St Petersburg, 2011. – 224 p.; Две Югры. Проект «Разная земля». – Т. III. – СПб.: Славия, 2014. – 224 с. Two Yugra. Land of Diversity. – Vol. III. – St Petersburg, 2014. – 224 p.

¹³ Соловьева К.Ю. В поисках Беловодья: опыт фоторепрезентаций двух эпох // Музей. Традиции. Этничность. – № 2. – 2012. С. 144.

¹⁴ Островский А.Б., Чувьуров А.А. Беловодье староверов Алтая. В поисках Беловодья. Проект «Разная земля». – Т. I. – СПб.: Славия, 2010. – С. 14.

¹⁵ Две Югры. Указ. соч.

¹⁶ Соловьева К.Ю. Образы Югры в ранней русской фотографии // ОБИТатели. – СПб.; Сургут, 2004. – С. 6–9.

¹⁷ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 505. Л. 121.

¹⁸ Соловьева К.Ю. Две Югры: прошлое и настоящее // Две Югры. Указ. соч. С. 15–17.

¹⁹ См. подробнее: Карапетова И.А., Соловьева К.Ю. Культура хантов в постсоветский период: тенденции развития и особенности адаптации // Музей. Традиции. Этничность. Мат-лы межд. научн. конф., посвященной 100-летию Российского этнографического музея. – СПб.; Кишинев, 2002. – С. 215–219.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 39.56

ДИРЕКТОР (Памяти Дориана Андреевича Сергеева)

ИРИНА ИВАНОВНА БАРАНОВА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Старший научный сотрудник отдела научной систематизации и информатики

e-mail: IGUANNA999@BK.RU

Статья посвящена памяти доктора исторических наук, директора Государственного музея этнографии народов СССР (ныне – Российский этнографический музей) с 1968 по 1977 год Дориана Андреевича Сергеева, его личным качествам, большому и всестороннему вкладу в развитие музея, в повышение его статуса как методического центра этнографического музееведения и научно-исследовательского учреждения первой категории.

Ключевые слова: Российский этнографический музей, Д.А. Сергеев, экспедиционный привоз, экспозиция музея, музей-заповедник в пос. Шушенское, выставки, центр этнографического музееведения.

UDC 39.56

DIRECTOR (in Memory of Dorian Andreevich Sergeev)

IRINA I. BARANOVA

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg

Senior Researcher, Department of Scientific Systematization and Computer Science

e-mail: IGUANNA999@BK.RU

The paper is dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences Dorian Andreevich Sergeev, who held the position as Director of the Russian Museum of Ethnography from 1968 until 1977. Particular attention is given to A.D. Sergeev's personality merits, his invaluable and comprehensive contribution to the Museum's sustainable development, as well as to the raising of its status as the leading resource centre of ethnographic museography and as a first division scientific and research institution.

Key words: Russian Museum of Ethnography, D.A. Sergeev, expeditionary gains, museum display, museum-reserve Shushenskoye, exhibitions, centre of ethnographic museography.

Период с конца 1960-х до конца 1970-х гг. справедливо называют временем музейного бума, когда заметно усилился интерес всех слоев общества к истокам и ценностям культуры, повсеместно выросла посещаемость музеев, на многие зарубежные и отечественные выставки

люди простаивали многочасовые очереди. Такое положение требовало адекватной отдачи и со стороны самих музеев, совершенствования старых и создания новых форм работы с посетителями. Российскому этнографическому музею (тогда – Государственному музею этнографии

Дориан Андреевич Сергеев
Фотография 1976–1978 гг.
Архив РЭМ

народов СССР) необходимо было в первую очередь обновить экспозиции и выставки, построенные либо еще в довоенные годы, либо после Великой Отечественной войны (не позднее середины 1950-х гг.) и неизбежно во многом устаревшие.

В 1968 г. из Института этнологии и антропологии РАН (тогда – Института этнографии АН СССР) в музей пришел новый директор – Дориан Андреевич Сергеев, исследователь культуры арктических народов – чукчей и эскимосов, имеющий около двух десятков научных публикаций, кандидат исторических наук. Опытный и удачливый полевик, Дориан Андреевич многие годы возглавлял чукотский отряд Северной экспедиции, где успешно использовал археолого-этнографические методы работы в поле. Им были обнаружены и позднее полностью обследованы (совместно с М.Г. Левиным и С.А. Арутюновым) несколько могильников на Чукотке, в том числе – знаменитый Уэленский могильник, хорошо известный специалистам во всем мире.

По приходе в музей директору пришлось сразу включиться в организацию работ, которые, как часто бывало в те годы, требовалось выполнять в авральном режиме (страна готови-

лась к 50-летию СССР). Речь идет о перестройке на прежних площадях большинства экспозиций музея: полный демонтаж экспонатуры, ремонт залов, изготовление нового оборудования и воссоздание дополненных новым материалом экспозиций. Дориан Андреевич со свойственной ему энергией и напором организовал эту трудоемкую и по сути новую для него работу, которую выполняли не только коллектив музея, но и подрядные (оформительские и строительные) организации. К 1972 г. музей уже имел обновленные экспозиции по культуре крупнейших народов страны конца XIX – начала XX в. – украинцев, белорусов, молдаван, киргизов, грузин, народов Прибалтики (экспозиция по русской этнографии была построена в конце 1950-х гг.). После ремонта зала вновь открылась для посетителей экспозиция «Современное искусство народов СССР» (научный руководитель Н.М. Хазова), куда было включено множество экспонатов из приобретений последних лет.

Одновременно коллектив музея готовил научную базу и продолжал воплощать в жизнь Генеральный перспективный план развития экспозиций музея, утвержденный коллегией Министерства культуры в 1956 г. В середине 1970-х гг. по этому плану были построены экспозиции по культуре народов Поволжья и азербайджанцев конца XIX – начала XX в. В годы, когда в этнологии активно дискутировались теоретические вопросы изучения современности, музей подготовил и открыл по сути экспериментальную экспозицию «Современная одежда и жилище народов СССР» (научные руководители Е.Н. Студенецкая и Т.А. Крюкова). Вещевой и документальный материал к ней целенаправленно собирался в течение нескольких лет, каждый экспедиционный привоз обсуждался в музее в горячих спорах. В итоге, судя по оценкам ученых, музейных специалистов и посетителей, удалось на подлинных этнографических материалах музейными средствами показать тенденции изменений в традиционной одежде и жилище народов многонациональной страны в эпоху быстрого распространения индустриально-городской культуры, сохранение национальных традиций и факторы, влияющие на эти процессы.

В период директорства Дориана Андреевича была завершена научная и техническая подготовка экспозиции «Современные праздники и обряды народов СССР» (научные руководители Э.С. Яглинская и В.М. Грусман), открытая для посетителей вскоре после его ухода из музея.

Заметной страницей в истории РЭМ в 1970-е гг. было участие в построении музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» в поселке

Шушенское Красноярского края. Этнографическая экспозиция музея стала подлинным детищем директора. Вопреки жестким идеологическим рамкам и политизированности всего проекта, за полтора года был создан большой архитектурно-этнографический музей-заповедник, отражающий широкий срез хозяйства и быта сибирской деревни на рубеже XIX и XX вв. В задачу этнографов входили сбор на месте вещевого и архивного материала, создание концепции, тематико-экспозиционного плана и самой историко-бытовой экспозиции в 11 крестьянских усадьбах, общественных зданиях и двух мемориальных объектах. В самом поселке и окрестных деревнях бригадой этнографов было собрано и обработано четыре тысячи подлинных бытовых предметов, послуживших основой экспозиции и фондового собрания этого музея. Историко-этнографический музей-заповедник в Шушенском и сегодня развивается, пополняется новыми коллекциями и привлекает сотни тысяч туристов.

Дориан Андреевич организовал и руководил работой в Шушенском от начала до ее завершения и по праву гордился результатами. Он сформировал бригаду из опытных этнографов, неоднократно выезжал на место, детально знал

и следил за ходом дела, консультировал по многим рабочим вопросам. Работавшие с ним сотрудники вспоминают, как директор настоятельно и трогательно заботился об организации быта и питания людей, находившихся в командировках в течение многих месяцев.

Исходя из специфики музейной деятельности, исследовательская работа коллектива в 1960–1970-е гг. была подчинена, в первую очередь, созданию научной базы будущих экспозиций, а также атрибуции и каталогизации музейных коллекций. Были подготовлены и опубликованы каталоги-указатели по регионам и ряду крупных народов. Эти каталоги и сегодня остаются востребованными справочными материалами по фондовому собранию РЭМ. Благодаря усилиям директора укрепились научные и рабочие контакты музея с Институтом этнографии АН СССР: ведущие научные сотрудники принимали участие в создании региональных историко-этнографических атласов, обменивались собирательскими программами, выезжали в совместные экспедиции.

Дориан Андреевич продолжал активную научную работу. В «музейный период» деятельности им были опубликованы 16 работ по палеоэтнографическим исследованиям на

Д.А. Сергеев (справа), секретарь райкома КПСС В.А. Мегведев и научные сотрудники РЭМ И.И. Баранова, Г.Г. Бабанская, Н.М. Хазова в Шушенском музее-заповеднике. 1969

Чукотке, в числе которых две монографии (в соавторстве с С.А. Арутюновым): «Древние культуры азиатских эскимосов» (1969) и «Проблемы этнической истории Берингоморья» (1975). В 1974 г. директор защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы этнической истории Северо-восточного побережья Азии». Помимо этого он опубликовал несколько статей, посвященных ходу и результатам этнографической работы в Шушенском.

Д.А. Сергеев многое сделал для пополнения коллекций. Были организованы 89 экспедиций и целевых командировок по сбору экспонатов во все регионы страны, в фонды музея поступило 20 тысяч предметов. Он сам выезжал в комплексную экспедицию в Чукотский район Магаданской области, где (совместно с Б.С. Гамбургом) приобрел для музея 800 экспонатов по культуре азиатских эскимосов и приморских чукчей. В составе этой коллекции – уникальный (единственный в собраниях российских музеев) полный комплекс морского зверобойного промысла.

Немало усилий директор прилагал к решению сложной и хронической для музея проблеме – улучшению условий хранения коллекций, большая часть которых и сегодня еще размещена в подвальных помещениях, не слишком приспособленных для этих целей. Ему удалось добиться от местных властей решения о расселении жильцов из т.н. административного корпуса, прилегающего к фасадному зданию музея на территории двора. Это расселение впоследствии позволило увеличить полезную площадь музея на 260 кв. м. Производился постепенный ремонт и замена оборудования в некоторых фондовых помещениях, например, в хранилищах ковров, текстильных материалов по русской этнографии.

Особая заслуга принадлежит Дориану Андреевичу в налаживании и развитии международных связей. С его приходом музей стал активно работать в составе Международного совета музеев. Начались постоянные рабочие контакты и обмен выставками с этнографическими музеями Венгрии, Болгарии, Польши, Восточной Германии, Чехословакии. В середине 1970-х гг. вывозили и принимали у себя выставки и специалистов из многих других стран – Норвегии, Дании, Японии, Франции, Исландии.

В 1970-е гг. для музея этнографии начался период большого выставочного подъема. За время работы Дориана Андреевича было организовано 95 выставок. В Мраморном зале непрерывно экспонировались выставки из музеев и предприятий народных художественных промыслов со всех союзных республик и многих областей России. Приобретения с этих выставок позволяли пополнять коллекции новейшими образцами современного народного искусства.

Под руководством Д.А. Сергеева заметно повысился статус музея, выросла его популярность в стране и за рубежом, РЭМ постепенно становился общесоюзным научно-методическим центром этнографического музееведения. Усилиями директора музей перешел из местного городского подчинения в ведение Министерства культуры СССР, что положительно сказалось, прежде всего, на финансировании научной, собирательской и хозяйственной деятельности.

Каким запомнили Дориана Андреевича люди, работавшие вместе с ним и близко знавшие его?

Человек безупречно честный и порядочный, бескомпромиссный, верный данному слову, очень надежный. В сложных ситуациях он брал на себя полную ответственность за все, что происходило в музее и его коллективе.

Требовательный к самому себе, он не терпел неорганизованности, неряшливости в работе, требовал доведения начатого дела до конца. Дориану Андреевичу как руководителю достался сложный коллектив, но ему удавалось сплотить людей для решения узловых задач, выполнения интересной творческой работы.

При внешней строгости и даже суровости, он был человеком очень добрым. Сильный, волевой, энергичный, в то же время внутренне уязвимый, в чем-то даже незащищенный. В работе руководителя, требующей большого нервного напряжения, никогда не щадил себя.

Директор покинул музей весной 1977 г., когда его здоровье было уже серьезно подорвано. В последующие годы Дориан Андреевич с поразительной стойкостью и мужеством боролся с тяжелой болезнью. Он ушел из жизни 29 июня 1984 г.

Коллектив нашего музея вспоминает Дориана Андреевича с чувством большого уважения и благодарности.

Д.А. СЕРГЕЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ ЭСКИМОСОВ

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРСУН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук,
Санкт-Петербург

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

e-mail: ffsak@kunstkamera.ru

Статья посвящена вкладу Д.А. Сергеева в изучение археологии азиатских эскимосов. Он открыл два важных памятника древнеэскимосской культуры – Уэленский и Эквенский могильники. Раскопки этих археологических памятников проводились в течение многих лет. Длительное время Д.А. Сергеев работал в крупнейших этнографических музеях нашей страны – в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) и в Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ). Материалы по археологии эскимосов из сборов Д.А. Сергеева находятся на хранении в МАЭ и ГМЭ. Собрание МАЭ превышает двенадцать тысяч предметов, эти коллекции не в полной степени введены в научный оборот. Они никогда не потеряют своей научной ценности.

Ключевые слова: Д.А. Сергеев, археология, Уэленский могильник, Эквенский могильник, эскимосы, МАЭ, ГМЭ.

UDC 39.56

D.A. SERGEEV, A RESEARCHER OF THE ANCIENT CULTURES OF THE ESKIMOS

SERGEI A. KORSUN, Ph.D. (History)

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

Senior researcher

e-mail: ffsak@kunstkamera.ru

The article is devoted to the essential contribution made by D.A. Sergeev to the archaeological study of the Asian Eskimos. He discovered two important monuments of ancient Eskimos cultures – Uelen burials and Ekven burials. He spent many years conducting the excavations of these ancient monuments. Over a long period of time Sergeev D.A. worked in the largest ethnographic museums of our country: the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) and the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (SME). The archaeological materials about the Eskimos gathered by Sergeev D.A. are held in the MAE and the SME. The MAE collection exceeds twelve thousand objects; these collections have not been yet researched to the full extent. They will not lose their scientific value.

Key words: D.A. Sergeev, archaeology, Uelen burials, Ekven burials, Eskimos, MAE, SME.

Дориан Андреевич Сергеев родился 1 мая 1928 г. в семье учителей в городе Винница на Украине, с 1933 г. жил на Чукотке, где его мать Катерина Семеновна Сергеева (1899–1975) работала учителем в поселке Урелики (Бухта Провидения). Она известна как автор учебных посо-

бий на эскимосском языке¹ и составитель сборника эскимосских сказок². В первый период пребывания К.С. Сергеевой с сыном на Чукотке в 1933–1934 гг. их бытовые условия жизни были очень тяжелыми. К.С. Сергеева писала: «Школа представляла собой два круглых домика инже-

нера Свинына: один – жилье учителя, другой – класс. Первый разбит на четыре комнатки, именуемые: «рабочая комната», «спальня», «кладовка», «кухня». Второй, не разделенный перегородками, – круглая деревянная беседка, составленная из двойных фанерных щитов и скрепленная, наподобие бочки, сверху и внизу двумя толстыми обручами на болтах. Промежуток между фанерными стенками щитов наполнен стружками и бумагой. Каждый домик имеет десять окошечек. Посреди школьного домика <...> стоит большой чугунный камбуз. Когда он топится, в центре класса неопишемая жара, у стен же «на периферии» только тепло. Охлаждаясь от наружной температуры, стены всегда мокрые, а через два-три часа по прекращении топки, когда температура внутри класса почти уравнивается с температурой вне класса, они покрываются сперва инеем, а потом изморозью. Фанерные стенки вследствие этого ежатся и образуют щели в местах соединения щитов и вокруг оконных рам. <...> В школе три группы (нулевка, первая и вторая); занятия школы кончаются в 2 ½ часа дня, после чего сразу начинается работа по ликбезу, а после – работа бригады переводчиков. <...> В 1934 году эскимосские школы не получили ни тетрадей, ни бумаги, ни карандашей и даже не было мела ни в одной эскимосской школе. Как начинать занятия с пустыми руками? И вот все зав[едующие] школами, съехавшись в бухте Провидения, находят выход в том, что, описав свое безнадежное положение, просят на каждом пароходе и у судкома (Судовой команды. – С.К.) тетрадей, карандашей, резинок, чернил – всего, чем только может поделиться пароход. С уходом всех пароходов кончилась и «охота» за канцелярскими принадлежностями.

Еще более тяжелое испытание было впереди: обещанные буквари до Чукотки не дошли. По счастью, в с. Чаплино попал каким-то чудом один экземпляр эскимосского букваря, единственный на всем Чукотском полуострове, и учительница с. Чаплино т. Новикова переписывает и перерисовывает под копирку три отдельные экземпляра эскимосского букваря и пересылает их в остальные три эскимосские школы³. Здесь говорится о букваре Е.П. Орловой, который был издан в 1932 г. на основе латинского алфавита⁴. Г.А. Меновщиков отметил: «В 1933/34 учебном году в эскимосских школах селений Чаплино, Кивак, Урелики и Сиреники впервые было введено обучение детей начальной грамоте на их родном языке с помощью первого эскимосского букваря»⁵.

В конце 1934 г. К.С. Сергеева вернулась в Ленинград и стала преподавать эскимосский язык в Педагогическом институте им. А.И. Гер-

цена. В 1938–1941 гг. снова работала в школе поселка Урелики. Во время войны преподавала в алеутском селении Преображенское на острове Медный⁶, соответственно несколько лет Д.А. Сергеев жил среди командорских алеутов. В 1948 г. он поступил на факультет народов Севера Ленинградского государственного университета, в дальнейшем учился на кафедре археологии исторического факультета. В студенческие годы Д.А. Сергеев участвовал в нескольких археологических экспедициях под руководством А.П. Окладникова, где произошло его становление как профессионального археолога. После окончания университета в 1953 г. Д.А. Сергеев вернулся на Чукотку и стал работать школьным учителем в поселке Урелики. В 1954–1955 гг. во время летних каникул вместе со старшеклассниками он совершил несколько археологических разведок на восточном побережье Чукотки.

В окрестностях чукотского поселка Уэлен Д.А. Сергеев открыл для науки Уэленский могильник, который впоследствии получил широкую известность: «Уэленский древний эскимосский могильник находится всего в 170 м от современного поселка Уэлен, расположенного на побережье Чукотского моря. Часть каменных кладок могильника кое-где выступала на поверхность, но могильник оставался долгое время неизвестным не только специалистам, посещавшим в разное время поселок Уэлен, но даже местным жителям. Жители поселка частично раскапывали отлогие склоны юго-западнее могильника в поисках старого моржового клыка для изготовления орудий и различных поделок. На этих же участках проводил свои археологические исследования С.И. Руденко, однако все эти работы не затронули территорию могильника. Лишь в 1955 г. совершенно случайно, при производстве небольших земляных работ на поверхности плато между поселком и маяком, траншея разрешила два погребения. Местные жители передали Д.А. Сергееву, работавшему тогда учителем Уреликской средней школы, найденные во время земляных работ предметы. Другие предметы были раскопаны группой Д.А. Сергеева при расчистке частично разрушенных траншей, погребений»⁷.

Благодаря контактам Д.А. Сергеева с художником и искусствоведом И.П. Лавровым об открытии Уэленского могильника стало известно московскому антропологу М.Г. Левину. Он проявил большой интерес к изучению этого памятника и содействовал в устройстве Д.А. Сергеева на работу в научное учреждение. Об его зачислении в штат МАЭ в феврале 1957 г. Р.В. Кин-

жалов вспоминал: «В 1956 г. неожиданно умерла старший научный сотрудник Сектора Америки Евгения Эдуардовна Бломквист. Юрий Валентинович Кнорозов предложил мне перейти в МАЭ на освободившуюся вакансию. <...> Недели через две я узнал, что Леонид Павлович (Потапов. – С.К.) обещал зам. директора Московской части Максиму Григорьевичу Левину взять на освободившееся место его ученика Дориана Сергеева. <...> Но, в конце концов, все закончилось благополучно, и мы были оба зачислены в штат. <...> С Сергеевым мы стали просто друзьями»⁸. Без сомнения переходить с Чукотки в Ленинград и устроиться на работу в научно-исследовательский институт было большой удачей для 28-летнего Д.А. Сергеева.

Для раскопок Уэленского могильника в 1957 г. создали отдельный Чукотский отряд комплексной Северной экспедиции московского Института этнографии под руководством М.Г. Левина. Раскопки этого памятника продолжались в 1957–1960 гг. в течение четырех полевых сезонов. Результаты исследований сразу же вводились в научный оборот. В мае 1958 г. в Копенгагене состоялась Международная конференция по изучению археологии и этнографии народов Арктики. Среди ее участников были М.Г. Левин и А.П. Окладников. Они отметили: «Основной научной задачей конференции <...> было подведение общих итогов исследования арктических стран и Субарктики в археологическом, этнографическом и антропологическом отношении и, в соответствии с этим, согласование планов дальнейших исследований в этих областях. <...> Советская делегация при этом передала в подарок Датскому Национальному музею некоторые новые советские издания по археологии и этнографии, а также муляжи предметов из Уэленского могильника на Чукотке, который раскапывался экспедицией Института в 1957 году»⁹. Стеновый доклад М.Г. Левина по результатам полевых исследований 1957 г. был представлен на XXXIII Международном конгрессе американистов, который состоялся в июне 1958 г. в Коста-Рике.

Во время раскопок Уэленского могильника Д.А. Сергеев сочетал археологические и этнографические методы исследований. Он привлекал пожилых эскимосов к участию в раскопках, в процессе которых они комментировали особенности погребального обряда, назначение отдельных предметов, преимущества или недостатки орудий охоты и т.д. Д.А. Сергеев писал: «В поселке Сиреник в 1955 г. старик охотник Тагруте, назвав показанный ему “крылатый предмет” словом *нанек’ытак*, сказал, что он выполнял на каяке роль *брештука*-украшения.

Мнение Тагруте подтвердил не менее опытный зверобой-охотник Панауге, в 1956 г. – эскимос Ульгун, а в 1960 г. – эскимос Утоек из Наукана»¹⁰. Такой комплексный этнографо-археологический метод позволил связать памятники древности с современностью, сделать этнографическую интерпретацию материала полутора-двух тысячелетней давности. Это был новый метод в археологическом изучении эскимосской культуры.

В 1961 г. Д.А. Сергеев открыл еще один интересный памятник древнеэскимосской культуры – Эквенский могильник, его раскопки с участием сотрудников МАЭ проводились в 1961–1963 и 1965–1967 гг. Для того чтобы доехать из Ленинграда до места раскопок, у Д.А. Сергеева уходил почти весь июнь. Сначала он отпра-

Директор ГМЭ народов СССР Д.А. Сергеев с информатором Александром Ратхуги. Лето 1974 года Чукотский национальный округ, эскимосско-чукотский совхоз «Угарник», п. Сиреники. Эскимосы. Архив ГМЭ. Ф. 894-19

лялся в Москву, где в течение недели оформлялись документы на пребывание в пограничной зоне для участников экспедиции, неделю ехали на поезде до Владивостока, затем несколько дней ожидали парохода и восемь суток плыли до поселка Провидение на Чукотке, а оттуда до места раскопок трое суток добирались на вельботе. Раскопки продолжались в июле-августе, в сентябре археологи возвращались домой.

Приведем несколько цитат из брошюры Д.А. Сергеева, рассказывающих об условиях, в которых проводились исследования Эквенского могильника: «Нелегко работать на Чукотке даже летом: сильные ветры рвут палатку, мешают земляным работам, изматывают продолжительные дожди, изводят назойливые комары, а снег, выпадающий даже в июле, иногда на несколько дней останавливает работу.

Надо учесть, что холодное недолгое лето Крайнего Севера особенно коротко для археологов: ведь необходимо не меньше месяца, чтобы земля оттаяла и можно было приступить к раскопкам. Кроме того, археологические ценности – это не золото: это предметы материальной культуры тысячелетней давности и для их извлечения применять на Чукотке технику очень трудно: здесь электронный самородкоуловитель не поставишь. И теперь, в двадцатом веке, археологи вынуждены налегать на лопату, расчищать находки ножом и кисточкой, перебрасывать и перебирать руками тонны земли за сезон. <...> Выгружаем двухмесячный запас продуктов, оборудование и все то, что может быть необходимо таким робинсонам, как полярные археологи. Вельбот готовится в обратный путь и вернется за нами через шестьдесят пять – семьдесят дней. <...> День загружен максимально, даже время после ужина, с двадцати до двадцати четырех часов, посвящается обработке материалов»¹¹.

«Древнее кладбище расположено на двух холмах метрах восьмистах от берега моря и от нашего лагеря. Здесь еще две тысячи лет тому назад, на рубеже и в первые века нашей эры, хоронили эскимосы своих сородичей. С погребенными клали все предметы, которыми пользовался человек при жизни: каменные орудия, вырезанные из моржового клыка наконечники поворотных гарпунов и стрел, сосуды из китового уса и глины, а также украшения и амулеты. Особенно хороши предметы искусства. <...>

Но получить такие сокровища не просто. Долгими часами, иногда сидя или лежа в могиле, приходится кисточкой расчищать каждую находку, каждый предмет. Вот и сейчас – еще одно движение кисти, и рядом с человеческим черепом из земли появляется миниатюрная

головка: сомнений нет, это зооморфная скульптура, вырезанная из моржового клыка. Теперь нужна особая осторожность: одно неверное движение, и ценнейший памятник древней культуры может быть поврежден или испорчен. Еще час кропотливого ювелирного труда и статуэтка расчищена!

Мы лежим, вытянувшись на земле, свесившись головами над могилой, а снизу, из глубины веков, смотрит на нас пустыми глазницами череп древнего охотника, рядом с которым видна пролежавшая в могиле двадцать столетий костяная фигурка. Она изображает сидящую лягушку. Даже не верится – изображение лягушки на побережье Берингова пролива... Скорее всего, в древности эскимосы совершали путешествия в южные районы Чукотки, где водятся лягушки»¹².

Собранный в 1957–1967 гг. Д.А. Сергеевым и другими участниками Чукотского отряда Северной экспедиции археологический материал превышает двенадцать тысяч предметов, он находится на хранении в фондах отдела Америки МАЭ и никогда не потеряет своей научной ценности. Также в архиве музея находятся полевые отчеты; планы, схемы и чертежи раскопок; зарисовки погребений и альбомы фотографий¹³.

В 1966 г. Д.А. Сергеев защитил кандидатскую диссертацию «Развитие древних культур эскимосов западного Берингоморья», а в 1974 г. – докторскую «Проблемы этнической истории северо-восточного побережья Азии», которые в дополненном и исправленном виде были опубликованы в виде двух монографий в соавторстве с С.А. Арутюновым¹⁴. На титульном листе книги «Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)», подаренной Р.В. Кинжалову, Д.А. Сергеев написал: «Дорогому Ростиславу Васильевичу – лучшему другу – с сердечной любовью, глубоким уважением и благодарностью за руководство и помощь на протяжении многих лет».

В автореферате докторской диссертации он отметил: «Раскопки Уэленского и Эквенского могильников существенно обогатили полноту представлений об образе жизни древних эскимосов на рубеже и в начале нашей эры, т.е. в эпоху, характеризующую древнеберингоморской и оквикской культурой, а также на последующих этапах – бирнирском и пунукском. Прежде всего, нужно отметить высокую степень стабильности, преемственности всех известных нам эскимосских культур в районе Берингоморья. Менялись стили орнамента, формы художественного выражения, <...> но основные

черты хозяйства и быта оставались теми же. Основой существования был морской зверобойный промысел и, прежде всего, промысел моржа. <...>

Раскопки Уэленского и Эквенского могильников дали массовый материал в виде многих сотен гарпунных наконечников, притом найденных не изолированно, а в погребальных комплексах. <...> Применение той или иной формы гарпуна, как показывают собранные этнографические данные, теснейшим образом увязано с экологической ситуацией данного региона или момента. Поворотные гарпуны в целом наи-

более целесообразны там, где при возможности охоты с лодок море обычно покрыто плавучими льдами»¹⁵.

В 1968–1977 гг. Д.А. Сергеев являлся директором ГМЭ, затем вернулся в отдел Америки МАЭ, где работал до своей кончины 29 июня 1984 г. Он составил образцовые описи с научным описанием и зарисовками тушью вещей из нескольких десятков эскимосских коллекций, всего им было перерегистрировано более тысячи предметов. Наиболее полный список публикаций Д.А. Сергеева приведен в его некрологе¹⁶.

¹ Сергеева К.С. Книга для чтения. Ч. 1. / Перевод А.С. Форштейна. – М.: Л.: Учпедгиз, 1935. – 24 с.; Сергеева К.С. Книга для чтения для первого класса начальной школы / Перевод А.С. Форштейна. – М.; Л.: Учпедгиз, 1935. – 95 с.

² Сергеева К.С. Сказочник Кивагмэ. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1968. – 160 с.

³ Сергеева К.С. Школа в бухте Провидения // Советский Север, 1935. – № 2. – С. 54–56.

⁴ [Орлова Е.П.]. Xwaŋkuta iharput. Atas̄m Makumit ihat. (Наша книга. Первая эскимосская книга). – Leningrad: Ucpedgiz, 1932. – 72 p.

⁵ Меновщиков Г.А. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1959. – С. 138.

⁶ Сергеева К.С. О Тан-Богоразе вспоминает Кивагмэ (предисловие И. Крупника) // Тропой Богоразы. Научные и литературные материалы. М.: Институт наследия-ГЕОС, 2008. – С. 28.

⁷ Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – С. 37.

⁸ Кинжалов Р.В. Наш Л.П. // Радловские чтения 2006: тезисы докладов / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2006. – С. 158, 159.

⁹ Левин М.Г., Окладников А.П. Международная конференция в Копенгагене по археологии и антропологии Арктики // Советская этнография. 1959. – № 2. – С. 148, 149.

¹⁰ Сергеев Д.А. О чертах хозяйства эскимосов на древнеберингоморском этапе // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток: Наука, 1968. – С. 156.

¹¹ Сергеев Д.А. Этнографы-археологи на Чукотке. – Л.: Географическое общество СССР, 1968. – С. 7, 8.

¹² Там же. – С. 11, 12.

¹³ Жуковская И.В., Корсун С.А. Указатель материалов по американистике в архиве МАЭ (Кунсткамера) РАН // Этнография и археология коренного населения Америки (Сборник МАЭ. Т. LVI). СПб.: Наука, 2010. – С. 249, 250.

¹⁴ Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 207 с.; Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

¹⁵ Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории северо-восточного побережья Азии. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. наук. – М.: Наука, 1974. – С. 27–29.

¹⁶ Дориан Андреевич Сергеев (Некролог) // Советская этнография. 1985. – № 1. – С. 172, 173.

Памяти Дориана Сергеева

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АРУТЮНОВ

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва
 Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом
 народов Кавказа ИАЭ РАН
 e-mail: gusaba@iea.ras.ru

Статья посвящена раскопкам древних эскимосских могильников на Чукотке, проводившихся Д.А. Сергеевым (совместно с С.А. Арутюновым), в 1958–1962 годах под общим руководством М.Г. Левина, а после его кончины и до конца 1970-х годов – самостоятельно, обстоятельствам их начала и их научным результатам.

Ключевые слова: Д.А. Сергеев, М.Г. Левин, чукчи, науканские эскимосы, Уэлен, полевая антропология, археология Чукотки, Уэленский могильник, Эквенский могильник.

UDC 39.56

In Memory of Dorian Sergeev

SERGEI A. ARUTYUNOV, D.Sc. (History)

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
 D.Sc. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chair of the Department
 of Caucasian Peoples of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
 e-mail: gusaba@iea.ras.ru

The article is dedicated to the excavations of the ancient Eskimo burial grounds of the Chukotka region carried out by D.A. Sergeev (together with Sergei A. Arutyunov) in 1958-1962 under the general supervision of M.G. Levin, and after Sergeev's death, and up to the late 1970s, solely by Levin, the circumstances surrounding the excavations' start and its scholarly results.

Key words: D.A. Sergeev, M.G. Levin, Chukchi, Naukan Eskimo people, Uelen, field anthropology, archaeology of the Chukotka region, Uelen burial ground, Ekven burial ground.

В 1957 году закончился срок моей аспирантуры, и с 1 октября я был зачислен в Институт этнографии на должность младшего научного сотрудника. Диссертация в основном была готова, но для защиты ее нужно было еще существенно доработать и обеспечить публикациями (забегая вперед, скажу, что защитить ее мне удалось только в 1962 году). Кроме работы над диссертацией, я был постоянно занят изучением литературы по антропологии Японии, помогая моему незабвенному учителю и руководителю Максиму Григорьевичу Левину, в то время как раз работавшему над своей книгой по антропологии японцев. Литература, которую требовалось охватить, была весьма обширна, и если табличный, цифровой материал Левину был

понятен с одного взгляда, то словесный комментарий на японском языке читал ему я. Он был очень важен и для моей диссертации, а еще важнее были те обсуждения, на которые Максим Григорьевич не жалел времени и которые заложили основы для развития моего научного кругозора, можно сказать, в планетарном масштабе. Будучи поглощен этой работой, я не особенно задумывался над причинами, побудившими Максима Григорьевича летом того года уехать на пару месяцев на Чукотку, тем более, что многими годами ранее он уже работал в соседнем охотско-эвенском регионе, собрав немалый археологический и этнографический материал по эвенкам Ольского района, восточнее Магадана. Но рассказ М.Г. о Чукотке очень меня впечатлил.

Он говорил о молодом, несколько лет назад закончившем Ленинградский университет, учителе-историке Дориане Сергееве, который после окончания университета поехал преподавать историю в небольшой поселок на Чукотке, где прошло все его детство практически с младенчества (мать Дориана, Катерина Семеновна, была одной из первых учительниц на Чукотке, а до того – на Командорских островах). Дориан Сергеев создал в сельской школе археологический кружок из старшеклассников, самостоятельно построил вместе с ними кожаную байдару местного типа, обследовал с ними на этой байдаре все побережье на сотни километров на восток и на запад от бухты Провидения, в которой находился этот поселок – Урелик, создал при школе археолого-этнографический музей и, наконец, в 1955 году открыл уникальный памятник – древнеэскимосский могильник, расположенный на склоне сопки Уэлленэй, возвышающейся над поселком Уэлен. Захоронение было разрезано солдатами-пограничниками, которые прокопали учебную траншею прямо по краю древнего кладбища. По счастью, Дориан со своими учениками находился в это время в Уэлене и сразу понял значение этой первой находки древнеэскимосского погребения на азиатском побережье и второй после Ипиутакского могильника на Аляске. М.Г. был очень впечатлен Уэленом и несказанно рад открытию могильника. Он намеревался раскопать его полностью, сколько бы это не потребовало времени, так как до тех пор краниологический материал по древним эскимосам Азии вообще отсутствовал, а принадлежность Ипиутакского могильника на Аляске вызывала ряд сомнений. Увлеченный его рассказом, я спросил М.Г., нельзя ли и мне принять участие в его следующей экспедиции, и он охотно согласился. Я впервые увидел Дориана в середине мая 1958 года, когда мы должны были уезжать на Чукотку. К этому времени он уже вернулся с Чукотки в Ленинград, куда Катерина Семеновна переехала несколько раньше, и был зачислен научным сотрудником в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). Наш путь лежал по ж/д до Владивостока (он занимал неделю). Несколько дней мы должны были провести во Владивостоке, затем отправиться паромом в порт Провидения на Чукотке (8 дней). С нами ехало большое количество багажа, т.к. с собой нужно было вести все снаряжение, включая лопаты и даже черенки для них. Ни на какие закупки на Чукотке рассчитывать было нельзя, хотя кое-что мы должны были докупить и во Владивостоке. М.Г. и его друг Игорь Петрович Лавров, художник экспедиции, решили лететь самолетом и догнать нас в Провидении.

С первых минут нашего знакомства мне стало ясно, что за плечами Дориана не только более долгая, но и несравненно более сложная и богатая житейским опытом жизнь. Дориан был на четыре года старше меня, но если мой трудовой опыт сводился к подсобной работе в мастерской в военные годы да к эпизодическим студенческим подработкам, то Дориан начал свою трудовую жизнь в 12 лет коком (поваром) на китобойной шхуне. Успел побывать и грузчиком на железной дороге, и буфетчиком в фешенебельном ресторане, и, Бог знает, кем еще. Конечно, и мое детство и юность никак нельзя было назвать легкими, это были тяжелейшие военные и голодные послевоенные годы. Кроме того, лишившись матери в 1944 г., я жил вдвоем с отцом, полностью потерявшим в результате несчастного случая зрение и ставшим инвалидом 1-й группы. Но все же благодаря помощи маминой младшей сестры тети Людмы мы кое-как могли существовать. Дориан же с начала подросткового возраста должен был сочетать учебу с постоянной работой. Да много была и других различий не в мою пользу. У нас была всего пара дней на упаковку горы всевозможного груза, и я мог только поражаться, как ловко Дориан его сортировал, подгонял предмет к предмету, упаковывал, туго затягивал, завязывал тюк замысловатыми, совершенно неизвестными мне узлами и превращал каждое место багажа в очень компактную, но для меня, хилого городского юноши, неподъемно тяжелую вещь. Сам он, впрочем, управлялся с этими тюками и ящиками так, как если бы они вообще ничего не весили. Дориан был несколько ниже меня ростом, но коренастый, сложенный атлетически и очень сильный человек. Со своей стороны он сразу понял, что моя физическая подготовка можно сказать на нуле, и принялся планомерно искоренять этот тяжелый недостаток.

Мы ехали до Владивостока в купе, где все время менялись случайные попутчики, как правило, народ бывалый, доброжелательный и компанейский. Немало среди них было любителей выпить, но Дориан был плохим компаньоном по этой части и больше одной-двух рюмок «на грудь» почти никогда не принимал, да и мне, глядя на него, было неудобно выпивать сколько-нибудь больше. Время проходило в наблюдении быстро сменявшихся за окном вагона разнообразнейших пейзажей – чем дальше на восток, тем более живописных и экзотичных, – и в бесконечных разговорах. За неделю пути мы успели рассказать друг другу очень многое о своем детстве, о семье, об учебе, о планах, а Дориан, принадлежавший к когорте учеников крупнейшего советского археолога А.П. Окладникова,

и о множестве экспедиций преимущественно в самых разных уголках Сибири, в которых ему выпало счастье побывать. К моменту прибытия во Владивосток, мы очень многое знали друг о друге и вполне успели подружиться. Наша тесная дружба продолжалась до самой кончины Дориана, кончины, увы, очень ранней – он умер после третьего инсульта 29 июня 1984 года всего в 56 лет от роду.

Прибыв во Владивосток, мы провели там несколько очень комфортных и приятных дней в основном заполненных дополнительной закупкой снаряжения и припасов. Тогда, в 1958 году, еще не было строгих ограничений по части оборота всяческого оружия, а охотничий билет у Дориана имелся. Надо сказать, что первые свои весьма успешные выстрелы по пернатой дичи он сделал на Чукотке еще в возрасте 10 лет, как впрочем любой чукотский или эскимосский мальчишка, с которыми он вместе рос и ходил в начальную школу, где преподавала его мать. Правда, при всей моей неуклюжести и неопытности, стрелком я тоже был неплохим и даже имел 1-й разряд, но на этом мои стрелковые навыки и кончались. Дориан же умел и скрадывать дичь, и бить ее влет или на воде с борта пляшущего на волнах вельбота, и разделявать тушу любого зверя – и мелкого, и самого крупного. И готовить дичь в полевых условиях, и снаряжать патроны, отмеряя сообразно калибру порох и дробь и забивая капсулы и пыжи. Всеми этому он начал учить меня еще во Владивостоке, а на Чукотке обучение многократно усложнилось. Впрочем, я был весьма старательным учеником, так что на второй год экспедиции мог уже сам научить новичка очень многому, хотя конечно с впитанным с самых юных лет умением Дориана мне не сравниться было никогда.

Восемь дальнейших дней пути до бухты Провидения на теплоходе «Меридиан» тянулись довольно однообразно. Море если и штормило, то лишь иногда и не очень сильно, преобладали туманы, зато на редкость красивое зрелище представляло в такую погоду ночное свечение моря, вызываемое планктонными организмами – ночесветками. Качку я переносил легко, но разлеживаться на койке Дориан мне не позволял. Дни были заполнены в основном тренировками: я часами ходил по палубе, разнашивая сапоги, поскольку в Москве не проверил их толком и они оказались не вполне по ноге, а по словам Дориана (да и любого опытного полевика) при работе в поле хорошо сидящая обувь – это основа основ. Вращение на турнике, которое легко давалось Дориану, я так никогда и не смог освоить, но если в начале экспедиции я вообще ни разу не смог подтянуться и висел на перекла-

дине на вытянутых руках, уцепившись за нее беспомощным мешком, то к концу этого сезона мог уже подтянуться раз шесть-семь. Не Бог весть что, конечно, но для меня и это было большим достижением. В общем, в начале октября 1958 года в Москву приехал совсем другой человек, чем тот, который покинул ее пятью месяцами ранее.

Начинать раскопки на горе Уэленной можно было только, когда снег не только растает полностью, но и земля достаточно просохнет. Поэтому с немалыми приключениями, которые сейчас определенную опасность, мы прошли на небольшом катере (МРС – малый рыболовный сейнер) от бухты Провидения до бухты Лаврентия, зайдя по пути в заброшенный и сильно разрушенный поселок Кивак и в эскимосский поселок Чаплино, где тогда еще оставалось довольно многочисленное население. Однако, поселок Чаплино доживал последние дни; через год всех его жителей переселили в бухту Ткачен. В Новом Чаплине, в Ткачене, условия для строительства, да и для жизни, были намного лучше, но охота и на китов, и на моржей, и тюленей – основа традиционного существования эскимосов и береговых чукчей – была по сравнению со старым Чаплино сильно затруднена и гораздо менее продуктивна. Но советское партийное начальство, почти сплошь приезжее и малообразованное, таких вещей не понимало и не учитывало.

В бухте Лаврентия опять-таки мы задержались на несколько дней. Здесь я отметил свое 26-летие, ознаменовав его прогулкой вместе с Дорианом и одним местным жителем в близлежащую тундру.

Это было 1 июля и приполярная ночь была абсолютно светлой и в основном даже солнечной. Каждый из нас сумел скрасть и подстрелить по утке, хотя лета почти не было. Так началась моя охотничья карьера.

Через несколько дней мы двинулись дальше на двух чукотских вельботах, но тут погода испортилась, начался шторм, и мы зашли в поселок Нунымо, где тоже застряли на несколько дней. В поселке Лаврентия находились районный центр, приличный магазин и даже столовая. Зато в Нунымо вообще не было никакой еды, кроме копальгена (квашеного моржового мяса), запах которого для европейского обоняния был весьма непривычен и, выражаясь словами А. Райкина, «специфичен». Дориан и Игорь Петрович, который много лет тому назад не один год прожил в Уэлене, работая директором и художественным руководителем тамошней косторезной мастерской, кое-как могли его есть. Но МГ никак не мог на это решиться, в отличие от меня, хотя и

мне этот «подвиг» дался нелегко. Поэтому мы с Дорианом стреляли кайр и бакланов (утки в штормовую погоду не показывались). Возни с готовкой такой дичи было много, а результат получался лишь условно съедобным. Впрочем, многие чукчанки и эскимоски даже баклана ухитрялись приготовить очень вкусно, правда, обрабатывали тушку очень долго, тщательно удаляя с нее мельчайшие остатки жира – основного носителя неприятного рыбного запаха.

После Нунымо мы имели еще двухдневную остановку в Наукане, исключительно живописном селении, где все строения представляли собой круглые яранги с каменными стенами и покрытиями из моржовых шкур, лепившиеся как ласточкины гнезда по крутым восточным склонам горы Уэленной. Это был последний год существования этого удивительного поселка. Мы как раз попали на собрание жителей, на котором первому секретарю Лаврентьевского райкома эскимосу Каля удалось уговорить их согласиться на переселение. Тогда по этому случаю в Наукане был даже устроен праздник с танцами и пением под аккомпанемент бубнов. Первоначально наукавцы переселились в Нунымо и частично в Уэлен, но так и не прижились там, и сейчас их потомки живут разбросанно по многим поселкам Чукотки.

В Уэлен мы прибыли уже не на вельботах, а на науканских байдарах, обтянутых моржовой кожей. Шторм более менее стих, но волнение продолжалось, и прибор в Уэлене был слишком сильным, чтобы его мог преодолеть тяжелый вельбот, а мелкая байдара, отыгрывающаяся на гребне волны, хотя и с некоторым риском, но в общем такую задачу выполнить могла.

Во время всех наших остановок мы с Дорианом ассистировали М.Г. Левину в его антропологических наблюдениях. Дориан, легко находивший общий язык с эскимосами старшего поколения, был незаменим при этнографическом опросе. Самые старые эскимосы по-русски говорили плохо, но многие из них, гораздо лучше чем русским владели английским языком, поскольку до начала 1920-х годов общались с американскими торговцами или миссионерами. И тут роль толмача переходила ко мне. Кроме того, я делал снимки, в особенности пожилых женщин, у которых и лица, и руки были густо покрыты татуировкой. Татуировка чукчанок была гораздо проще, но даже некоторые девушки из семей оленеводов моего возраста или чуть моложе (20–25 лет) случалось имели несколько линий, прочерченных вдоль носа и на подбородке. При этом все они были комсомолки и, как правило, окончившие среднюю школу.

В Уэлене мы жили в одном из помещений косторезной мастерской, питались главным образом свежей моржатиной и китятиной, которые в поселке имелись более или менее постоянно, но иногда мы с Дорианом совершали вылазки в соседнюю тундру и возвращались с двумя-тремя гусями. Никакой охотинспекции тогда в этих местах не было, никаких сроков и правил никто не соблюдал, и каждый вечер в поселке слышались пронзительный свист и ружейная пальба. Это уэленцы стреляли в уток прямо с порогов своих жилищ. Утки стаями, порой очень большими, пролетали с лагуны на море и обратно, при этом пересекая косу, на которой стоит поселок. Свист же имел целью заставить уток снизиться в полете. Не знаю почему, но они реагировали именно так. Иногда они снижались до высоты трех-четырех метров, и тогда чукотские мальчишки, слишком маленькие, чтобы брать в руки ружье, раскручивали и кидали в стаю закидушки – бола (чук. – *вийей*). В детстве, как говорил Дориан, он этим занимался тоже. Иногда закидушка, состоявшая из десятка или более моржовых зубов, могла опутать крылья утки, и та падала на землю, если не мертвая, то хотя бы оглушенная. Не мало таких закидушек, точнее зубов моржа с дырочками в корне, нам попадались в погребениях любой эпохи.

Уэленский могильник был раскопан за три полевых сезона, а затем работы были перенесены в расположенный в 25 км южнее вновь открытый Эквенский могильник. Там уже мы жили в палатках и более или менее «на подножном корму», питаясь главным образом продуктами охоты и рыбалки, тогда как запасы круп, чая, сахара, галет у нас были довольно ограничены. Как правило, отряд состоял из четырех человек и иногда на некоторое время пополнялся местными рабочими из числа науканских эскимосов, нашедших пристанище в Уэлене. В 1962 году последний раз с нами был МГ, который уже часто жаловался на недомогание. Вернувшись в Москву, он вскоре слег в больницу, и 18 апреля 1963 года его не стало. После этого намечать исследовательскую стратегию и строить интерпретацию материала нам с Дорианом пришлось вдвоем, а вскоре и втроем, т.к. в чукотско-эскимосские исследования активно включился и В.П. Алексеев (впоследствии академик и директор Института археологии РАН). В тесном творческом и дружеском сотрудничестве нам удалось за двадцать лет полевых работ сделать немало. Всех статей, сообщений и докладов, в т.ч. на многих международных конгрессах и на разных языках я перечислять здесь не буду, но выделю две фундаментальные книги: «Древние культуры

азиатских эскимосов (Уэленский могильник)». М.: Наука, 1969, 207 с. и «Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник)», М.: Наука, 1975, 240 с. Обе книги были переведены и изданы на английском языке сначала несколько раз в сокращенном виде в электронной версии, а затем в переводе Р.Л. Блэнда в 2007 г. изданы полностью в США в Орегоне Национальной парковой службой. Парковая служба распространяет эти тома бесплатно всем ученым, интересующимся данной проблемой, так что результаты наших с Дорианом работ сейчас широко известны и доступны.

Многолетнее содружество с Дорианом оказало определяющее воздействие на всю мою последующую жизнь. И если в научном плане наибольший объем знаний я получил от М.Г. Левина, то в бытовом, житейском, практическом плане львиной долей своих умений я обязан Дориану.

Сейчас эстафету исследований древнеэскимосских и чукотских памятников Восточной

Чукотки продолжают сотрудники Государственного музея Востока – М. Бронштейн, К.А. Днепровский и др.; одни непосредственно в поле, а другие по состоянию здоровья и по возрасту уже только камерально, но весьма активно и результативно.

Древние памятники Чукотки приобрели мировую известность, работы о них переводятся и публикуются на многих иностранных языках – английском, немецком, японском и др.

Кроме археологических работ Дориан Сергеев вместе с В.П. Алексеевым вел и этнографические работы на Чукотке. В 1971 г. в этих работах приняли участие М.А. Членов и И.И. Крупник. В 1976 г. М.А. Членовым был открыт памятник совершенно особого характера, ставший известным в науке как «Китовая аллея». В 1979 г. в его исследовании принимал участие Левон Абрамян. Но здоровье Дориана Андреевича к этому времени было уже существенно подорвано. Он уже не мог участвовать в полевых работах такого рода, а в 1984 г. его не стало.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 391.069.5(411.16)

Рецензия на книгу: Путь веры длиной в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения /

Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугаппи. СПб.: 2012. – 296 с., с илл.

ПАВЕЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ КРЫЛОВ

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

В рецензии особое внимание уделено оценке воспоминаний о Лютеранской церкви рядовых членов сельских приходов, жителей финских деревень и хуторов Ленинградской области за длительный период времени: от эпохи, предшествовавшей массовым репрессиям финнов Ингерманландии 1930-х гг., до восстановления современной церкви Ингрии.

Ключевые слова: Церковь Ингрии, история лютеранской церкви, лютеранская церковь в XX веке, воспоминания.

UDC 391.069.5(411.16)

Book Review: Faithful Road Through Centuries Church of Ingria: 400 Years of History, 40 Years without Temples, 4 Benchmarks of Reviva.

Ed by Rev. Bishop Aarre Kuukauppi. St Petersburg, 2012. – 296 p. Ill.

PAVEL V. KRYLOV, Ph.D. (History)

Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg
Researcher
e-mail: pavel_kryloff@mail.ru

The article focuses on reviewing the memories of the Lutheran Church by ordinary members of rural parishes, the inhabitants of Finnish villages and the farms of the Leningrad Region over a long period of time: from the era preceding the mass repressions of the Finns of Ingermanlandia in the 1930s to the reconstruction of the modern Church of Ingria.

Keywords: the Church of Ingria, the history of the Lutheran Church, the Lutheran Church in the 20th century, memories.

400-летняя история Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии, ведущая свой отсчет от основания в 1611 году прихода в Лемболово, довольно хорошо исследована. Поместной церкви, принадлежащей к скандинавской традиции лютеранства, посвящены сотни научных публикаций, несмотря на то, что в российском масштабе это объединение верующих, большинство которых на протяжении как минимум 380 лет составляли российские финны, никогда не отличалось большой численностью. Разумеется, по понятным причинам подавляющая часть литературы о Церкви Ингрии опубликована в Финляндии на финском языке и является для российского читателя недоступной из-за языкового барьера. Тем не менее, работы А.И. Гиппинга, Я.А. Бойченко, Л.А. Гильди, К.С. Жукова, С.А. Исаева, Э.С. Киуру, О.А. Лиценбергер, В.И. Мусаева, Т.М. Смирновой, Л.В. Суни, И.Р. Такала, М.А. Таргайнена, С.Б. Филатова, Т. Флинка, М.В. Шкаровского, С.Э. Яловицкой¹ и других авторов дают возможность составить адекватное представление об историческом пути церковных общин российских финнов от момента их появления в Северо-Западном регионе страны до дня сегодняшнего, когда ЕЛЦИ распространилась от Печор и Кингисеппа на западе до Улан-Удэ и Читы на востоке.

Впрочем, наличие исторических сочинений и популярных очерков о лютеранстве финского происхождения на российской земле ни в коей мере не умаляет достоинства и значения юбилейного издания, которое было подготовлено церковью Ингрии силами рабочей группы, возглавляемой епископом А.М. Кугаппи и Татьяной Паас. Последняя, что необходимо отметить, на протяжении многих лет с небольшими перерывами занимается церковной журналистикой, являясь в настоящее время ответственным редактором русскоязычной версии журнала «Церковь Ингрии». От научной монографии, авторского художественного повествования о прошлом, от сборника статей или документов книга отличается концептуально – перед нами сборник воспоминаний о том, как Церковь Ингрии сумела пережить период угнетения и возродиться в конце XX века. Воспоминания принадлежат людям, сыгравшим в церковной истории очень разные роли – выдающиеся и скромные, заметные всем или невидимые почти никому. Среди авторов воспоминаний и те, кто занимал и продолжает занимать высокое положение в иерархии Церкви Ингрии (первый ее епископ Лейно Хасинен, находящийся ныне на покое, и сегодняшний епископ Арри Кугаппи), и ее извест-

ные деятели, как пастор Арво Сурво, архитектор Исто Пихкала или кантор Марина Вяйзя. Много в книге рассказов о жизни поколения, которое приняло на себя основной удар репрессий, войны, высылки из мест традиционного проживания и фактический запрет полноценной церковной жизни (воспоминания Марии Мартикайнен об отце – проповеднике Захаре Мартикайнене, воспоминания Айли Кукконен и Лююли Ронконен о матери – проповеднице Катри Кукконен, воспоминания Симо Смирнова о бабушке – прихожанке Катри Луукка). Встречается и довольно много повествований о своем собственном духовном пути во время возрождения Церкви Ингрии в 1990-е – 2000-е гг. Особое место занимают очерки профессиональной финской журналистки Тууликки Вилхунен о двух выдающихся духовных лидерах церкви Ингрии – Селиме Ялмари Лаурикалае, возглавлявшем Церковь Ингрии в 1925–1937 гг. и высланном в апреле 1937 г. в Финляндию, и Аатами Куортти – ординированном в 1927 г., высланном в 1930 г. в Карелию и бежавшем в Финляндию, откуда он впервые вернулся в 1989 году для благословения проповедников возрождающейся Церкви Ингрии, знаменуя тем самым преемственность духовной традиции. Отдельно хочется отметить и публикацию воспоминаний Харри Мыгсника, служившего настоятелем Пушкинского прихода в 1976–1981 гг., написанных в жанре духовной автобиографии, автор которой, пользуясь весьма скромными художественными средствами, сумел создать очень детальное и вдумчивое описание нравственной атмосферы церковной жизни советского периода. Ее светлые и темные стороны, возвышенные отношения и мелкие интриги, опека со стороны уполномоченного по делам религии, взаимоотношения между пастором, старостой прихода, «двадцаткой» и рядовыми прихожанами, описанные эстонским пастором будут очень интересны читателю, в особенности, по своему возрасту далекому от советских реалий.

Каждое из представленных в юбилейном издании живых свидетельств истории ингерманландской церкви (общее количество 41, что делает невозможным приведение в краткой рецензии общего списка) достойно добрых слов. Похвалить рабочую группу необходимо и за подбор иллюстративного материала, который насчитывает 326 фотографий, в большинстве своем очень редких. Они были найдены в архивах Церкви Ингрии, в архивах ее отдельных приходов и в личных архивах прихожан и воспроизведены в наилучшем качестве. Составители сборника постарались проиллю-

стрировать не только все значимые события церковной истории, такие как закладка церкви Св. Георгия в Колтушах 6 октября 1990 г. или освящение кафедрального собора Св. Марии в Санкт-Петербурге 19 мая 2002 г. после ремонта, но и повседневность жизни верующего в Советском Союзе – богослужения и духовные собрания на частных квартирах и кладбищах, отпевания, совершаемые мирянами, поездки молодежи из Ленинградской области для конфирмации в Эстонию. Для сравнения приводятся фоторепортажи о событиях дней сегодняшних.

Подводя итог комплиментарного раздела рецензии, можно сказать с уверенностью, что издание, выпущенное Церковью Ингрии к своему 400-летию, – не только занимательное чтение для всех, кого вне зависимости от собственной конфессиональной принадлежности интересует российское лютеранство. Этнографы, религиоведы, церковные историки, стремящиеся реконструировать социальную реальность бытия Церкви Ингрии в советскую и постсоветскую эпохи, получили в свое распоряжение ценнейший источник. Обойти этот юбилейный том в своих научных работах они отныне не имеют права.

Ни один источник, впрочем, не может считаться исчерпывающим. Подобное можно сказать и о книге «Путь веры длиною в столетия», тем более, что критика источника является одним из краеугольных камней источниковедения.

И прежде всего, придется отметить, что книга, составленная в жанре «народной истории» по определению не может быть полной и всеохватной. Сегодня Церковь Ингрии насчитывает около 15 тысяч полноправных прихожан – совершеннолетних граждан России, прошедших конфирмацию и объявивших о своем членстве в том или ином приходе, и около 200 духовных работников. Кроме того, количество выходцев из России в Финляндию достигло к 2013 г. 62 тысячи человек, многие из них являются по происхождению ингрофиннами и в той или иной степени были связаны в своей жизни с ингерманландской церковью. Ингерманландская диаспора присутствует в Эстонии и Швеции, а также во многих странах СНГ. Несмотря на то, что личные истории всех этих людей, живущих сегодня в разных странах и говорящих на разных языках, во многом похожи, в каждой из них, несомненно, содержится что-то уникальное, что смогло бы дополнить общую картину. Собрать их все – задача физически невыполнимая, и в ограниченности количества информантов составители

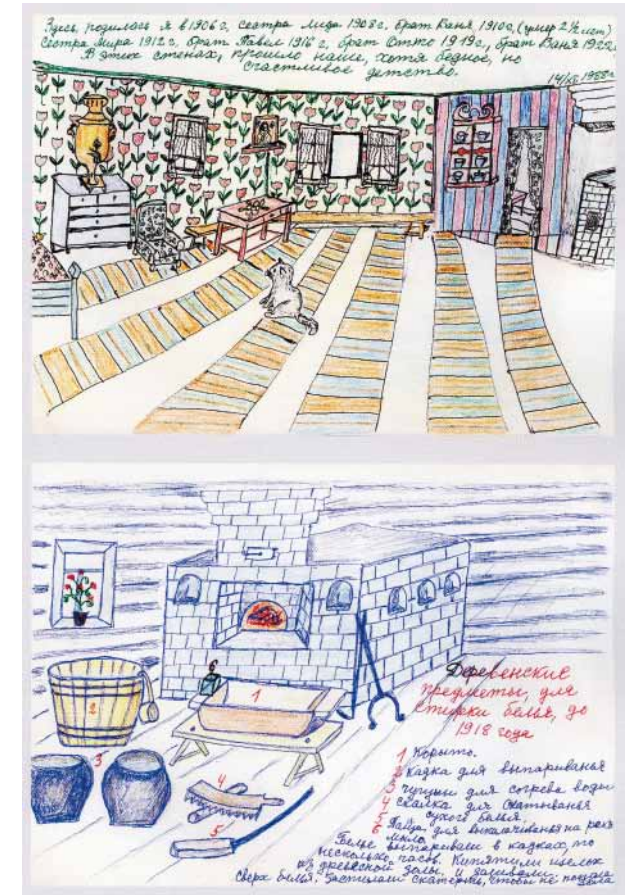
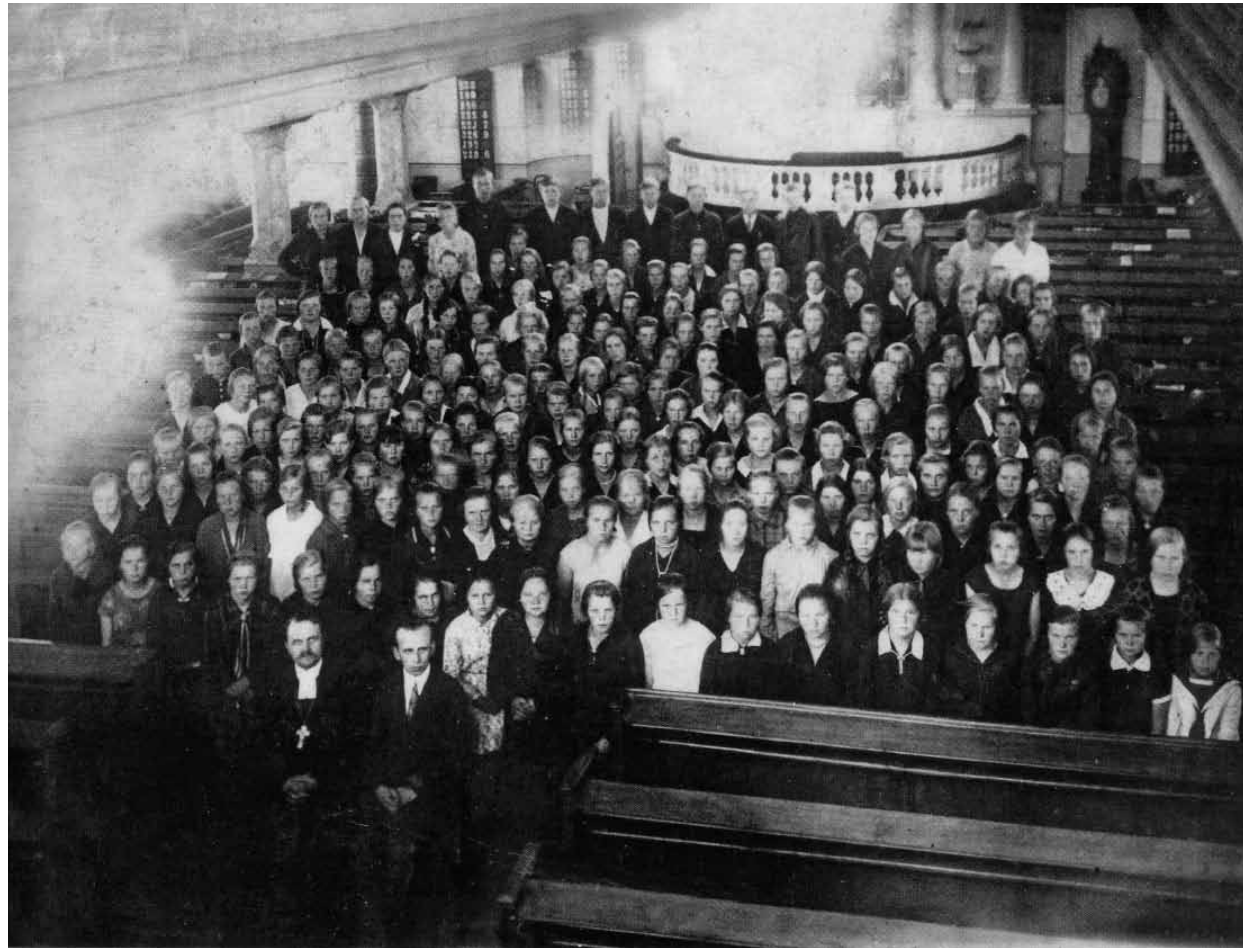

Рисунок Марии Ивановны Степановой (Ильянен). 1912–1988

Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугаппи. СПб., 2012

памятного издания сталкиваются с той же проблемой, с которой сталкиваются исследователи, работающие в рамках «устной истории», использующие в качестве источника открытые интервью, число которых почти никогда не может быть равно числу участников изучаемых событий.

Вторая причина неполноты сборника воспоминаний кроется в невозможности отразить все территориальное и этническое многообразие современной Церкви Ингрии. Она насчитывает около 80 приходов, распределенных между 7 пробствами (благочиниями): Западно-Ингерманландским, Карельским, Московским, Поволжским, Санкт-Петербургским, Сибирским и Уральским. Богослужения совершаются

Конфирмация в церкви Св. Марии прихода Пьетари (Петербург). 1931
Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кураппи. СПб., 2012

на русском, финском, эстонском, английском, марийском луговом, мокшанском, эрзянском и на языке коми. Территориальный охват юбилейной книги явно неравноценен, что обусловлено естественными причинами. Епископская кафедра и Центральная канцелярия ЕЛЦИ находится в Санкт-Петербурге. В непосредственной близости от Санкт-Петербурга расположены очень важные приходы – Пушкинский, восстановленный первым на территории исторической Ингерманландии в 1977 г., Колтушский – место, пожалуй, наиболее компактного проживания ингро-финнов в Ленинградской области, Губаницкий – восстановление которого в 1988 г. знаменовало собой возрождение Церкви Ингрии. Жизни этих приходов, деятельность Центральной канцелярии отражены в юбилейном томе значительно подроб-

нее, чем остальных, в том числе находящихся в Карелии, где приходская жизнь возобновилась в 1970 г., а на протяжении 1990-х – 2000-х гг. были построены и освящены новые церковные здания в Петрозаводске, Олонце, Питкяранте, Кондопоге, Сортавале, Калевале и Ляскеля. Миссионерская работа Церкви Ингрии в уральском регионе показана, преимущественно, на примере Мордовии, в то время как ее деятельность в Марий Эл почти не упоминается, так же, как в Москве и Сибири. Вниманием составителей сборника оказались обойдены композитор и музыкант, кантор кафедральной церкви Святой Марии Моозес Путро и почитаемый среди гатчинских прихожан пастор Оскар Пальза.

Наконец, хотелось бы вспомнить, что с Церковью Ингрии были в разное время связаны не только граждане России, Эстонии и Финлян-

дии, чьи воспоминания нашли место на страницах юбилейного тома. С ней сотрудничали и довольно активно выходцы из Швеции, США, Германии, Словакии, Латвии и, возможно, и других стран. Их взгляд на историю этого сотрудничества, вне всякого сомнения, представлял бы большой интерес для читателя. Равным образом, было бы любопытно познакомиться со взглядом представителей других конфессий на возрождение Церкви Ингрии.

Может создаться впечатление, что в адрес составителей книги прозвучало от рецензента слишком много критики и упреков. Такое впечатление, впрочем, будет ложным. Если кого и можно в чем-то упрекнуть, то только тех потенциальных авторов юбилейного тома, которые, по причинам объективного или субъективного свойства, не откликнулись на призыв рабочей группы поделиться воспоминаниями и тем самым лишили читателя возможности открыть

для себя одну из неведомых ему сторон истории ингерманландского лютеранства.

Сборник живых свидетельств о прошлом «Путь веры длиною в столетия» был составлен с трогательной любовью к авторам и их текстам, очень открыто и бережно передающим новым поколениям коммуникативную память, трансформируя ее в память историческую, делая достоянием не только узкого круга посвященных, но открывая ее для каждого, кто пожелает к ней прикоснуться. И пусть бросающаяся в глаза незавершенность проекта, отсутствие на его страницах имен людей и общин, которые хотелось бы увидеть «на листах бумаги книжной», станут причиной, поводом и стимулом для того, чтобы одним продолжать и продолжать этот вдохновенный труд собирания и сбережения знаний об истории Церкви Ингрии, а другим – не стесняться и не бояться доверять свои воспоминания городу и миру.

¹ Гиппинг А.И. Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. – СПб.: Российский архив, 2003; Бойченко Я.И. О лютеранах в России, Нижнем Новгороде и не только... – Нижний Новгород, 2007; Гильди Л.А., Браудзе М.М. Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. I. – СПб.: Гюль, 2010; Гильди Л.А. Беда народа: Сборник статей и материалов. – СПб., 2003; Он же. Судьба «социально-опасного» народа. – СПб.: ДЕАН, 2003; Он же. Расстрелы, ссылки, мученья. – СПб., 1996; Жуков К.С. История Невского края (с древнейших времен до конца XVIII века): Книга для учителя. – СПб.: Искусство – СПб., 2010; Исаев С.А. Как и почему разошлись пути религиозного и национального возрождения ингерманландских финнов // Миноритетные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. – СПб.: Издательство СПбНППИТ, 2008. – С. 54–88; Киуру Э.С., Суни Л.В. Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1998. – С. 44–62; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). – М.: Готика, 1999; Мусаев В.И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине

XIX – второй половине XX в. – СПб.: Нестор, 2009; Смирнова Т.М. Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. – СПб.: Сударыня, 2002; Такала И.Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. – СПб.: Издательство «Журнал «Нева», 2002; Таргайнен М.А. Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001; Филатов С.Б., Степина А. Российское лютеранство // Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – С. 315–335; Флинк Т. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских финнов из Финляндии в Советский Союз. 1944–1955 гг. – СПб.: Гюль, 2011; Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004; Яловицына С.Э. Финны-лютеране и межконфессиональные отношения в Карелии 1990-х годов // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. – Вып. 3. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – С. 425–460.

Интерьер церкви Св. Регины прихода Рябяювя (Рябово). Начало XX века. Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугалли. СПб., 2012. С. 255

Пасха. Крестный ход в приходе Тюрё. 11 апреля 1993 года. Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугалли. СПб., 2012. С. 255

Первое богослужение в приходе Тюрё во Дворце культуры г. Ломоносова. 17 февраля 1991 года. Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугалли. СПб., 2012. С. 255

Крещение Марины Банзаракаевой из прихода Улан-Удэ в Минусинском протоке реки Енисей. Август 2010 года. Илл. из книги «Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения» / Под общей ред. Еп. Церкви Ингрии А. Кугалли. СПб., 2012

К АВТОРАМ

Журнал «Музей. Традиции. Этничность» выходит два раза в год, распространяется на территории Российской Федерации, полнотекстовая версия издания публикуется на сайте Российского этнографического музея (www.ethnomuseum.ru).

Редколлегия журнала «Музей. Традиции. Этничность» приглашает российских и зарубежных авторов направлять в журнал статьи, посвященные проблемам изучения этнической истории и этнических традиций, феноменов этничности и межэтнических контактов, а также деятельности музеев по сохранению и презентации этнографических коллекций. Предполагается публикация статей и сообщений, отражающих результаты исследований памятников традиционной культуры из российских и зарубежных музеев, архивов, библиотек. Основные темы журнала представлены в рубриках: «Из истории этнографической науки», «Этнические традиции в культуре», «Музейные формы трансляции этничности», «Этнографическое поле, музейные коллекции, архивы», «Рецензии», «Персоналии».

Редакция принимает статьи на русском (для отечественных авторов) и английском (для зарубежных авторов) языках объемом до 1,5 авторских листов, сообщения, рецензии, заметки – до 0,7 авторского листа. Статьи зарубежных авторов должны сопровождаться аннотацией на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МУЗЕЙ. ТРАДИЦИИ. ЭТНИЧНОСТЬ»

Авторские материалы должны быть подготовлены с установками размера бумаги А4 (210x297мм). Размеры полей: правое – 20 мм, левое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 20 мм. Для акцентирования элементов текста разрешается использовать курсив, полужирный курсив, полужирный прямой. Не следует допускать автоматической или принудительной расстановки переносов, использовать пробелы для выравнивания или оформления абзацного отступа.

Тексты представляются в распечатке (2 экземпляра) и электронном виде в формате RTF с нумерацией страниц, колонтитулы не создаются.

Шрифт «Times New Roman», размер 12, с полнотекстовым междустрочным интервалом.

Сноски должны быть автоматическими, конечными (в конце документа); арабская нумерация. При оформлении ссылок следует использовать ГОСТ 7.0.5. – 2008 (см. раздел 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).

Схемы, графики, рисунки выполняются в формате JPEG.

Все иллюстрации должны иметь наименование и, в случае необходимости, пояснительные данные (подрисночный текст); на все иллюстрации должны быть даны ссылки в тексте статьи. Слово «Рисунок», его порядковый номер, наименование и пояснитель-

ные данные располагаются непосредственно под рисунком. Иллюстрации нумеруются арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Иллюстрации представляются также отдельно в файлах формата TIFF, JPEG, PSD или EPS (разрешение не менее 300 dpi для изображений в натуральную величину) с распечатками для макетирования. В исключительных случаях по согласованию с редакцией принимаются фотографии в пригодном для воспроизведения виде в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации (распечатки) указываются фамилия автора и номер иллюстрации. Отдельно прилагаются список иллюстраций и подписи под иллюстрациями (с указанием на местонахождение оригинала, шифра рукописи и номеров листов оригинала, инвентарного номера музейного экспоната).

Музейные и архивные материалы принимаются к публикации только при наличии письменного разрешения владельцев: организаций и частных лиц.

Файл статьи и ее распечатка (2 экземпляра), предоставленные в журнал, должны быть полностью идентичны. Исправления, дополнения и т.п., внесенные без согласования со стороны редакции, учитываться не будут.

Структура публикуемых материалов

На русском языке:
индекс УДК (печатать над фамилией автора слева) – должен отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);
название статьи (с заглавной буквы, далее строчными);
имя, отчество, фамилия (полностью, расположение – на середине страницы);
сведения об авторе (полное название учреждения или кафедры вуза, город, ученая степень, ученое звание, должность), e-mail;
аннотация объемом до 200–250 слов (после отступа);
ключевые слова (не более 15 слов);
основная часть (текст статьи);
примечания и библиографические ссылки.

На английском языке:
индекс УДК (печатать над фамилией автора слева);
название статьи (с заглавной буквы, далее строчными);
имя, отчество, фамилия (полностью, расположение – на середине страницы);
сведения об авторе (полное название учреждения или кафедры вуза, город, ученая степень, ученое звание, должность), e-mail;
аннотация объемом до 200–250 слов (после отступа);
ключевые слова (не более 15 слов).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Порядок рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала «Музей. Традиции. Этничность».

1. Рукописи научных статей, поступившие в редакцию журнала «Музей. Традиции. Этничность», рассматриваются главным редактором, членами редколлегии на предмет их соответствия тематике журнала и редакционным требованиям к оформлению.

2. Поступившие в редакцию рукописи статей регистрируются и направляются на письменное рецензирование одному или, при необходимости, двум рецензентам. Выбор рецензентов определяют члены редколлегии и главный редактор журнала.

3. Рецензентов уведомляют о том, что присланные им рукописи являются собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается использовать неопубликованные рукописи в каких-либо целях. Сведения о личности рецензента являются конфиденциальной информацией.

4. Авторам рукописей по их письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности и места работы рецензента.

5. Рецензия может быть направлена по запросу экспертных советов в ВАК РФ.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется

автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи.

7. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в сроки, установленные редколлекцией. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от автора, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье.

8. Если статья по рекомендации рецензента подверглась значительной авторской переработке, она направляется на повторное рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

9. Редколлегия оставляет за собой право отклонить статью в случае неспособности или нежелания автора учесть пожелания редакции.

10. При наличии отрицательных рецензий на рукопись от двух рецензентов статья отклоняется редколлекцией.

11. Назначенный главным редактором член редколлегии доводит принятое решение до сведения автора не принятой к публикации статьи.

12. Максимальный срок рецензирования – между датами поступления рукописи в редакцию и вынесения редколлекцией решения – составляет 3 месяца.

13. Оригиналы рецензий хранятся в редакции в течение трех лет со дня публикации статей.

Подписной индекс 70735

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Рукописи авторам не возвращаются.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов без согласия редакции не разрешается.

По вопросам публикации просим обращаться в редакцию журнала.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1

Тел.: (812) 570-52-25. Факс: (812) 570-52-25

e-mail: journal@ethnomuseum.ru

Музей. Традиции. Этничность

№ 1 (5). 2014

Подписано в печать 20.05.2014. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Объем издания 13,25 уч.-изд. л.; 7,21 печ. л. Тираж 500 экз.

Оформление обложки: П.В. Белова

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15